

Благословенно Имя Ее

*Ее «да»
было путем
к спасению
человечества.*

Автор Барбара Олейник

Благословенно имя ее

История и божественная жизнь Пресвятой Девы Марии

Вдохновленный

Мистический город Бога

Сестра МЭРИ Иисуса из Агреды

на

Барбара Олейник

ПОСВЯЩЕНИЕ

За Матерь Всех и за всех, кто знает, что в конце концов Ее
Непорочное Сердце восторжествует.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая	7
Непорочное зачатие	7
Глава вторая Адские недра.....	12
Глава третья	15
Рождение Марии	15
Глава четвертая	20
Учение Марии	20
Глава пятая	23
Храм	23
Глава шестая	29
Смерть Иоакима	29
Глава седьмая	32
Глубины ада	32
Глава восьмая Смерть Энн	37
Глава девятая	39
Мэри достигает совершеннолетия	39
Глава десятая	41
Обручение Марии и Иосифа	41
Глава одиннадцатая	43
Мгновения творения	43
Глава двенадцатая	47
Благословенна ты среди женщин.....	80
Глава четырнадцатая	56
Путешествие в Вифлеем	56
Глава пятнадцатая	64
Рождение Христа	64
Глава шестнадцатая Презентация.....	69

Глава семнадцатая	74
Глава восемнадцатая	83
Мальчик Иисус	83
Глава девятнадцатая.....	88
Возвращение в Назарет.....	88
Глава двадцатая	92
Проповедь в храме	92
Глава двадцать вторая Смерть Джозефа	101
Глава двадцать третья	105
Его общественная жизнь приближается	105
Глава двадцать четвертая Жертвоприношение матери	108
Глава двадцать пятая Крещение Иисуса.....	112
Глава двадцать шестая	114
Искушение Иисуса	114
Глава двадцать седьмая Ученики Христа	117
Глава двадцать восьмая Публичные чудеса	119
Глава двадцать девятая Растущее служение....	123
Глава тридцатая	125
Преображение	125
Глава тридцать первая	125
Тайная вечеря	126
Глава тридцать вторая	129
Печаль Марии	130
Глава тридцать третья.....	132
Дорога на Голгофу	132
Глава тридцать четвертая	135
Воскрешение	135
Глава тридцать пятая	137
Вознесение Христа	137

Глава тридцать шестая.....	140
Пятидесятница	140
Глава тридцать седьмая	143
Битва добра и зла	143
Глава тридцать восьмая	147
Апостольский символ веры.....	147
Глава тридцать девятая	148
Смерть Джеймса	151
Глава сороковая Освобождение Петра.....	153
Глава сорок первая	157
Евангелия	157
Глава сорок вторая	161
Смерть нашего возлюбленного.....	161
Глава сорок третья	165
Вознесение Марии	166
Заметки автора	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фильм "Благословенно имя ее" - прозаическая экранизация "вдохновенного" сценария, написанного Барбарой Олейник в 2000 году. В ее основу легли духовные труды Марии Иисуса из Агреды, благочестивой францисканской монахини из Агреды, Испания, известной как МЭРИ де Агреда (1602–1665). Родившись в семье, посвященной Богу, она вместе с матерью поступила в монастырь Непорочного Зачатия в январе 1619 года, в то время как ее отец и два брата стали францисканскими монахами - неожиданно в двадцать пять лет папская диспенсация сделала ее настоятельницей. Умерла она с репутацией святой, и всего семь лет спустя, 21 июня 1672 года, Конгрегация обрядов при испанском дворе представила дело о ее канонизации.

Ее непреходящая известность связана не только с ее святой жизнью, но и с ее работой "Мистический град Божий". Задуманный в 1627 году, через девять лет после вступления в монастырь, он был начат по указанию ее духовника, и первые 400 страниц были написаны всего за двадцать дней. Несмотря на то, что поначалу она пыталась пресечь ее публикацию, копия была отправлена Филиппу IV, который давно проявлял к ней интерес. Позже, следуя наставлениям другого духовника, она сожгла все свои труды, но возобновила работу в 1655 году и завершила ее к 1660 году; посмертно она была напечатана в Мадриде в 1670 году.

Утверждает, что записывает божественные откровения,

В "Мистическом граде Божьем" подробно описаны тайны Божественной жизни и смерти Девы Марии, прославленной как Мать человечества и Царица Небесная. Изначально это был 4000-страничный

испанский текст, разделенный на четыре тома, но в 1885 году отцы-редемптористы перевели его на немецкий язык. Вдохновленный немецким изданием, священник из Чикаго отец Джордж Дж. Блаттер выучил испанский язык, чтобы сделать английский перевод, впервые опубликованный в 1912 году.

В сентябре 1999 года Барбара начала работать над своей дипломной работой в Нью-Йоркском университете - мюзиклом "Чудо Фатимы". Во время посещения местного католического книжного магазина она столкнулась со счастливой случайностью, когда "Мистический город Бога" буквально упал с полки книжного магазина ей на ногу. Пораженная этим произведением, она читала его в течение года, часто перечитывая главы из 1000-страничного тома. 8 декабря 2000 года она начала писать сценарий, чего никогда раньше не делала, и закончила 25 декабря. Эта новая экранизация сценария позволяет донести историю и божественную жизнь Богородицы до широкой аудитории. Ибо пришло время Ее триумфа!

ГЛАВА ОДНА

НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

В 25 году до нашей эры деревня Назарет гудела, ее узкие улочки кипели энергией: торговцы зазывали покупателей, а дети пробирались сквозь толпу, игриво смеясь. Ритмичный стук кузнечного молота отражался от каменных стен, смешиваясь с болтовней продавцов, торгующихся о ценах. В воздухе витал запах теплого свежее испеченного хлеба, смешанный с земляным ароматом специй, корицы, кумина и кардамона, сыплющихся из плетеных корзин. Солнечный свет отблескивал на глиняных крышах, а отдаленное блеяние коз вливалось в симфонию повседневной жизни, рисуя картину города, живущего целями и традициями.

Группа женщин, одетых в длинные, струящиеся льняные туники глубокого синего, приглушенного красного и землистого кремового цветов, собралась в деревне.

На площади их голоса сплелись в оживленный хор смеха и разговоров. Они окружили двух более молодых женщин, обе были тяжело нагружены детьми, их руки нежно поглаживали округлившиеся животы, когда они шептали благословения и обменивались понимающими улыбками. В воздухе витало волнение, тепло сестринского чувства окутывало их, как уютная шаль. Солнечный свет плясал на их лицах, глаза блестели от предвкушения, а ритмичный шелест тканых юбок и слабый аромат лаванды и печеного инжира разносились по ветру, отмечая этот момент как радость, надежду и обещание новой жизни.

Пожилая пара целеустремленно двигалась сквозь шумную толпу, их присутствие было ровным, но сдержанным. Иоахим, крепкий,

несмотря на годы, шел со спокойным достоинством, его обветренные руки были сцеплены за спиной, и он повторял осторожные шаги своей жены. Рядом с ним шла Анна с грацией, притупленной печалью, ее испещренное чертами лицо было омрачено болью, слишком глубокой для слов. Ее глаза, некогда яркие от молодости, теперь смотрели отстраненно и тоскливо, отражая груз, который она несла в молчании. Складки ее плаща слегка развевались при каждом шаге, ткань была поношенной, но величественной, как и сама женщина.

Когда они подошли к группе женщин, Йоахим заметил, как взгляд Анны задержался на беременных женщинах, а ее рука инстинктивно легла на бесплодный живот. Он наклонился поближе, его голос звучал нежно.

"Энн... не надо".

Анна принужденно улыбнулась, хотя глаза выдавали ее боль. "Йоахим, я в порядке. Давайте пожелаем им всего хорошего. Они скоро получают такие чудесные дары от Бога. Как они благословенны!"

Они подошли к группе, и смех женщин затих, а их глаза неловко метнулись к Анне. Она приветствовала их теплой улыбкой, хотя сердце ее болело, слова были искренними.

"Ты скоро должна родить, Рейчел, и ты тоже, Сюзанна. Как вы думаете, может, на этот раз у каждой будет по мальчику? Может, мне молиться о дочерях для вас?"

Одна из женщин, ее тон был резким и недоброжелательным, ответила: "Ты должна молиться за себя, Анна".

Группа разразилась хохотом, их голоса резали воздух, как нож. Другая женщина, ободренная жестокостью первой, повернулась к Йоахиму.

"Иоахим, у меня есть прекрасная младшая сестра. Она готова и вполне созрела для того, чтобы подарить тебе ребенка, который тебе нужен. Наш закон гласит, что ты можешь взять новую жену, если старая стала похожа на засохший кусок земли".

У Йоахима сжались челюсти, но он ничего не сказал. Вместо этого он осторожно отвел Анну от группы, и сердце его оборвалось при виде боли, написанной на ее лице.

Яркие краски дня уступили место холодному серебристому свету полной луны. Деревня Назарет лежала в тишине под звездным небом, каменные дома отбрасывали длинные тени в лунном свете, пока он не упал на скромное жилище Йоахима и Анны.

Стоя на коленях в молитве, они склонили головы и сцепили руки в тихой преданности. В комнате стояла тишина, лишь тихий рокот их голосов возносился к небесам, как фимиам. Голос Иоахима, ровный и благоговейный, первым нарушил тишину. Он начал, в его словах звучали надежда и тоска

"Всемогуций Отец, мы продолжаем молиться о приходе Мессии. Того, кто станет спасением человечества. Пусть Его Слово станет всем, что человек знает и чем живет. Твой гнев сдерживается в те времена, когда он кажется столь необходимым, как велика Твоя любовь к Твоим детям, Господи. Но они не боятся Твоего могущества и не почитают славы Твоего величия".

К его голосу присоединился голос Анны, более мягкий, но не менее пылкий, ее слова дрожали под тяжестью многолетних молитв, оставшихся без ответа. *"Святейший Отец, Господь всего сущего, я продолжаю молиться о рождении ребенка, чтобы мы могли чтить законы нашей веры. Это дитя мы посвящаем Тебе. Мы молимся, да будет воля Твоя и да свершится она".*

Их молитвы витали в воздухе, как священное приношение веры и сдачи, а мерцающий свет единственной масляной лампы отбрасывал их тени на стены. Их молитвы будут услышаны так, как никто из них и представить себе не мог.

Прошло десять лет с тех пор, как Иоахим и Анна впервые начали горячо молиться о ребенке. Времена года сменились, и теперь деревня лежала в тихой неподвижности зимы. Пейзаж, некогда оживленный летним теплом, теперь был суровым и холодным, деревья голыми, а земля затвердела от мороза. В их скромном доме годы наложили свой отпечаток на Иоахима и Анну. На их лицах проступили морщины времени, волосы посеребрились, но их вера оставалась непоколебимой.

Они снова преклонили колени в молитве, их голоса звучали в унисон, свидетельствуя об их неизменной преданности. Но на этот раз, когда они молились, внезапный и лучезарный свет заполнил комнату, поглотив их своим сиянием. Перед ними появился молодой и поразительно красивый мужчина, его присутствие было одновременно бесплотным и осязаемым. Это был ангел Гавриил, его облик сиял божественным светом, а голос был мягким и в то же время властным.

"Я Гавриил, посланный Святой Троицей с этим посланием - вы, Иоахим и Анна, проявившие себя как благочестивые слуги, которые в непрерывной молитве об искуплении человечества и пришествии Мессии пришли к Нам и были услышаны в Нашей милости. Была услышана и ваша молитва о ребенке. Мы обещаем вам, по благосклонности Нашей десницы, что вы получите Плод Бенедикции. Анна, хотя и бесплодная, чудесным образом зачнет дочь, которой Мы дадим имя МЭРИ. Она будет благословенной среди женщин. Все народы будут знать ее как Благословенную. Ибо любовь смягчила сердце Всемогущего и ускорила Его милости к человеку. Дочь эта будет прекрасна во всех своих делах и во всей

своей жизни. С самого детства пусть она будет посвящена Богу, как ты обещал. Она будет избранной, возвышенной, сильной и полной Святого Духа. О зачатии Младенца возрадуется все небо и земля".

Свет вокруг Анны стал еще ярче, и Гавриил обратился к ней, говоря наедине. *"Мы создадим в тебе совершенное произведение, которое станет объектом Нашего всемогущества, образцом совершенства, предназначенного для наших детей, и завершающим венцом творения. В Нее, которая будет свободна от греха, Мы вложим все милости и блага, дарованные и затем утраченные первым человеком. Ты один будешь знать, что МЭРИ станет порталом жизни и спасения для сыновей Адама".*

С этими словами ангел Гавриил исчез, а свет, окружавший супругов, померк, оставив их в ошеломленном молчании.

Зима уступила место мягкому теплу позднего лета. Энн, уже заметно подросшая, работала в саду, заботливо ухаживая за растениями. Над ней в воздухе висела мимолетная белизна - неясное, но ощутимое присутствие. Энн тихонько напевала с лицом, сияющим от радости. Проходивший мимо сосед остановился, чтобы поприветствовать ее.

"Энн, это ведь ненадолго, правда?" - спросила женщина, ее тон был любопытным и теплым.

Энн улыбнулась, положив руку на свой округлившийся живот. *"До конца лета еще два месяца".*

"И что ты думаешь? Мальчик? Девочка?"

Энн тихонько засмеялась, сверкнув глазами. *"Чудо в моем возрасте!"*

Обе женщины рассмеялись, их голоса разлетелись по ветру.

ГЛАВА ДВА

НЕДРА АДА

Глубоко под землей адские недра кипели от неумолимой, ненасытной ярости. Пламя ревело, как живые звери, языки огня лизали зазубренные, почерневшие скалы, отбрасывая дикие, мерцающие тени, которые плясали, словно измученные души. Сама земля пульсировала от жара, трескалась и расплавлялась, сочась реками жидкого огня, прокладываящими путь через бездну. В воздухе висел едкий запах серы и эхо мучительных стенаний - их скорбь была вплетена в саму ткань inferнального пространства. В промежутках между пламенем нависала тьма - не отсутствие света, а всепоглощающая, удушающая пустота, давящая на проклятых, словно невидимая рука. Это было место бесконечных мучений, где время теряло смысл, а отчаяние цеплялось за воздух, как удушливый туман, окутывая всех, кто осмеливался попасть в его объятия.

Люцифер, грозно возвышаясь над землей, расхаживал взад-вперед, его движения были взволнованными. Внезапно он откинул голову назад и издал истошный рев, его голос эхом разнесся по бездне. Он раскинул руку, вглядываясь в нее, и перед ним возник образ смеющихся Энн и ее соседки. Он увидел, как Энн положила руку на свой беременный живот, и ее радость была несомненной.

Рука Люцифера сжалась в кулак, и он издал гортанный стон, его ярость стала ощутимой.

Позже, в своем доме, Энн сидела у окна, ее пальцы ловко сшивали нежную детскую одежду. Золотистый послеполуденный свет проникал сквозь деревянные ставни, отбрасывая теплые узоры на земляной пол. Легкий ветерок шевелил ткань на ее коленях, донося слабый аромат розмарина и свежее испеченного хлеба. Снаружи доносился тихий гул деревенской жизни, отдаленные

голоса, изредка бляение козы, но в этих стенах все было спокойно, это было святилище тихой преданности.

Затем, без предупреждения, воздух изменился. Из комнаты ушло тепло, сменившись неестественной прохладой, от которой затрещала кожа. Мягкий свет померк, словно само солнце отпрянуло. На грудь опустилась тяжесть, плотная и удушающая. Мерцающая масляная лампа дрожала, ее пламя уменьшалось, а в самом дальнем углу сгущалась тьма, богаче тени.

А потом он оказался там.

Появился Люцифер, его присутствие исказило пространство вокруг него - фигура ужасной красоты и всепоглощающего ужаса. Его глаза, похожие на тлеющие угли, впились в нее, и хотя его лицо было вырезано с совершенством ангела, оно было омрачено чем-то более глубоким, древней яростью, печалью, превращенной в нечто жестокое. Сам воздух вокруг него пульсировал невидимой силой, давя на нее, угрожая задушить покой, который несколько мгновений назад наполнял комнату. Игла Энн выскользнула из ее пальцев, забытая, и она уставилась в лицо самой тьме.

Его внешность была скорее человекоподобной, чем звериной, хотя его присутствие было не менее ужасающим. Он начал ругать ее, в его голосе звучала злоба.

"Посмотри на себя, такая старая, увядшая женщина с ребенком. А Иахим еще старше тебя. Это ведь не его, правда? Ты прелюбодейка. Ты радуешь меня. Ты, которая молишься Богу с таким благочестием, носишь свой грех в животе".

Анна упала на колени и зарыдала, инстинктивно прикрыв руками живот, чтобы защитить нерожденного ребенка. Прежде чем Люцифер успел произнести хоть слово, внезапное сияние разорвало гнетущий мрак. В одно мгновение к нему спустились два небесных существа, осветив комнату сиянием, которое бросало вызов самой тьме, исходящей от павшего ангела.

Один из ангелов пронесся вниз с головокружительной быстротой, его массивные крылья развернулись, словно щит из чистого света, окутав Анну барьером божественной защиты. Воздух вокруг нее,

некогда густой от ужаса, теперь наполнился неземным теплом, успокаивающей силой, которая отбросила удушающую хватку зла.

Второй ангел стоял, возвышаясь над Люцифером и излучая непоколебимую власть. Его глаза горели небесным огнем, а одежды сверкали, как расплавленное золото. Не раздумывая, ангел заговорил голосом, богатым и властным, в каждом слове ощущалась сила Всемогущего.

"Ты больше не войдешь в этот дом", - провозгласил ангел, и его голос потряс воздух. "Разве вы не видите? Анну охраняем мы, слуги Господни. Уходите, ибо нет вам здесь места!"

Казалось, сами стены дома вибрируют от тяжести произнесенного слова. Тьма отпрянула, шипя, как раненая змея, и некогда внушительный облик Люцифера дрогнул, а его ярость столкнулась с непреодолимой силой.

Глаза Люцифера сузились, а в голосе зазвучал яд. *"Почему Он охраняет такую жалкую женщину, вынашивающую незаконнорожденного ребенка? Он скребет дно бочки для верующих".*

Голос ангела был тверд. *"Уходи и знай, что Анна никогда не останется одна".*

Форма Люцифера начала рассеиваться, но его голос остался, как леденящее эхо. *"И я наблюдаю. Я всегда наблюдаю".*

Когда его присутствие исчезло, его голос унесся в бездну, напоминая о его неумолимой злобе. *"Почему такие, как она, так беспокоят меня? Если понадобится, я покончу с ее жизнью. Что бы ни потребовалось, чтобы вернуться в мирное состояние".*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЖДЕНИЕ МАРИИ

Два месяца спустя деревня Назарет лежала в мягком сиянии полной луны, ее свет отбрасывал длинные тени на ландшафт. Ночь была тихой, а воздух хрустел от предвкушения рассвета. На холме, возвышающемся над деревней, Иоаким стоял на коленях в молитве, его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенного луной неба. Его руки были сцеплены, а голова склонилась, когда он тихо выражал свою благодарность и просьбы.

Мягкий луч луны проникал в комнату небольшого каменного дома, где лежала Энн в родовых муках. Однако в отличие от обычных криков и схваток роженицы, комната была наполнена каким-то потусторонним спокойствием. Анна сидела прямо, ее лицо было безмятежным, словно ее не трогали родовые муки. Акушерки перемещались по комнате, их лица выражали благоговение и замешательство.

"Энн, - прошептала одна из акушерок, в ее голосе слышалось удивление, - я никогда такого не видела. Ни одной боли. Странно, не правда ли, сестра?"

Вторая акушерка тихонько хихикнула, хотя ее глаза выдавали ее изумление. *"Возможно, дело в ее возрасте. Если бы я знала, что это будет так легко, я бы сама подождала. Смотрите, ребенок появляется на свет".*

Энн, спокойная и уравновешенная, протянула руку, когда акушерка осторожно положила новорожденную ей на руки. Новорожденная девочка была завернута в мягкое белье, приготовленное к ее появлению, и ее хрупкая фигурка была прижата к груди с величайшей заботой. Но когда она лежала на руках у

матери, произошло нечто необычное: ее кожа словно светилась светом не от мира сего, нежным, небесным сиянием, которое могли воспринимать только Анна и ангелы. Оно мерцало, как первый румянец рассвета, едва уловимое, но неоспоримое, тихое признание божественного прикосновения к ее жизни.

Акушерки, не обращая внимания на небесное сияние, но чувствуя что-то необычное, обменялись многозначительными взглядами. Их руки, привыкшие к трепету новой жизни, слегка подрагивали, когда они в безмолвном благоговении смотрели на ребенка.

Наконец первая акушерка обрела голос, хотя это был едва ли больше чем шепот. *"Девочка!"* - вздохнула она с удивлением в голосе. *"Анна, у тебя дочь. Посмотрите на нее, изысканная, безупречная. Такая совершенная"*.

Вторая акушерка кивнула, ее пальцы нежно провели по мягкой щечке младенца. В комнате воцарилась тихая благоговейная атмосфера, в воздухе витало что-то невысказанное, но глубоко прочувствованное. Ни одна из женщин не знала, что сами небеса приклонились, чтобы присутствовать при рождении младенца, которому было суждено нести спасение человечеству.

Энн прижала ребенка к себе, и ее сердце заколотилось от любви, которая превосходила все слова. Казалось, комната светится нежным светом, исходящим из сердца ребенка, - божественное присутствие наполняло пространство теплом и покоем. Вторая акушерка улыбнулась, ее тон был легким, но наполненным восхищением. *"Похоже, вам не нужны такие, как мы. Ты прекрасно справилась, Анна, гораздо лучше, чем я предполагала. Пойдем, сестра, оставим новоиспеченную мать с ее ребенком. Наконец-то Бог благословил тебя. Спокойной ночи, Анна"*.

Когда акушерки открыли дверь, чтобы уйти, первые признаки рассвета окрасили небо в яркие оттенки розового и золотого. Вторая акушерка тихонько рассмеялась. *"Вы хотели сказать "доброе утро". Давайте поделимся хорошими новостями с Иоахимом!"*

Дверь за ними закрылась, и комната вновь залилась мягким светом восходящего солнца. Энн сидела наедине со своей новорожденной дочерью, солнечные лучи проникали сквозь щели окна и освещали крошечную фигурку ребенка. Энн нежно рассматривала свою малышку, трогая ее нежные пальчики на руках и ногах, удивляясь чуду, которое она держала на руках. Свет, излучаемый сердцем ребенка, казалось, становился все ярче, наполняя комнату священным сиянием.

Переполненная эмоциями, Анна прижала ребенка к себе и упала на колени, ее голос дрожал от благодарности и благоговения. *"Господи, Создатель всего живого и самого могущественного, в Своей бесконечной мудрости Ты дал мне этого ребенка . Благодарю Тебя. Но теперь я должна спросить, как мне заботиться о том, кого только Ты сочтешь носителем Вечного Слова? Как мне обращаться с той, кто станет Матерью Твоего Сына?"*

Голос, мягкий и в то же время властный, наполнил комнату. *"Внешне вы должны заботиться о ней, как мать заботится о своем ребенке, без демонстрации почтения, но внутренне сохраняя это почтение".*

Внезапно комната озарилась сиянием, превосходящим земное понимание. Появилось множество ангелов, их сияющие формы переливались, как огонь и жемчуг, наполняя каждый уголок скромной палаты божественным светом. Их одеяния струились каскадами, как жидкое золото, а крылья распускались в сияющем великолепии, будоража воздух шепотом небесной благодати.

Затем, словно сами небеса приблизились, зазвучала мелодия - гимн, такой чистый, такой мучительно прекрасный, что, казалось, сами стены гудели от его резонанса. Ангельские голоса сплелись в совершенной гармонии, в хвалебной песне, которая трепетала от радости и благоговения перед новорожденным ребенком, Марией. Это был звук, предназначенный не только для смертных ушей, но и для потусторонних миров, возвещающий небесам о том, что в мир пришел избранный Богом.

Энн, прижимая к себе дочь, чувствовала, как музыка окутывает ее, словно теплый свет, а сердце замирает от благоговения. Воздух

мерцал, словно ткань между небом и землей стала тоньше, и в этот священный момент она поняла, что ее ребенок благословлен, что ему уготована судьба, превосходящая воображение.

Свет, исходящий из сердца младенца, становился все ярче, превращаясь в проводник, через который слова Бога передавались непосредственно ребенку, который понимал все, что говорилось.

Раздался голос Бога: *"Возлюбленные мои, на земле Слово будет иметь вас как Свою Мать, без отца, как на небесах у Него есть Отец без матери. Промыслом Нашим пришло время, когда должен ожить свет, существо в человеческом облике, освобожденное от греха, которое должно сокрушить голову змея. Настал час, столь благословенный для смертных, в который должны открыться сокровища Нашей Божественности и отвориться врата небес. Пусть же род человеческий приготовится, ибо вскоре им предстоит примите Учителя, Брата и Друга, ибо Он будет Агнцем Божьим, Который возьмет на Себя грехи мира"*.

Затем, обратившись к Гавриилу, Бог повелел: *"Отправляйся в пещеры Лимба. Скажи Еноху, Илии, святым отцам и праведникам, которые ждут там уже тысячи веков, что скоро наступит искупление человечества"*. Рождение Марии, Божьей Матери, произошло 8 сентября 14 года до нашей эры. Это был момент, который определил план спасения человека.

С этими словами Габриэль исчез, его сияющая форма растворилась в неизвестности, как звезда, исчезающая в просторах рассвета. В комнате вновь воцарилась тишина, но в ней все еще пульсировало тепло его присутствия. Анна, оставшись наедине со своей новорожденной дочерью, смотрела на Марию, и сердце ее разрывалось от неопишуемой смеси любви, удивления и благоговения.

Однако она была не совсем одинока.

Остальные ангелы оставались рядом, их бесплотное сияние мягко освещало комнату. Хотя они не говорили, их присутствие было безмолвным провозглашением, клятвой защиты, которая продлится дольше этого момента, дольше этой ночи, дольше самого времени.

Они стояли как невидимые часовые, охраняя ребенка, чье имя однажды прозвучит в веках.

Легкий ветерок прошелестел по комнате, неся с собой ощущение покоя и спокойной уверенности в том, что Мэри никогда не останется без присмотра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕНИЕ МАРИИ

В скромном доме Иоахима и Анны царила атмосфера тепла и любви. Супруги, ставшие родителями новорожденной Марии, с нежностью смотрели на свое дитя. Иоаким, не зная о божественной судьбе своей дочери, держал ее на руках, как это сделал бы любой любящий отец. МЭРИ же, с рождения наделенная способностью понимать и говорить, ничего этого родителям не открывала. Вместо этого она отвечала на их любовь улыбками и нежными прикосновениями, ее крошечные ручки тянулись к лицу Иоахима или сжимали его пальцы.

В тишине ночи, пока родители спали, МЭРИ стояла на коленях и молилась, ее губы беззвучно шевелились, когда она общалась с Божественным. Когда она подросла и начала ходить, она взяла за руки своих мать и отца, ведя их за собой со спокойной мудростью, намного превосходящей ее годы. Она отпускала их руки только для того, чтобы протянуть свои крошечные пальчики к бабочке, которая садилась на нее и своими нежными крылышками касалась ее щеки.

Когда Анна вела маленькую Мэри по извилистым улочкам деревни, малышка, которой едва исполнилось три года, часто останавливалась при виде нуждающегося человека. Со спокойной решимостью, которая не соответствовала ее нежному возрасту, Мэри осторожно снимала свою мягкую шаль и бережно накидывала ее на плечи хрупкой, болезненной фигурки, скорчившейся на холодной земле. Ее крошечные руки двигались с нарочитой добротой, как будто она понимала всю важность своего маленького жеста. Во время трапезы Мэри сидела со своей скромной порцией еды, ее широкие невинные глаза смотрели на тех, у кого ничего не было. Не задумываясь, она делила еду на всех, оставляя себе лишь самые маленькие кусочки, а остальное предлагая голодным душам, которые встречались на ее пути. Ее бескорыстные поступки, такие чистые и непритязательные, оставляли неизгладимый след в сердцах тех, кто был их свидетелем. Раздавая милостыню нищим, она

целовала им руки и, по возможности, ноги, горячо молясь за их души. *"Господи Боже, - шептала она, - будь милостив и благосклонен к нуждающимся"*. Не раз Анна находила своего маленького ребенка, стоящего на коленях в молитве, с крепко сцепленными руками и поднятым к небу лицом. Молитвы Марии были наполнены смирением и преданностью. *"Боже Высочайший, - говорила она, - я не могу воздать Тебе должную хвалу. Я даже не меркну в Твоей славе и великолепии. Я должна хорошо служить Тебе, мой Господь, и я знаю, что скоро придет время покинуть этот дом. Я с величайшей готовностью и нетерпением жду возможности войти в дом Твой и служить Тебе. Я прошу Тебя вдохновить сердца моих родителей на исполнение святой воли Твоей, чтобы я мог приступить к выполнению поручения, данного мне Тобой"*.

В это же время Анне было дано видение. Она увидела себя в момент зачатия Марии, стоящей на коленях, когда ангел Гавриил передавал ей Божье послание. Затем она увидела, как несет ребенка в Храм, где МЭРИ будет жить и обучаться у святых мужчин и женщин. Иоаким тоже получил такое же видение. Вместе они поняли, что нужно делать.

Видение стало реальностью. Иоаким и Анна шли по улицам Иерусалима, МЭРИ была между ними, ее маленькие ручки были сцеплены в их руках. Когда показался Храм, МЭРИ отпустила их руки и пошла вперед, ее шаги были ровными и уверенными. Они вошли в большой дверной проем и преклонили колени, вознося Господу набожную и горячую молитву. Иоаким молился, его голос был тяжелым от скорби,

"Всемогущий Господь, с большой скорбью мы выполняем Твою просьбу. Мы возвращаем это дитя Тебе. Наша дочь, Твоя дочь".

Сердце Анны сжалось от боли, и она добавила свою собственную безмолвную молитву. *"Она - Твое дитя, мой драгоценный Господь, и она будет нести Слово, как Ты предначертал. Такого благочестия и глубокого смирения, столь явного в этом маленьком существе, я еще никогда не видела. Я возвращаю ее Тебе и молюсь о том, что относилась к ней так, как Ты меня наставлял"*.

МЭРИ тоже тихо молилась. *"Дорогой Отец, я чувствую и печаль, и радость. Ведь я покидаю двух таких дорогих и нежных людей, что мое сердце ранится. И в то же время в нем звучит ликование, ибо теперь я научусь служить Тебе так, как Ты того заслуживаешь"*.

Голос Бога наполнил пространство, мягкий и в то же время властный. *"Приди, возлюбленный Мой, приди в Мой храм и ищи то, чего так желает твое сердце"*.

Пятнадцать ступеней вели ко входу в храм. Раввин спустился поприветствовать их и, взяв Марию за руку, повел ее на первую ступеньку. С его разрешения МЭРИ повернулась и опустилась на колени перед Иоакимом и Анной. Она взяла каждую из их рук, поцеловала их и положила по обе стороны от своего лица, закрыв глаза. Из глаз ее родителей потекли слезы, но не было произнесено ни слова. Отпустив их, МЭРИ повернулась и пошла вверх по оставшимся ступеням, не помогая и не оглядываясь. Ангелы, которые были с ней с самого рождения, поднялись по ступеням вместе с ней. Двери закрылись за ними.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ХРАМ

В храме первосвященник Симеон подвел Марию к пророчице Анне, одной из ее учительниц, которую Господь просветил о божественном провидении Марии. Симеон сказал женщине.

"Сестра Анна, я привожу к тебе Марию, дочь Иоакима и Анны из Назарета".

МЭРИ упала на колени и поцеловала руку Анны. *"Я прошу взять меня под ваше святое руководство. Я прошу вашего благословения в этот день моего вступления в дом Божий".*

Анна тепло улыбнулась. *"Дочь моя, ты найдешь во мне заботливую мать. Я буду заботиться о тебе и о твоём образовании со всем возможным вниманием. Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать, и познакомлю тебя с другими юными девами, которые тоже пришли сюда учиться".*

Они прошли по узкому коридору в большую комнату, где несколько маленьких девочек, в возрасте от пяти до тринадцати лет, столпились вокруг столов, читая Священное Писание. При появлении Анны и Марии они встали. Мэри подошла к каждой из них, взяла их за руки и поцеловала их. *"Я прошу вас всех: научите меня тому, что знаете сами. Дайте мне свои благословения и позвольте мне служить вам, чтобы я могла научиться быть похожей на вас".*

Старшая девочка взяла Мэри за руку и подняла на ноги. Остальные окружили ее, тепло приветствуя.

Позже вечером Энн помогла Мэри подготовиться ко сну. После того как ее уложили и поцеловали в лоб, Мэри подождала, пока Анна уйдет, и выскользнула из постели. Она легла на пол и поцеловала его.

"Благодарю Тебя, мой Господь, за то, что Ты пригласил и принял меня в Свой дом. Спасибо Тебе, земля, за то, что Ты

поддерживаешь меня и позволяешь стоять на этом святом месте. Ибо я недостойн ступить и пребывать на нем".

Затем она обратилась к своим ангелам. *"Небесные посланники Всевышнего, самые верные друзья и спутники, всеми силами моей души умоляю вас оставаться со мной в этом святом храме моего Господа. Напомните мне, как учителя и наставники моих поступков, когда я нуждаюсь в исправлении моих путей, чтобы я могла во всем исполнять совершенную волю Всевышнего, доставлять удовольствие святым жрецам и повиноваться моему учителю и моим спутникам."*

Обращаясь к двенадцати ангелам Апокалипсиса, она добавила: *"И, дорогие друзья-ангелы, если Всевышний позволит вам, идите и утешьте моих святых родителей в их скорбное время"*.

Когда двенадцать ангелов ушли, чтобы исполнить ее просьбу, МЭРИ осталась в небесной беседе с остальными. По внутреннему повелению Бога ангелы готовили душу Марии к Его присутствию.

Хрупкая фигура Марии вдруг начала светиться, купаясь в лучезарном, потустороннем свете, который, казалось, исходил изнутри. На ее лице, безмятежном и светящемся, отразился неопикуемый экстаз. Медленно, грациозно, телом и душой она вознеслась в безбрежные просторы Эмпирейских небес, царство чистого небесного великолепия. Там ее ожидала Святая Троица, от присутствия которой исходило всепоглощающее чувство благосклонности и радости. Отец, Сын и Святой Дух приняли ее с бесконечным теплом, их божественное одобрение сияло, как тысячи солнц. Когда МЭРИ стояла среди них, она совершенно преобразилась, ее существо наполнилось божественным светом, который растворил все земные ограничения. В этот момент она увидела саму суть Божественности, не через завесу или тень, но интуитивно, непосредственно, лицом к лицу. Этот опыт был непостижим, единение было настолько глубоким, что вышло за пределы времени и пространства, оставив ее навсегда изменившейся, сияющей и навечно соединенной с источником всего творения.

Бог обратился к ней. *"Голубка Моя, возлюбленная Моя, Я хочу, чтобы ты увидела и поняла скрытые дары, предназначенные для душ, которых Я избрал наследниками. Тем, кого спасет Агнец. Посмотри, как либерален Я к Моим созданиям, которые знают и любят Меня. Мои слова истинны, Мои обещания верны для тех, кто следует за Мной, ибо они не ходят во тьме. Я желаю, чтобы ты, как Мой избранник, стал свидетелем сокровищ, которые Я храню для возвышения смиренных, обогащения бедных, возвышения угнетенных и для вознаграждения за все, что смертные делают и страдают во имя Мое".*

МЭРИ ответила с глубоким смирением. *"Высочайший, верховный и вечный Бог, непостижимый Ты Господь, бесконечный и вечный по сути и совершенству. Но что может сделать моя малость при виде величия Твоего? Я признаю себя недостойным взирать на величие Твое, но я очень нуждаюсь в том, чтобы оно взирало на меня. В присутствии Твоем, Господи, все творение - ничто. Исполни во мне все желания Твои и благоволения Твои. И если придется терпеть беды и гонения, если смирение и кротость так ценны в очах Твоих, не лиши меня таких богатых сокровищ и залога любви. Что же касается наград за эти скорби, то даруй их тем, кто более достоин. Я прошу, мой Господь, о дальнейшей милости, чтобы я мог дать Тебе эти четыре обета: обеты целомудрия, бедности, послушания и вечного заключения в Храме, к которому Ты меня призвал."*

Приняв ее обеты, Бог украсил ее божественной благодатью. Ее чувства озарилась лучезарным светом, наполнив их красотой. Ангелы собрались вокруг нее, их небесные формы мерцали неземным сиянием, и они начали украшать Марию одеждами и драгоценностями невообразимого великолепия. Они задрапировали ее в мантию изысканного великолепия, ткань которой, сотканная из нитей света и благодати, струилась по ее фигуре, как жидкое сияние. Вокруг ее талии они закрепили пояс, украшенный разноцветными камнями, каждый из которых переливался оттенками тысячи радуг, символизируя безграничное разнообразие божественного творения. На шею ей нежно надели ожерелье, на тонкой цепочке которого

висели три светящиеся жемчужины - вера, надежда и милосердие, каждая из которых сияла чистотой ее души.

Ее тонкие, но сильные руки украшали семь колец, каждое из которых было сияющей эмблемой даров Святого Духа: мудрости, понимания, совета, стойкости, знания, благочестия и страха Господня. Кольца сверкали внутренним огнем, словно оживленные самой сутью божественной благодати. И наконец, ангелы увенчали ее диадемой неописуемой красоты, драгоценные камни которой излучали такой яркий свет, что, казалось, затмевали сами звезды. Когда они водрузили ее на голову, их голоса возвысились в гармоничном хоре, провозглашая ее Супругой Бога и Императрицей Небес. Казалось, что воздух вокруг нее вибрирует от тяжести этого священного момента, поскольку все творение свидетельствовало о ее возвышении, свидетельствуя о ее беспримерной добродетели и вечном единении с божественным.

Бог провозгласил: *"Ты будешь Нашим Супругом, возлюбленным и избранным среди всех творений на веки вечные. Ангелы будут служить тебе, и все народы и поколения будут называть тебя благословенной. Я дарую тебе все сокровища Моей благодати и силы. Проси, чего хочешь, и будет тебе".*

Последняя просьба Марии была бескорыстной. *"Мой возлюбленный Господь и Учитель, я умоляю Тебя послать в мир Своего Единородного, как лекарство для смертных, чтобы все люди были призваны к истинному познанию Твоей Божественности. Я прошу, чтобы Иоаким и Анна получили увеличение любящих даров Твоей десницы; чтобы бедные и страждущие были утешены и успокоены в своих бедах; и чтобы я исполнил благоволение Твоей Божественной воли".*

При этих словах небеса наполнились музыкой, и ангелы вернули Марию в ее опочивальню в Храме. На следующее утро МЭРИ взяла то небольшое земное имущество, которое дала ей мать, - несколько книг и одежду - и велела своему учителю раздать их бедным.

Итак, Избранная, сияющая и незапятнанная грехом, призванная нести Свет миру, ступила в освященные залы Храма, чтобы начать свое священное обучение. Казалось, воздух мерцал от благоговения,

когда она принимала обеты бедности и послушания, вплетая их в самую ткань своего существования. Ее сердце пылало желанием воплотить эти принципы в каждом вздохе, каждом шаге, каждом мимолетном мгновении ее юной жизни. С горящими глазами и руками, сцепленными в искренней мольбе, она умоляла священников направить ее, указать путь дисциплины и преданности, изложить правила, которые сделают ее сосудом божественного предназначения.

В маленькую комнату Мэри через окно проникали первые лучи рассвета. Каждый день МЭРИ поднималась с постели на рассвете, ее движения были тихими и обдуманно. Она преклоняла колени в молитве, подняв лицо к небу.

В храме МЭРИ присоединилась к молитве своих одноклассников, ее голос звучал в унисон с их голосами. Ее лицо сияло, а преданность была заметна в каждом жесте.

С третьего часа и до вечера она должна была заниматься ручным трудом. Она мыла полы, убирала комнаты и стирала одежду всех остальных. Ни одна задача не была ей по плечу. Ее никогда не просили выполнять такие задания. Словно это были величайшие дары, дарованные ей.

Каждый день МЭРИ заканчивала, сидя за столом, не отрывая глаз от страниц Священного Писания. Ее пальцы перебирали слова, пока она читала, а выражение лица выражало глубокую сосредоточенность.

Наша Небесная Принцесса могла бы проводить больше часов на коленях или лежа на полу в своей крошечной комнате, беседуя со своими небесными хранителями или получая больше Божественных знаний от Самого Всемогущего.

За учебными столами Мэри сидела среди своих сверстников, сгорбившись над священными текстами. Ее пальцы с благоговением перебирали древние слова, а брови были нахмурены в сосредоточенности. Хотя она постигала тайны Священного Писания с глубиной, намного превышающей ее годы, к учебе она подходила с рвением новичка. Она задавала вопросы, искала наставлений и

внимательно слушала своих учителей, и ее смирение сияло так же ярко, как и ее интеллект.

В столовой Мэри двигалась среди своих одноклассников, подавая им еду с изяществом, которое казалось почти потусторонним. Она брала себе лишь небольшую порцию, и ее действия были тихим свидетельством ее обета бедности. Когда остальные благодарили ее, она мягко улыбалась, а ее глаза наполнялись теплом, говорившим о ее искренней любви к ним. *"Я рада служить"*, - говорила она голосом, едва превышающим шепот.

С годами лицо Марии повзрослело, мягкие округлости детства уступили место тонким чертам юной девушки. Однако ее дух оставался неизменным - чистым, преданным и сияющим светом божественной благодати. Ее дни проходили в ритме молитвы, служения и учебы, и каждая задача выполнялась с любовью, которая, казалось, выходила за пределы земного мира.

К тому времени, когда Марии исполнилось восемь лет, ее жизнь в Храме стала живым свидетельством добродетелей веры, надежды и милосердия. Каждый ее поступок, каким бы незначительным он ни был, был пронизан любовью, которая, казалось, черпала свою силу в Божественном. Она была маяком света не только для тех, кто находился в Храме, но и для всех, кто узнавал ее историю.

И вот, когда мгновения сменяли друг друга, каждое из них становилось мазком на портрете души, предназначенной для величия. Через молитву, служение и непоколебимую преданность МЭРИ росла - не только в годах, но и в благодати и мудрости, которые однажды подготовят ее к тому, чтобы нести Свет миру.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СМЕРТЬ ИОАХИМА

МЭРИ стояла на коленях в тишине храма - ее маленькое тело освещалось слабым светом свечей. На ее лице, обычно безмятежном, теперь отражался глубокий экстаз, словно ее душа вышла за пределы земного царства, чтобы пообщаться с божественным. Ее губы беззвучно шевелились, слова были неслышны смертным, но доносились ангельским дыханием до престола Божьего.

"Прекрасна ты в своих мыслях и делах, моя возлюбленная и избранная", - раздался в ней голос Бога, одновременно нежный и бесконечный. "Я принимаю твое желание служить и жертвовать собой ради величайшей славы, и сейчас настало время для этого. Ибо по моему Божественному указу твой отец Иоахим должен перейти из этой смертной жизни в вечную и бессмертную. Его смерть наступит скоро, и он уйдет с миром. Он будет помещен среди святых в лимбе, чтобы ожидать Искупления рода человеческого".

Лицо ребенка изменилось, выражение его лица смягчилось от грусти до нежной улыбки, но по щекам потекли слезы. Она не стала вытирать их, позволив им свободно падать. Коснувшись земли, они заискрились и превратились в сверкающие крылья ее спутников-ангелов, которые бережно подняли ее и понесли к постели ее отца, Иоахима.

В спальне Иоахима, где в воздухе витала тихая торжественность приближающейся смерти. МЭРИ стояла молча, и ее присутствие было маяком света в тусклой комнате. Она смотрела и слушала, как Ангел Гавриил явился в сияющем облике и заговорил с ее отцом.

"Преданный слуга Божий, - начал Гавриил, и голос его был исполнен благоговения, - Высочайший и Могуущественный Господь желает, чтобы ты знал, что МЭРИ, дочь твоя, избрана и

посвящена Всемогущим как Та, в Которую облечется Божественное Слово. Она должна стать Матерью Мессии и Благословенной среди женщин, самой возвышенной среди всех созданий и уступающей лишь Самому Богу. Именно Она послала нас, чтобы помочь вам в этот, ваш смертный час. Она - самая верная и могущественная Заступница перед Всевышним".

Пока Гавриил говорил, Анна, любимая супруга Иоакима, стояла у изголовья кровати. По божественной воле она слышала и понимала каждое слово. Ее сердце разрывалось от скорби и благоговения, а глаза были прикованы к лицу мужа. Когда было произнесено последнее слово, Иоаким испустил последний вздох, и его душа вылетела из тела в лучезарной вспышке света. Хор ангелов окружил его, провожая его душу в лимб, где она будет ожидать Искупления рода человеческого.

Энн перевела взгляд на дочь, которая двигалась к ней с грацией, казавшейся почти потусторонней. Мэри нежно коснулась лица матери, и ее прикосновение стало тихим утешением, после чего она повернулась и вышла из комнаты. Тяжесть момента осталась в воздухе.

Прошло время, и Марию, которой уже исполнилось девять лет, увидели горячо молящейся в храме. Ее лицо, обычно сияющее божественным светом, теперь отражало глубокую печаль. Несколько недель она стояла на коленях в молитве, и сердце ее было тяжело от чувства утраты. Бог перестал открываться ей, и отсутствие Его присутствия было для нее невыносимой болью.

В тихом уединении храма МЭРИ лежала на холодном каменном полу, ее крошечная фигурка дрожала от волнения. Ее голос, хотя и мягкий, передавал всю тяжесть ее страданий.

"Дорогой Отец, - прошептала она, ее слова дрожали от горя, - чем я обидела Тебя? Почему Ты скрываешь Себя от меня? Как и от моих святых спутников? Если это лишь глубина страданий, которые я должна претерпеть ради Тебя, я делаю это и прошу о большем. Ибо это самая глубокая боль и печаль, которую я когда-либо мог себе представить".

Слезы падали беззвучно, каждая из них свидетельствовала о ее непоколебимой преданности. Хотя небеса казались безмолвными, ее вера оставалась непоколебимой, а любовь к Всемогущему ярко горела даже во тьме. Она перенесет это испытание, как переносила все остальные, со смирением и благодатью, доверяя Его Божественной мудрости.

МЭРИ стояла на коленях в тихом одиночестве своей комнаты, ее маленькая фигурка дрожала от волнения. Голос ее, хотя и мягкий, передавал всю тяжесть ее страданий, когда она вновь обращалась к небесным существам, которые когда-то были ее постоянными спутниками.

"Небесные принцы, послы великого и высочайшего короля и самые верные друзья моей души, - начала она, и слова ее дрожали от печали, - почему и вы покинули меня? Прошу вас, вернитесь, прошу вас. Впрочем, я не удивляюсь, милорды, вашему неудовольствию, если своим неблагодарным поступком я заслужила немилость вас и моего Создателя. Светила небесные просветите меня в моем невежестве в этом вопросе, и если я провинился, исправьте меня и вновь добейтесь помилования моего Господа. Сжался над моей печалью, скажи мне, где мой Возлюбленный; скажи мне, где Он спрятался. Ведь я знаю, что Он никогда не скрывает Своего лица и красоты от твоего взора!"

Слезы падали беззвучно, каждая из них свидетельствовала о ее непоколебимой преданности. Однако небеса молчали, и комната наполнилась ноющей пустотой и тяжестью ее печали, зависшей в воздухе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛУБИНЫ АДА

В удушливых глубинах Ада, где сам воздух источал едкий смрад серы и отчаяния, Люцифер бродил по изрезанным, тлеющим тропам. Земля под его ногами шипела и трескалась, расплавленные реки проклятия прокладывали змеиные тропы в обугленной земле. Каждый его шаг отдавался призрачным, первобытным ритмом, симфонией неповиновения и страдания, выработанной веками. Его крылья, некогда сияющие, теперь висели, как рваные тени, их края мерцали углями, которые отказывались умирать. Его глаза - близнецы, пылающие неугасимым огнем, - горели взглядом, способным пронзить завесу миров. Они были устремлены на Марию, хрупкую смертную душу, чьи муки пылали, как маяк в бездне. Ее страдания пульсировали сырой, почти божественной интенсивностью - парадокс, который одновременно отталкивал его и притягивал его любопытство. Она была светом во тьме, занозой в его боку, и он не мог отвести взгляд.

Хотя он наблюдал за ее мучениями - зрелищем горя и стойкости на фоне гнетущего фона его адского царства, - в глубине ее существа таилась глубокая тайна. Страдания Марии не были отчаянным криком побежденного духа; это были причитания души, непоколебимой в своей чистоте, загадка, которая ускользала от его злобной хватки. Люцифер мог видеть шрамы, нанесенные ей тяжелыми испытаниями, трепещущее пламя надежды, упорно сопротивляющееся окружающей тьме, но при этом сложные слои ее внутреннего света оставались непроницаемыми для его злого умысла. В этом вызывающем мерцании он распознал нечто опасно напоминающее утраченную райскую чистоту, что противоречило самой его природе.

В его голове бурлила смесь ярости и неохотного восхищения. Адские коридоры гулко отдавались эхом от его мерных, кипящих шагов, словно сами стены были посвящены в бурю его противоречивых мыслей. Его голос, звучный баритон, пронизанный

злостью и кипящим разочарованием, разнесся по огненной бездне. Он зарычал, в его тоне ядовито смешались презрение и недоверие. *"Кто это - жалкое юное создание, чьи жалкие слова вызывают в моем существе большие смятения, чем мне хотелось бы? Возможно, ей помогут посетители другого рода"*.

При этих словах сам воздух, казалось, задрожал, предвещая новые ужасы. Фраза "гости иного рода" была не просто пустой угрозой; это была прелюдия к планам, которые бродили в глубинах его inferнального разума. Мысль об отправке агентов, демонов, созданных из его собственной сущности отчаяния, наполняла его мрачным предвкушением. Эти изверги будут посланы как эмиссары разрушения, призванные вплести новые нити в гобелен страданий Марии.

Вокруг него ландшафт Ада менялся в ответ на его заклинания. Реки расплавленных мучений текли под мостами из обугленных костей, а сам воздух благоухал едким запахом вечного проклятия. Тени плясали по стенам, которые, казалось, дышали муками бесчисленных заблудших душ. В этой гротескной симфонии обнажился внутренний конфликт Люцифера. Вот он, архитектор страданий, сталкивается с духом, настолько светлым, что даже душливый мрак Ада не может погасить его сияние.

На мгновение, когда отзвуки его слов затихли в трескучем пламени, Люцифер приостановился в своей неустанной ходьбе. В его глазах мелькнула едва заметная, почти незаметная неуверенность - краткое признание того, что непоколебимая чистота Марии представляет собой загадку, которую он не совсем готов разгадать. Может быть, в ее муках скрыто не только отчаяние, но и крошечный, неугасимый огонек надежды? И если эта искра надежды существует, то какой хаос она может вызвать в таком месте, как Ад, где отчаяние и страдание - единственные правила, которые он допускает? Эта мысль грызла его, нарушая сам порядок, который он выстроил.

В этой напряженной тишине адский воздух стал еще тяжелее, словно даже обитатели Ада затаили дыхание. В этом ощущалась мрачная ирония: тот, кто организовал бесчисленные трагедии,

теперь столкнулся с неожиданной силой человеческой души, силой, которая грозила разрушить тот самый порядок, который он так безжалостно насаждал. План послать "гостей иного рода" был не просто целью причинить новую боль - это был рассчитанный гамбит, чтобы раскрыть тайну чистоты Марии, разрушить иллюзию, что такой свет может существовать в глубинах вечной ночи.

С последним презрительным рычанием, прозвучавшим подобно предсмертному звону, Люцифер возобновил свой неустанный бег, в его голове роились планы, столь же запутанные и опасные, как лабиринты коридоров самого Ада. Сцена была подготовлена, и в следующем акте этой inferнальной драмы должно было развернуться противостояние между древней злобой и упрямым, непреклонным пламенем человеческой чистоты, которое обещало бросить вызов даже самым темным царствам.

В маленькой комнате Мэри лежала, погруженная в сон. Вокруг нее кружились темные тени, принимавшие облик демонов, которые пытались вторгнуться в ее разум и душу. Но стоило им приблизиться, как невидимая сила отталкивала их, и они исчезали так же быстро, как и появлялись. Люцифер, наблюдавший за происходящим издали, был недоволен. Он приказал, его голос звучал низким, угрожающим рычанием.

"Войдите в сердца ее спутников", "Пусть жадность и зависть запятнают других, которые так усердно трудятся, чтобы быть слугами Господа. Как это смиренное создание перенесет эти страдания?"

На следующее утро столовая Храма наполнилась шепотом, когда в нее вошла МЭРИ. Другие молодые девушки, чьи сердца омрачились под влиянием демонов, сторонились ее, когда она приветствовала их. Они привыкли к тому, что она выполняет их работу, а теперь еще больше усложняли ей задачу. Одна девочка уронила тарелку на пол, а затем быстро вернулась на свое место, оставив Мэри убирать беспорядок. В комнату вошла сестра Анна с суровым выражением лица.

"Нужно быть осторожнее с тем, что Господь дает в пищу", - сказала Энн с упреком в голосе.

Мэри смиренно склонила голову. *"Да, сестра, простите мне недостаток ловкости и нетерпение к еде"*.

Одна из учениц заговорила, ее голос был резким и обвиняющим. *"Она выхватила тарелку из моих рук, в результате чего она упала. Я попыталась отдать ей свою, но она отказалась, сказав, что она протухла, потому что я уже ела из нее"*.

К ним присоединилась еще одна девушка, и ее тон был таким же суровым. *"Да, и это уже не в первый раз, сестра. То же самое можно сказать и о книгах Священного Писания, которыми мы должны делиться. Мэри берет их и прячет, я уверена. Вот почему я не знаю своих уроков - из-за нее я не могла заниматься"*.

МЭРИ, ее лицо было исполнено смирения, мягко ответила. *"Друзья мои и госпожа, вы, несомненно, правы, что я самая ничтожная и несовершенная среди вас. Однако вы, мои сестры, будучи лучше осведомлены, должны простить мои недостатки и научить меня в моем невежестве. Ибо я люблю вас и почитаю как служанку и желаю лишь повиноваться вам во всем. Тогда прикажи мне и скажи, чего ты от меня хочешь"*.

Но ее слова не смягчили сердца ее спутников. Напротив, влияние Люцифера продолжало подталкивать их к тому, чтобы причинить ей еще больше вреда, даже прибегая к физическому насилию. Когда МЭРИ мыла полы, они толкали ее вниз и держали ее лицо в ведре с водой. Они запирали ее в темных комнатах храма, скрывая свою жестокость от священников и госпожи - но не от Бога.

В один из таких случаев девочки собрались в комнате и начали сыпать оскорблениями и физическим насилием в адрес Марии. Переполох привлек внимание священников и хозяйки, которые поспешили на место происшествия.

Симеон, его голос наполнился гневом, спросил: *"В чем причина этого возмутительного выступления против самого учения Господа? Кто виноват в этом? Ответьте мне!"*

Один из студентов указал обвиняющим пальцем на Марию. *"Это МЭРИ из Назарета натворила такое. Она вызывает во всех нас раздор и гнев. А когда мы стоим против нее, она раздражается"*.

и провоцирует нас еще больше. Когда мы позволяем ей поступать по-своему, она становится властной. Она издевается над нами, с притворным смирением бросаясь на пол к нашим ногам, а потом снова ссорится и приводит всех в ярость! Если она не покинет Храма, мир между нами будет невозможен".

Священник и хозяйка отвели Мэри в свой кабинет и сурово отчитали ее. Анна, в голосе которой звучало разочарование, сказала: *"Что могло заставить тебя совершить такой поступок, Мэри? Зачем ты вносишь раздор в святое место? Если так будет продолжаться, мы будем вынуждены изгнать тебя из Храма".*

МЭРИ стояла молча, принимая все сказанное, не пытаясь заявить о своей невинности. Когда ее вывели из покоев, она сразу же подошла к своим спутникам и опустилась на колени у их ног, открыто рыдая. Они решили, что ее слезы вызваны наказанием, и приняли ее унижение с доброй волей.

"Простите меня за то, что я заставила вас так поступить", - сказала МЭРИ, ее голос дрожал от искренности. "Ведь это было во многом по моей вине, и я прошу вас позволить мне продолжать служить вам, чтобы я могла служить моему Господу".

В своей комнате, стоя на коленях в молитве. *"Дорогой отец, я оскорбила всех. И самая большая моя обида в том, что я слепа к тому, какие мои действия привели к этому. Я молюсь за своих сестер, которым я причинила такое горе. Я прошу, чтобы мне показали, как больше не обижать их".*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СМЕРТЬ ЭНН

В тихих покоех Симеона и Анны, когда они спали, божественное присутствие посетило каждого из них во сне. Голос Бога, нежный, но безошибочный, шептал им, открывая правду о потрясениях, которые разворачивались в Храме. Когда утренний свет прокрался в древние залы, двое совещались в тишине, их сердца были тяжелы от груза божественного откровения. Они снова призвали Марию, и их лица смягчились от знания, которое они теперь несли.

Симеон обратился к ней со спокойной решимостью, его голос был ровным и добрым. *"Нам сказали, что вы не виноваты ни в чем из того, что происходит. Мы положим этому конец, чтобы вы могли продолжить свое стремление узнать больше о нашем Господе и о том, как вы можете быть полезны Ему"*.

Глаза Марии сияли преданным смирением, когда она ответила, и голос ее дрожал от искренности. *"Я умоляю вас, мои начальники, позволить мне служить моим сестрам и терпеть неудобства от их упреков. Мне очень полезны их наставления. Но я не ослушаюсь вас, и если вы прикажете, я прислушаюсь к вашему слову"*.

День перешел в вечер, и в стенах ее скромной комнаты вновь появились давно отсутствовавшие небесные спутники Марии. Их молчаливое присутствие заполнило пространство, их свет отбрасывал мягкое сияние, которое, казалось, прогоняло тени ее печали. Она обратилась к ним в горячей молитве, ее сердце изливало свою тоску и преданность. После периода глубокого сокрытия Господь вновь явил Себя, явившись перед ней с нежным сиянием, от которого ее сердце запылало долгожданным теплом. Его

присутствие было бальзамом для ее души, напоминанием о том, что Он никогда не оставлял ее.

Время неумолимо двигалось по Храму, и вскоре Марии исполнилось десять лет. Однажды она получила душераздирающую весть непосредственно от Бога: ее мать, Анна, приближалась к концу своей земной жизни. По Божьему повелению ангелы были посланы, чтобы вернуть Марию к месту ее рождения. В сцене, пронизанной скорбью и священным долгом, МЭРИ сидела у постели матери и нежно держала ее за руку, пока та выпускала последний вздох. С нежной заботой она закрыла глаза матери, нежно поцеловала ее в щеку, а затем в кончики пальцев. Когда ангелы проводили душу Анны в Лимб, Мэри вернулась в храм как живое свидетельство утраты и непреходящего обещания божественного милосердия.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МЭРИ ДОСТИГАЕТ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Шли годы, и МЭРИ, которой уже исполнилось четырнадцать лет, вновь оказалась втянута в судьбу по небесному указу. Однажды ночью, когда священник Симеон спал, Бог заговорил с ним и велел подготовиться к свадьбе Марии. Когда наступило утро, Симеон сел рядом с Марией, чтобы поделиться своими намерениями. Прежде чем он успел заговорить, МЭРИ с ясной и непоколебимой убежденностью обратилась к нему первой.

"Господин, - начала она, ее голос был ровным, но полным искренности, - я хочу сохранить вечное целомудрие на протяжении всей моей жизни, ибо я хочу посвятить себя Богу в служении этому святому храму в благодарность за великие благословения, которыми Он меня одарил. И делать то, что соответствует Его воле".

Симеон выслушал ее с мягкой мудростью и задумчивым выражением лица ответил. *"Дочь моя, святые желания твои угодны Господу; но помни, что ни одна дева Израиля не воздержится от брака, пока мы ожидаем пришествия Мессии в соответствии с божественными пророчествами. В супружестве ты можешь служить Богу истинно и в великом совершенстве. Поэтому вам следует начать молиться о том, чтобы Бог выделил вам мужа, угодного и вам, и роду Давидову".*

В тот же вечер в интимном убежище своей комнаты МЭРИ вновь искала общения с Божественным. Преклонив колени в молитве, крепко сцепив руки, она произнесла свое искреннее прошение мягким, бесстрастным голосом. *"Высшее Благо и Любовь души моей,*

Тебе хорошо известна тайна моей груди и мои желания, которые Ты возбуждаешь во мне с первого момента моего существования от Тебя. Сохрани же меня, Супруг мой, чистым и целомудренным, как я того желал. Я взываю к величию Твоему, Господи, и уповаю на бесконечные милости Твои".

Ее слова застыли в воздухе, свидетельствуя о ее непоколебимой преданности и доверии к Всевышнему. В переплетении божественных повелений и смертной тоски путь Марии был намечен

- путешествие, сотканное из печали, священного долга и светлого обещания судьбы в служении Всевышнему. Ее сердце, хотя и отягощенное тяжестью ее призвания, оставалось непоколебимым, маяком веры и смирения в мире, жаждущем искупления.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОБРУЧЕНИЕ МАРИИ И ИОСИФА

В деревне Иерусалима процессия вела верующих к внутреннему святилищу храма, где несколько человек стояли на коленях в искренней молитве. Среди них был человек по имени Иосиф, потомок Давида, тридцати трех лет от роду, красивый, с незапятнанным грехом сердцем и телом. Как и другие, он дал обет целомудрия, чтобы полнее служить Господу. Когда он молился в тот день, внутренний голос, ясный и властный, зазвучал внутри него:

"Иосиф, раб Мой, МЭРИ будет тебе супругой; прими ее со внимательным благоговением, ибо она благоугодна в очах Моих, праведна и чиста душой и телом, и ты сделаешь все, что она скажет тебе".

В тот священный момент на его глазах развернулось видение: МЭРИ, занятая своими обязанностями в храме, сияла, склонившись в молитве. Это божественное откровение наполнило его душу целью.

Позже, в освященных стенах храма, МЭРИ сияла ярче луны - видение несравненной красоты и изящества. Здесь священник обручил ее с самым целомудренным и святым из мужчин, Иосифом. За пределами храма заплаканная МЭРИ попрощалась со священниками и сестрой Анной. Вместе с Иосифом она пошла по извилистым улочкам Назарета к своему родовому дому, который она унаследовала от родителей. Их прибытие было встречено теплыми приветствиями соседей и друзей.

Благословенная королева вернулась в родной дом вместе со своим новым супругом. Как было принято у евреев, первые несколько дней супружеской жизни были посвящены тому, чтобы понять привычки и темперамент друг друга - чтобы со временем сделать взаимные поблажки в поведении.

Каждый из них, стремясь угодить Всевышнему и осознавая, что именно Его воля свела их вместе, безропотно принял свою судьбу.

Иосиф изучал свою юную невесту с чистотой, отражавшей его благородный дух, и радовался, видя ее нежное благочестие. В свою очередь, МЭРИ с удовольствием наблюдала за тем, как Иосиф, скромный плотник, искусно обрабатывает дерево, всегда благодарная Господу за то, что Он дал ему средства для содержания новой жены. Их совместные молитвы и тихие беседы подтверждали обеты, которые они дали Богу. В этих беседах Всевышний еще раз подтвердил добродетель целомудрия в сердце Иосифа и священную любовь к его святой супруге. Со временем Иосиф даже получил небесное просвещение относительно многочисленных добродетелей Марии - это было заметно, когда его охватил лучезарный свет, казалось, отраженный от самой Марии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МГНОВЕНИЯ ТВОРЕНИЯ

Через полгода после их свадьбы жизнь в деревне продолжилась, и Иосиф стал свидетелем безграничного сострадания Марии и ее непоколебимого желания служить Богу. Она совершала дела милосердия по всей деревне - нежно ухаживала за больными и умирающими, а каждое утро и вечер возносила голос в молитве о спасении человечества. Однажды вечером, в тишине своей скромной комнаты, МЭРИ лежала в молитве, раскинув руки в форме креста. Голосом, исполненным тоски и смирения, она воскликнула:

"Когда Единородный Отца сойдет в реальность, чтобы соединиться с человеческой природой? Кто задерживает течение Божественности, чтобы весь род человеческий остался неосуществленным? Если, возможно, я являюсь помехой, пусть я погибну прежде, чем помешаю этому благословению, ибо оно не может зависеть от заслуг какого-либо существа. Господь и Бог вечный, по мере того как растут грехи людей и умножаются преступления против Тебя, как мы заслужим то самое благословение, которого мы с каждым днем становимся все более недостойными? Я осмеливаюсь умолять Тебя от всего сердца, чтобы Ты ускорил Твое пришествие и ускорил Искупление для Твоей великой славы".

В этот момент в небесах зазвучала небесная музыка Всемогущего, возвещающая о начале реализации плана спасения.

В ту же ночь и в течение последующих девяти дней в тот же полуночный час МЭРИ была воскрешена божественной силой, и ее

существо озарилось, когда перед ее глазами развернулись видения Божества. Каждую ночь ей показывали мгновения творения: **Первое мгновение** - откровение Бога о Его бесконечных атрибутах и неизреченном желании сообщить о Своей славе; во **втором мгновении** Она узнала о цели, стоящей за этим божественным сообщением; в **третьем мгновении** был открыт тщательный отбор и расположение этого послания. В этой священной последовательности совершенный состав святого человечества Христа был предписан и смоделирован в Божественном интеллекте. В **Четвертом мгновении** творения были явлены дары и милости, которыми будет наделено человечество Христа в союзе с Божеством, а также указ и предопределение Матери Божественного Слова - вместе с созданием места обитания, где будут определены небо и земля. В **пятом мгновении** МЭРИ стала свидетельницей сотворения ангельской природы: разделения небесного воинства на девять хоров с их иерархией, предопределения добрых и осуждения злых, а также самого создания небес и ада. Наконец, в **Шестом мгновении** Бог открыл сотворение людей - определенный порядок всего человеческого рода, начиная с одного мужчины и одной женщины, чье потомство в конечном итоге возвестит о рождении Девы и ее Сына. Было предвидено грехопадение Адама, и в качестве исправления было предписано, что святейшее человечество должно быть способно страдать. Эти божественные видения наделили Марию непостижимой мудростью, знаниями разума, искусства и науки, превосходящими знания всех людей. В сердце и разум нашей царицы влился бескрайний океан Божественного, ранее ограниченный грехами и дурными наклонностями человечества. Она увидела во Всевышнем невыразимое сокровище благодати и благословений, приготовленное для всех смертных, и ощутила безграничное желание Божественного, чтобы человечество

причастилось к этим вечным дарам. Это глубокое осознание побудило ее возносить самые возвышенные молитвы, прошения, жертвы и акты героической любви, чтобы никто не мог проклясть себя, а только воздать благодарность Творцу. В эти моменты МЭРИ чувствовала себя так, словно присутствовала в самом начале творения.

На девятый вечер, как было предписано Богом, ангел Гавриил был послан навестить Марию. Было уже почти шесть часов, и солнце еще задерживалось на небе, когда Гавриил в сопровождении хора ангелов появился в ее комнате. Хотя МЭРИ привыкла к божественным посещениям, она оставалась в молитве, пока не подняла голову и не увидела необычное величие Гавриила. В этой скромной комнате, где не было ничего, кроме ее простой кровати, каждая поверхность казалась пронизанной неземным величием, и ее мысли быстро сошлись на одном чудесном выводе.

"Возможно ли, что наступило благословенное время, в которое должно родиться Слово вечного Отца? О, кто будет достоин увидеть и узнать Его? Кому будет позволено целовать землю, которой касаются Его ноги?" спросила МЭРИ, и голос ее дрожал от благоговения.

Гавриил ответил звучным тоном: *"Радуйся, МЭРИ, полная благодати, благословенна Ты среди женщин"*.

МЭРИ, озадаченная и в то же время воодушевленная, спросила: *"Что скажешь ты, Гавриил, посланник Божий? Кто я такая, чтобы меня так приветствовали? Благословенная среди женщин?"*

"Не бойся, МЭРИ, - утешал ее Гавриил, - ибо ты обрела благодать пред Господом. Вот, ты родишь Его, и наречешь Ему имя Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего".

"Как это произойдет - что я зачну и рожу, ведь я не знаю и не могу знать мужчину?" спросила МЭРИ, ее сердце одновременно тревожилось и надеялось.

"Только Божественной силой, без участия человека, ты станешь матерью", - объяснил Гавриил. "Дух Святой пребудет с тобой, проявляясь как новое присутствие, и сила Всевышнего осенит тебя, так что родится Тот, Кто будет назван Сыном Божьим. И вот, двоюродная сестра твоя Елисавета тоже зачала сына, и он придет к Нему, ибо нет ничего невозможного для Бога".

Этимися словами наша Пресвятая Мать положила начало нашему спасению. Голосом, исполненным благоговения и покорности, МЭРИ произнесла: *"Да будет Мне по Слову Твоему"*.

Таким образом, сказав "да" Божьей воле, МЭРИ постигла безмерную любовь, которую Господь питал к человечеству. Интенсивность этой любви не была похожа ни на что, что она когда-либо знала. Ее чистое и непорочное сердце наполнилось такой радостью и волнением, что из него пролились три капли крови - священный знак. Из этих капель, смешанных с безграничной любовью Господа ко всему человечеству, был образован Христос, истинный Бог и истинный Человек, наш Господь и Искушитель. Это чудесное событие произошло 25 марта, на рассвете, в тот самый час, когда был сотворен наш первый отец, Адам, - в год сотворения мира, 5199.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

БЛАГОСЛОВЕННА ТЫ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Через несколько дней МЭРИ попросила Иосифа сопровождать ее в гости к двоюродному брату. Четыре дня они ехали на муле по дороге в Иуду, направляясь в дом Захарии и Елисаветы. Когда МЭРИ ехала на муле, она заметила: *"Как великодушно и любезно с твоей стороны, мой муж, отвезти меня к моей двоюродной сестре. Почему бы тебе не позволить мне пройти некоторое расстояние пешком, пока ты будешь отдыхать на спине мула?"*

Иосиф ответил: *"Хотя я не могу отказать тебе ни в малейшей просьбе, моя драгоценнейшая супруга, я должен отказать тебе в этом. Однако, если ты устанешь от этой должности, я с радостью возьму твою компанию с собой, чтобы пройтись немного".*

Он помог Марии спуститься с мула, и они вместе продолжили путь пешком. Через некоторое время Иосиф спросил: *"Как это может быть, что твоя двоюродная сестра, так поздно родившая, ждет ребенка?"*

МЭРИ спокойно ответила: *"Возможно, план относительно этого ребенка требует, чтобы он родился сейчас, и от Елизаветы. Я не сомневаюсь в работе нашего Господа".*

Джозеф со вздохом добавил: *"Несовершенство моего сердца приводит к несовершенству моих мыслей и слов. Смотрите, я вижу впереди гребень деревни. Скоро ты сможешь отдохнуть и навестить свою кузину".*

Когда они приблизились к деревне Иуда, обзор расширился, и стали видны ее очертания. Вскоре путники подошли к жилищу Елизаветы. Дверь распахнулась, и МЭРИ тепло встретила свою кузину. Внутри скромного дома МЭРИ сказала: *"Господь да пребудет с тобой, моя дорогая кузина"*.

Элизабет ответила: *"И с вами, мой кузен"*.

Обе женщины удалились в маленькую каморку с раскладушкой и табуретом, наслаждаясь обществом друг друга. МЭРИ нежно положила руку на вздувшийся живот Елизаветы и прошептала: *"Да спасет тебя Господь, моя дорогая кузина, и да сообщит тебе Его Божественный свет благодать и жизнь"*.

При этих словах Елисавету наполнил лучезарный свет, и она получила божественное понимание состояния своей юной кузины. Голосом, исполненным удивления, Елисавета провозгласила: *"Благословенна ты между женщинами и благословен плод чрева твоего. Почему же Матерь Господа моего пришла ко мне? Дитя мое взыграло во чреве моем от восторга перед знанием, которое нам обоим было дано. Ибо то, что было предсказано, скоро совершится через тебя"*.

МЭРИ продолжала: *"Твой сын, тот, кого назовут Иоанном, предстанет перед Ним. Он будет возвещать о Его благодати. Ибо душа моя превозносит Господа, и дух мой радуется о Боге, Спасителе моем. Могущество Его совершило великие дела для меня; свято имя Его, и милость Его пребывает из рода в род"*.

Позже, когда Иосиф готовился покинуть Иуду, они с Захарием молча попрощались - Захарий все еще оставался немым в наказание за свое неверие. Жестами Захария указал, что до рождения ребенка пройдет три луны, и, увидев это, Елизавета с нежной улыбкой

подумала: *"О, Захария, с каких пор мужчины понимают разум младенцев? Этот ребенок появится на свет, когда будет готов, и ни минутой раньше"*.

Иосиф ласково добавил: *"А МЭРИ будет твоей кормилицей до тех пор. Никакие более нежные руки не смогут помочь тебе, Элизабет"*.

Элизабет кивнула: *"Это я знаю, Джозеф, это я хорошо знаю. Счастливого пути, друг мой"*.

Время текло как тихая река, и в тусклом, освещенном свечами теплом покоех Элизабет разворачивалось чудо. После многочасовых родов тишину пронзил крик - первый вздох новорожденного. Сын Елизаветы появился на свет, его крошечная форма трепетала от жизненной силы. МЭРИ, ее руки были твердыми и нежными, взяла младенца на руки, как будто он был самым дорогим сокровищем в мире. Она пеленала его в мягкую ткань, каждая складочка которой была жестом преданности, а затем осторожно положила его на руки Элизабет. Воздух словно мерцал священной тишиной, как будто сама комната затаила дыхание в благоговейном ожидании этого момента. Любовь, чистая и безграничная, излучалась между двумя женщинами, связывая их вместе в тихой радости новой жизни. Вскоре после этого в доме одного из старейшин пришло время для обрезания и наречения имени новорожденному. Из-за немоты Захарии церемонию возглавила Елисавета. Один из старейшин спросил: *"Какое имя будет у ребенка?"*

Другой спросил: *"Как нам его называть?"*

Затем Елисавета объявила: *"Пришло время назвать нашего сына Захарией. Какое имя ты дашь ему?"*

Она вручила ему скрижаль и инструмент для письма. Когда он начертал слова: "Его зовут Иоанн", МЭРИ, наделенная божественной силой, освободила его от недуга. Закрыв на мгновение глаза, она внутренне прошептала: *"Не бойся говорить. Поднятый — это твое наказание за неверие"*.

Затем Захария ясным голосом провозгласил: *"Имя ему Иоанн. Благословен Господь Бог Израилев, ибо Он посетил и совершил искупление народа Своего, чтобы просветить сидящих во тьме и тени смертной и направить стопы наши на путь мира"*.

На собравшихся опустилась тишина. Некоторые упали на колени и воскликнули: *"Чудо!"* Елизавета и Захария обменялись с Марией знающими, любящими взглядами. В ответ МЭРИ ответила им взглядом и опустила голову в смиренном, мирном жесте.

ТРИДЦАТЬ

ОТКРОВЕНИЕ ИОСИФУ

По обочине дороги МЭРИ снова ехала на муле, ведомая Иосифом. Пробираясь сквозь распускающиеся весенние деревья, она осторожно положила руку на живот, и ее лицо украсила мягкая улыбка - молчаливое свидетельство растущей внутри нее жизни. Затем время года сменилось поздним летом, и силуэт Марии появился в мягком утреннем свете, теперь уже демонстрируя первые безошибочные признаки беременности. Иосиф наблюдал за ней в тихом раздумье, пока она заканчивала песнопение, и на его лице отражались смятение и печаль.

Позже в тот же день, в тихом убежище своей комнаты, Иосиф стоял на коленях в молитве, его сердце было тяжело от смятения. Он прошептал: *"Мое сердце полно смятения, мой Господь. Ведь Ты знаешь, что я соблюдал обет целомудрия. Что может означать, что моя супруга, чистейшая сердцем и самая доверчивая по характеру, родила ребенка? Как такое может быть? Умоляю тебя, избавь меня от этого бремени, ибо меня терзает мысль о том, что может потребовать от меня наш Закон. Я воздерживаюсь и откладываю свое решение. Я не верю, что МЭРИ оскорбила Тебя; но тем более я не могу предположить, что существует тайна, о которой мне, как ее супругу, не должно быть известно. Управляй моим разумом и исполни то, что наиболее угодно Тебе".*

Не зная Иосифа, МЭРИ по Божьей милости слышала безмолвное излияние его внутренних мыслей. Ее глаза наполнились слезами от явной печали и смятения в его молитве, хотя она не могла открыть

скрытую правду о своем состоянии. Проходили дни, и по мере того как она продолжала заботиться о нем с любящей нежностью, ее тайна становилась все более явной. Иосиф, оказавшись в изоляции, стал принимать мучительное решение. Закон предписывал ему развестись с ней и передать ее властям для наказания. Однажды утром, не в силах больше сдерживать свою печаль, он заговорил вслух в столовой, пока МЭРИ прислуживала ему.

"Не лучше ли вам посидеть немного? Я все равно не могу есть. Пусть еда достанется тем, кто ее хочет. Знаете ли вы, что сегодня происходит в деревне? Жену купца Иакова побьют камнями за прелюбодеяние. Более того, бедный Иаков был тем, кто должен был выдать ее властям, и ему придется бросить первый камень".

С этими словами он резко встал и вышел из комнаты, оставив Марию одну за столом, по лицу которой текли беззвучные слезы. В муках она подняла взгляд к небу и взмолилась: *"Благословенные духи и служители Всевышнего, которые сопровождают меня как Его верные слуги и хранители, умоляю вас, представьте перед Богом мою просьбу об облегчении страданий моего супруга Иосифа. Умоляю Господа призреть на него и утешить, как истинный Отец. Кроме того, вы, мои всегда верные спутники, проникните в сердце моего преданного земного друга и изгоните из его сознания решимость покинуть меня. Убедите его в непостижимых действиях Бога, большая часть которых остается скрытой от всех".*

Позже в тот же день, в одиночестве своего рабочего сарая, Иосиф плакал вслух, говоря в отчаянии: *"Я уйду ночью, тайно, в Иерусалимский храм и принесу в жертву деньги, чтобы Бог помог и защитил Марию от бича людей и избавил ее от всех несчастий".*

Словно в ответ на его причитания, сквозь мрак пробились внезапные лучи света, разгладившие борозды скорби на его лице и давшие ему минутное утешение.

В ту ночь, в тишине своей комнаты, МЭРИ стояла на коленях в горячей молитве, ища общения с Божественным. Ее голос был тверд и полон решимости, когда она заявила: *"Мой долг - не упустить возможность помочь Супругу, которого я получила из рук Твоих. Если я обрела милость в очах Твоих, то и он должен разделить эту милость. Ибо я ношу во чреве Сына Твоего, который будет носить подобие человека. Я потребую от раба Иосифа, чтобы он помог мне в исполнении этих великих дел"*.

В ее сердце прозвучал нежный и властный ответ, словно произнесенный самим Всевышним: *"Дорогая моя, скоро Я посету раба Моего Иосифа и явлю ему через Моего ангела то, что сейчас ему неизвестно. Я наполню его Своим духом и сделаю его способным исполнить свою роль в этих таинствах"*.

МЭРИ ответила со смиренной благодарностью: *"Я уповаю на Твою бесконечную мудрость, ибо верю, что Иосиф должен пройти через испытания, чтобы обрести стойкость, необходимую для путешествия, которое Ты предназначил для нас. За сострадание и милосердие Твое я воздаю Тебе великую благодарность"*.

Несколько ночей спустя Иосиф беспокойно ворочался в своей комнате, пока наконец не погрузился в глубокий сон. В этой дремоте над ним пронесся ангел, сообщивший ему все, что было предписано Господом. На рассвете, когда он открыл ставни и приветствовал новый день, его душу наполнило внезапное, глубокое осознание того, что его возлюбленная МЭРИ действительно должна была стать истинной Матерью Божьей. Пораженный, он упал на колени в

молитве, восклицая: *"О, мой Всевышний, о жилище Его и о Матери Его: как мог я, столь недостойный раб, осмелиться усомниться в верности Твоей? Почему я не сделал своей самой серьезной заботой служение Тебе на коленях? Дорогой Господь, дай мне благодать и силу просить у нее прощения; и подвигни ее сердце к милосердию, чтобы она не презирала этого скорбного раба"*.

Не успела МЭРИ проснуться, как Иосиф в тихие часы раннего утра развернул приготовленный им небольшой сверток и в слезах бродил по дому, наводя порядок в комнатах - мыл полы и занимался делами, которые когда-то принадлежали только Марии. Когда МЭРИ наконец встала, Иосиф осторожно постучал в ее дверь и вошел, упав на колени у ее ног. Голосом, тяжелым от раскаяния, он сказал,

"Госпожа моя и Супруга, истинная Мать вечного Слова, ради Бога и Господа нашего умоляю Тебя помиловать меня. Я не сомневаюсь, что Тебе известны все мои мысли, что наполняет меня еще большим стыдом. Я не встану с этих колен, пока Ты не завершишь меня в Своей благосклонности, прощении, доброй воле и благословении".

МЭРИ, ее глаза были мягкими от сострадания, ответила: *"Я тоже, мой господин и товарищ, должна просить у тебя прощения за боль и горе, которые ты перенес из-за меня. Я видела и чувствовала всю глубину твоих страданий. Хотя я страстно желал открыть причину сокровенного таинства, мне не дано было раскрыть ее до тех пор, пока не завершится работа Его святой и совершенной Воли. Я молчал не потому, что не почитал тебя своим господином и супругом"*.

Вдохновленный ее словами, Иосиф прошептал: *"Благословенна ты среди всех женщин. Ни в ком Он не возвеличил Свое имя так, как в твоём смирении; и во мне, ничтожнейшей из живущих, Он, по Своему Божественному снисхождению, избрал тебя Своей служанкой"*.

В тот момент, когда МЭРИ начала читать Magnificat - гимн, который она часто пела во время визита к Елизавете, - с ней произошло чудесное преображение. Она запылала в трансцендентном экстазе, и лучезарный шар света окутал ее, преобразив дарами славы. Иосиф, наблюдая это божественное величие, остался стоять на коленях и воздел руки в знак возвышения к своей Царице. В последнем, захватывающем дух видении он заглянул в чрево Марии и увидел Младенца Христа, сияющего тем же великолепным светом - знак исполнения всех божественных обетований.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВИФЛЕЕМ

В самом центре Назарета улицы пульсировали жизнью, представляя собой хаотичную симфонию грохочущих телег, криков торговцев и ритмичного шарканья бесчисленных ног. В воздухе витал аромат пряностей, пота и слабый привкус пыли, поднятой непрерывным движением. Среди шума над толпой возвысился голос глашатая, резкий и властный, объявивший новый указ императора Августа. Слова пронеслись по толпе, как ударная волна: предстояло провести перепись населения, требуя пересчитать каждую душу в огромной Римской империи. Новость быстро распространилась, вызвав ропот, стоны и торопливые перешептывания. Семьи приостановились в своих повседневных делах, на их лицах отразились беспокойство и расчет. Нужно было планировать путешествия, ломать жизни и преодолевать долгие пути - все для того, чтобы исполнить волю империи, протянувшей руку в каждый уголок их жизни. Тяжесть указа висела в воздухе, напоминая о далекой власти, определяющей их судьбы.

МЭРИ говорила тихо, ее голос был наполнен спокойным пониманием. Она объяснила, что эта перепись, проведенная по приказу императора, была частью большого плана, плана, установленного Богом. Иосиф, не понимая глубинного смысла, готовился в одиночку отправиться в Вифлеем, город, где все жители Назарета должны были зарегистрироваться. Но МЭРИ знала правду. Давным-давно было предсказано, что Сын Божий, Единородный, родится в Вифлееме. Она несла это священное знание, понимая, что ее ребенок придет в мир не в величии, а в простоте и смирении,

скрытый от глаз сильных мира сего. Хотя Его приход будет тихим, он исполнит обещания, данные задолго до этого, и ознаменует начало чего-то необыкновенного. Позже, дома, когда они вместе сидели за столом, Иосиф с нежной заботой сказал: *"Я не смел брать Тебя с собой в такое далекое путешествие, но я не смею оставить Тебя одного. Я не мог бы жить без Тебя и ни на минуту не отходил бы от Тебя"*. МЭРИ с нежным почтением позволила ему взять на себя ответственность за руководство их семьей - решение, которое было принято уже давно, хотя и скрыто от его ведома.

В день их отъезда город кишел людьми, исполняющими императорский указ. Иосиф рыскал по оживленным улицам, отчаянно ища мула, чтобы облегчить бремя своей тяжело беременной жены. Наконец он нашел человека, готового помочь. *"Прошу вас, господин, моя жена тяжело рождает, ей слишком далеко идти пешком. Взамен я сделаю для тебя новое ярмо для твоих волов"*, - умолял Иосиф. Тот ответил с кривой улыбкой: *"Новое ярмо и новый таз для воды! Иди, бери. Он стар, надеюсь, он не умрет по дороге!"*

Иосиф с решительным оптимизмом заверил его: *"Верь, что ты будешь вознагражден за этот поступок! Более того, вознагражден хорошо"*, - и повел мула прочь, стремясь воссоединиться с Марией.

Вскоре супруги отправились по дороге в Вифлеем. Сначала казалось, что они едут одни, но по мере продвижения вперед открывалось удивительное зрелище: тысячи ангелов, посланных Богом, сопровождали их в пути. Некоторые из них принимали человеческий облик и были видны только Марии, которая, когда не ехала на муле, шла среди этих сияющих существ - ее собственный внутренний свет смешивался с небесным сиянием. В поисках

отдыха они миновали несколько небольших деревень, но дверь за дверью закрывалась перед ними. В одном трактире хозяин ворчал: *"Вы не можете рассчитывать на то, что я пущу сюда таких, как вы"*. Но его жена мягко вмешалась: *"Сир, посмотрите на нее. Она молода и близка к своему возрасту. Позвольте ей хотя бы прислониться к стене. Она может сесть на пол, а он пусть отдохнет на грязи снаружи"*. Следуя тихим указаниям женщины, Иосиф привел Марию в узкий коридор, где помог ей устроиться на прохладном каменном полу. Не успела она прислонить голову к стене и закрыть глаза, как трактирщик рывкнул: *"Давай, ты слышал мою хозяйку - уходи! Вон! Или я вышвырну и ее"*. Иосиф был вынужден оставить ее, но МЭРИ была не одна: ее ангелы-хранители бережно подняли ее, прижав ее голову к жесткому камню и присматривая за ней.

На третий день погода испортилась. Страшный ветер и ливень хлестали по дороге, и Мэри, заметно измотанная, с трудом удерживалась на муле. Под напором бури она соскользнула с него и, споткнувшись в грязи, бросилась прочь от животного. Иосиф решительно бросился к ней, поднял ее на руки и отнес в укрытие близлежащего дерева. Осторожно положив ее на землю, он собрал упавшие ветки, чтобы укрыть ее от неумолимой стихии. Рухнув на колени, он горячо взмолился: *"Всемогущий Бог, разве та, которую Ты избрал дверью к спасению человека, не должна быть избавлена от таких страданий и неудобств? Умоляю, избавь ее от этого в такое время. Позволь мне идти под ливнями, но дай солнцу выйти и высушить ее промокшие одежды"*.

Чудесным образом, словно в ответ, буря утихла, ветер утих, дождь прекратился, и солнце вспыхнуло ярким светом. Иосиф убрал ветки с Марии, и на их глазах ее одежда высохла. Даже мул

вернулся, отряхиваясь от воды, и на какое-то мимолетное мгновение они разделили нежный смех.

"Моя очень усталая и терпеливая супруга, не могли бы вы проехать еще немного? Тогда утром мы отправимся в путь пораньше и доберемся до места назначения к позднему вечеру", - сказал он. МЭРИ протянула руку и с теплотой ответила: *"Мне нужна только твоя рука, чтобы встать в походное положение. Этот маленький городок Вифлеем покажется нам величественным городом, когда мы увидим его . Может быть, ты покатаешься, Иосиф? Ты прошел весь путь пешком; ты, должно быть, устал".*

Он согласился: *"Мы дадим зверю отдохнуть, он все еще выглядит потрясенным бурей. Пойдемте, мы пойдем вместе. Могу я говорить, пока мы идем?"* МЭРИ кивнула: *"Говори все, что пожелает твое сердце и разум, мой преданный супруг".* Тяжело вздохнув, Иосиф признался: *"Почему я? Почему я, такое ничтожное, недостойное существо, полное недостатков, когда есть другие, более подходящие?"*

МЭРИ, в голосе которой звучала спокойная уверенность, возразила: *"Неужели ты думаешь, что наш Господь не знает, кого Он избрал? Что ваше сердце и разум - сформированные Его рукой - не имеют величайшего благородства, чтобы служить Его Сыну?"*

Затем, с ноткой печали, он добавил: *"А как же служить тебе? Ты лелеешь ребенка в своем чреве. Вы его животворящая сила. Ты, столь высоко ценимая нашим Богом, - как же мне служить тебе? Я едва могу предоставить тебе зверя для передвижения, когда так очевидно, что твое время близко. Я не справился с тобой, не так ли?"*

МЭРИ взяла его за руку и мягко ответила: *"Какие части этого путешествия, по-твоему, неизвестны Всемогущему? Не по количеству вещей или монет в твоём ранце тебя считают достойным, Джозеф. Ни один другой товарищ не может быть более внимательным. Никто другой не мог бы стать лучшим, более любящим спутником"*.

С первыми лучами рассвета, окрасившими горизонт в золотые и янтарные оттенки, МЭРИ и Иосиф снова отправились в путь, усталые шаги приближали их к Вифлеему. Солнце неуклонно поднималось, его тепло давило на пыльную дорогу по мере того, как тянулись часы. К полудню пятого дня вдали показался силуэт Вифлеема - скопление низких каменных зданий, приютившихся среди холмов. Деревня кипела жизнью, оживленная шумом путешественников, приехавших издалека. Повозки скрипели под тяжестью вещей, мулы нетерпеливо ржали, а дети носились по узким улочкам, их смех звучал как музыка. Родители звали друг друга, их голоса звучали с оттенком срочности, когда они искали убежище в переполненных трактирах. Вифлеем, хотя и был небольшим, пульсировал хаотичной энергией - скромная сцена, подготовленная для чего-то необычного.

МЭРИ и Иосиф шли вперед, их сердца были тяжелы от усталости, но полны спокойной решимости, поскольку город манил их своими обещаниями и проблемами. Иосиф с надеждой сказал: *"Здесь много домов. Я знаю, что мы найдем добрую душу, которая предоставит нам кров на ночь. Давайте начнем. Мне следует умыться и привести себя в более приличный вид, нет? Вот, вот, идемте"*. Подведя мула к общественному фонтану, Иосиф побрызгал водой на лицо.

Толпа неподалеку разразилась хохотом. Один из мужчин закричал: *"Он моется в воде, предназначенной для наших зверей. Думаю, она подойдет и для таких, как они"*. Одна женщина добавила: *"Может, им нравится, когда в воду добавляют немного зерна?"* Другой мужчина воскликнул: *"Дай хотя бы четвероногим проглотить, парень!"*

Среди смеха МЭРИ ласково вытерла лицо Иосифа куском своей мантии и мягко попросила: *"Пойдем, найдем себе жилье, пока не стемнело"*. Они переходили от двери к двери по всему городу, и каждая попытка встречала отказ. Некоторые двери были захлопнуты перед их носом, и они прошли мимо многих других, кто разделил их участь, оставшись без крова. Когда наступили сумерки, и луна сменила солнце, они добрались до дальнего конца деревни, где стоял последний постоялый двор. *"Конечно, они проявят милосердие. Я пойду и найду для вас комнату"*, - заявил Джозеф.

Он отошел, оставив Марию отдыхать на спине мула у входа в трактир. Но мгновение спустя трактирщик вытолкнул Иосифа на улицу. *"Я же сказал тебе, что у меня нет места. А если бы и было, я бы не пустил сюда таких, как вы. Я сказал тебе идти в пещеру - она тебе больше подходит. Убирайся!"* - прорычал он, захлопывая дверь. МЭРИ бросилась к нему и увидела, что Иосиф стоит на коленях, уткнувшись лицом в дрожащие руки, и плачет. *"Драгоценная моя, сердце мое разбито, что я не могу укрыть тебя на ночь в теплом жилище"*, - причитал он. МЭРИ с невозмутимой решимостью ответила: *"Пусть твои слезы печали превратятся в слезы радости. Давайте с любовью примем бедность, которая является неоценимым и драгоценным сокровищем моего святейшего Сына. А что же эта пещера, о которой говорил трактирщик? Разве это не жилище? Оно укроет нас от*

усиливающегося холода. Пойдем же с радостью, куда бы ни повел нас Господь".

Ведомые невидимыми силами, МЭРИ и Иосиф забрели в безмятежный лес, где воздух, казалось, гудел от тихой, священной энергии. Деревья над ними как будто специально расступились, открыв путь, освещенный мягким, сияющим светом. Небесные существа, их формы мерцали, как звездный свет, грациозно двигались впереди, освещая путь неземным теплом. Ангелы привели их к уединенной пещере, вход в которую светился мягким, потусторонним светом, разливавшимся по лесной подстилке. Внутри небесные хозяева двигались целеустремленно, их присутствие наполняло пространство чувством благоговения и предвкушения. Они готовили скромную пещеру, превращая ее в святилище, подходящее для прибытия их королевы. Казалось, сам воздух затаил дыхание, словно и земля, и небеса замерли в ожидании момента, когда божественное коснется обыденного самым необычным образом. Это место считалось недостойным всех остальных в городе. Никто не унизился бы до того, чтобы использовать его для подобной цели, кроме учителей смирения и бедности - Христа Спасителя и Его Пречистой Матери. Ибо премудрость Вечного Отца приберегла его для них. Он освятил ее во всей ее наготе, одиночестве и бедности как первый храм света и как дом истинного Солнца справедливости, которое должно было взойти для праведных сердцем людей из сияющей Авроры Марии, превратив ночь греха в дневной свет благодати".

И вот в этой скромной пещере - маловероятном убежище, подготовленном божественными руками, - усталые путники нашли приют, ознаменовав собой поворотный момент в исполнении

древнего пророчества и начало новой главы в священной истории надежды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РОЖДЕНИЕ ХРИСТА

МЭРИ и Иосиф вошли в пещеру в тихом благоговении, опустившись на колени, чтобы возблагодарить за дарованные им благословения. В мягком сиянии огня, который Иосиф разжег для тепла, МЭРИ, сопровождаемая нежным присутствием ангелов-хранителей, понимавших, что вскоре произойдет чудо, начала своими руками готовить скромную обстановку. Почувствовав, предвестники приближающихся родов, она призвала Иосифа отдохнуть. *"Ночь уже далеко, и ты, должно быть, нуждаешься в отдыхе. Спи, Иосиф"*, - ласково сказала она.

Прежде чем послушаться ее просьбы, Иосиф сначала позаботился о Марии. Воспользовавшись небольшой кроваткой, оставленной пастухами для своих животных, он аккуратно устроил ее в пещере, чтобы обеспечить комфорт для своей возлюбленной. Закончив работу, он оставил Марию в тихом уголке пещеры и удалился в укромный уголок неподалеку от входа. Там он преклонил колени в молитве, и в этот момент на него снизошел божественный дух, погрузив его в состояние возвышенного, благословенного сна.

МЭРИ тоже была поглощена молитвой. В тишине священного пространства голос Бога звучал вокруг нее: *"Пришло время пришествия нашего Сына. Я обновляю в тебе все знания о Божественности и человечности этого нашего ребенка - Агнца Божьего, который возьмет на себя грехи мира. Счастлива я, что воззвала к тебе и ты ответил "да", ибо ты, мой Возлюбленный, радуешь меня безмерно"*.

В ответ МЭРИ склонила голову и прошептала: *"Я прошу Господа Бога о новом свете и благодати, чтобы я могла достойно воскресить Слово, ставшее плотью, Которое я должна родить и вскормить"*. Затем голос продолжил с мягкой властью: *"Восстань, МЭРИ, ибо Ты - Матерь Божья"*. МЭРИ пребывала в состоянии божественного просветления, пока не почувствовала

присутствие ребенка в своем чреве. Мягкие движения возвестили о приближающихся родах - движения, которые не причиняли боли, но наполнили ее глубоким удивлением.

За пределами сияющего круга света, окутавшего ее, архангелы Гавриил и Михаил приняли человеческий облик, ожидая в молчаливом ожидании момента, когда им будет открыто их священное задание. МЭРИ стояла на коленях в тихом благоговении, прижав руки к груди, ее лицо светилось лучезарным, потусторонним светом. Сердце ее забилося от удивления, когда внутри нее засиял яркий, чистый свет, который, казалось, исходил из самой ее души. Он становился все ярче и ярче, настолько интенсивным, что превосходил все, что мог выдержать человеческий глаз. Затем из мерцающего сияния выступили архангелы Михаил и Гавриил, их величественные формы излучали благоговение и благодать. Они опустились перед ней на колени, их движения были плавными и обдуманно, а протянутые руки образовали колыбель из света и воздуха. В этот захватывающий дух момент сияние из чрева Марии перетекло в созданную ими колыбель. И там, в объятиях ангелов, свет обрел форму, превратившись в новорожденного ребенка. Младенец Христос, Свет мира, появился на свет, и Его присутствие наполнило скромную пещеру миром и славой, превосходящими всякое понимание. В этот момент хоры ангелов запели самые величественные гимны, которые когда-либо звучали. С распростертых рук архангелов новорожденный младенец был нежно передан на руки матери. Когда МЭРИ и ее ребенок смотрели друг на друга, между ними возникла любовь, настолько глубокая и преображающая, что она возвысила сами их души. В тихом общении их сердец младенец произнес: *"Мать, стань подобной Мне, ибо в этот день ты преподнесла человеческому роду величайший дар. Я дарую тебе возвышенную благодать, преображающую твое существование, чтобы ты могла разделить Мое подобие и как Бог, и как Человек"*.

МЭРИ с нежной улыбкой и непоколебимой преданностью ответила: *"Вознеси меня, Господи, и я побегу за Тобой"*. Тогда Младенец продолжил: *"Вот, возлюбленная моя, ибо ты прекрасна"*. И в полноте этого священного момента голос Бога вмешался:

"МЭРИ, прими Единородного Сына Твоего, подражай Ему и расти за Ним; и помни, когда Я потребую, Ты должна принести Его в жертву".

Переполненная любовью, МЭРИ прижала к себе ребенка и поцеловала его нежное личико с нежностью, известной только материнскому сердцу. Держа его на руках, она стала первым алтарем, на который он был возложен. В тот чудесный момент небеса словно разверзлись, и люди со всех концов света пришли, чтобы увидеть спасение человечества в виде этой новой жизни.

Иосиф, пробужденный от блаженного сна волнением божественной радости, поднялся и со слезами обожания на глазах увидел новорожденного. По нежной просьбе Марии он передал ей пеленки, к о т о р ы е они принесли с собой. С великой заботой она одела Сына, положила солому и сено на плоский камень и уложила Его. Затем она с нежностью приказала волам и мулу лечь по обе стороны от кровати, чтобы согреть ребенка и укрыть его от ночной прохлады. Снаружи ночное небо было усыпано мерцающими звездами. северная звезда ослепительно сияла над всей землей. Под в л и я н и е м чудесного момента МЭРИ тихо обратилась к своим небесным спутникам: *"Мы должны возвестить о Его рождении, мои небесные друзья. Идите, расскажите тем, кому вы были велены Богом"*. С этим повелением архангел Михаил отправился в священные сферы, где его ждали святые патриархи - Енох и Илия - и преподобные Иоаким и Анна, а другой ангел отправился сообщить новость Елизавете и ее сыну Иоанну. Тем временем Гавриил был послан в поле, чтобы возвестить о чудесном событии пастухам, которые вскоре оказались окутаны лучезарным светом ангела.

"Не бойтесь, люди праведные", - провозгласил Гавриил, и его голос разнесся эхом по тихой ночи. "Ибо я возвещаю вам великую радость: сегодня в городе Давидовом родился Искупитель, Христос, Господь наш. В знак этой истины вы найдете Младенца, завернутого в пелены и положенного в ясли". В ответ на это великолепный хор ангелов разразился песней: *"Слава в вышних*

Богу, и на земле мир народу Его!"

Когда ночь постепенно сменилась днем, из скромной пещеры стали приходить и уходить гости. На восьмой день МЭРИ обратилась к Иосифу: *"Хотя мы знаем, что Он был зачат без греха, Он родился в этот мир как человек. А в этом мире человек должен быть очищен обрядом обрезания"*.

Иосиф ответил: *"Я пойду и вернусь со священником. Прежде всего, должно быть известно Его имя. Когда святой ангел сообщил мне об этом великом событии, он также сказал мне, что священного Сына следует назвать Иисусом"*. МЭРИ кивнула в знак согласия и тихо добавила: *"Это же имя было открыто мне, когда Он обрел плоть в моей утробе"*.

Пока двое святых родителей беседовали, с небес спустились бесчисленные ангелы в человеческом облике, облаченные в сияющие белые одежды, искусно расшитые красным. В руках у них были пальмовые ветви, а головы украшали короны, излучавшие великолепия, не уступающее самому солнцу. В первых рядах стояли архангелы Михаил и Гавриил, которые вместе подали знак изысканной красоты. Знак, на котором великолепным шрифтом было написано святое имя Иисуса. Михаил произнес с мягкой властью: *"Госпожа моя, это имя Сына твоего, начертанное в разуме Божьем от вечности. Благословенная Троица даровала его Единородному Сыну, нашему Господу, как сигнал спасения для всего рода человеческого. Немедленно утверди Его на престоле Давида"*. Гавриил добавил: *"Ибо Он будет царствовать на нем, карать врагов Своих, торжествовать над ними и делать их подножием Своим, верша над ними суд. Он вознесет Своих друзей во славу десницы Своей. Но все это будет достигнуто ценой страданий и крови - Ему суждено пролить ее, получив это имя, ибо оно знаменует начало Его страданий в послушании воле Его вечного Отца. После этого Он триумфально взойдет в небесный Иерусалим и откроет небесные порталы"*.

Так, в священной тишине пещеры, среди божественного света и ангельского великолепия, было отпраздновано скромное рождение

Спасителя - чудо, которое навсегда изменит судьбу человечества.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Иосиф, преклонившись перед младенцем, лежащим на руках Марии, покинул пещеру в состоянии смиренного обожания. Он вышел в прохладный вечер и направился в шумную деревню. Вскоре он вернулся в сопровождении священника, и в ходе небольшой, скромной церемонии над ребенком был совершен обряд обрезания. На протяжении всего обряда МЭРИ прижимала к себе сына, ее глаза были полны безмятежной решимости, пока длился священный ритуал.

Сын Марии принес Вечному Отцу три жертвы неоценимой ценности. **Во-первых**, будучи невинным и Сыном истинного Бога, Он принял на Себя состояние грешника, подчинившись обряду, придуманному как средство от первородного греха, - закону, который Его не связывал. **Во-вторых**, Он добровольно перенес муки обрезания, испытав их как истинный и совершенный человек. **В-третьих**, Он продемонстрировал самую пламенную любовь, начав проливать Свою кровь за род человеческий, одновременно воздавая благодарность Вечному Отцу за то, что Он даровал Ему человеческую природу, способную страдать ради Его возвышения и славы.

Когда священник спросил: *"Какое имя вы дадите ребенку?"*, МЭРИ и Иосиф в один голос ответили: *"Иисус"*. Священник аккуратно записал имя на скрижали и продолжил: *"Я убежден, что этот ребенок будет великим пророком Господним. Позаботьтесь о его воспитании"*. С этим торжественным напутствием, получив от доброжелателей свечи и другие скромные знаки, священник удалился, оставив Святое семейство в тихом благоговении.

Когда солнце опустилось ниже, окрасив небо в глубокие оттенки оранжевого и пурпурного, на горизонте показались теневые очертания каравана, неуклонно двигавшегося на восток. Они следовали указаниям одной-единственной лучезарной звезды,

которая горела ярче всех остальных, неподвижно застыв над местом, где родился ребенок. На следующий день три мудрых царя, каждый из которых был правителем с большой славой, прибыли к пещере со своей свитой слуг. Слуги болтали и удивлялись странной, священной сцене, представшей перед ними, но цари вели себя с тихим благоговением. Они шагнули вперед, их одежды развевались за спиной, и с торжественной грацией вошли в пещеру. Не раздумывая, они преклонили колени перед Марией, их головы склонились в смирении. Один за другим они протягивали руки, чтобы поцеловать ее руку в знак глубокого уважения. Но МЭРИ мягким, но твердым движением отстранила свою руку и протянула крошечную руку своего новорожденного сына. Этим простым действием она предложила им не свою честь, а священный дар Младенца Христа, того, ради поклонения которому они проделали столь долгий путь. *"Дух мой радуется о Господе, и душа моя благословляет и прославляет Его"*, - тихо сказала МЭРИ. *"Ибо из всех народов Он призвал и избрал тебя, чтобы ты увидела то, что многие цари и пророки тщетно желали увидеть"*. Волхвы поздравили ее словами восхищения, а затем удалились, их лица были озарены удивлением.

- и это резко контрастировало с растерянностью слуг, которые не были свидетелями чудесной сцены. Они отправились на ночлег в город, их сердца были взволнованы тем, чему они стали свидетелями.

Позже в тот день, собравшись за столом в скромной комнате на постоялом дворе, три короля делились своими мыслями. Один из них размышлял: *"Что это за чувство? Более глубокой любви к царю я еще не знал - что движет нами так глубоко?"* Другой ответил: *"Его величие скрыто под бедностью и смирением, это тайна, непостижимая для смертных"*. Третий добавил: *"О, если бы все могли так свободно разделить эту радость!"* Первый король сказал в заключение: *"Они нуждаются в утешении; давайте отправим наших слуг с дарами, которые облегчат их бремя"*.

Снаружи, у пещеры, слуги волхвов доставили Иосифу припасы, который принял их с тихой благодарностью. На следующий день

мудрые цари вернулись, чтобы попрощаться с новым царем. Они преподнесли традиционные дары - золото, ладан и мирру и даже предложили драгоценные камни, предназначенные для принцессы. Но МЭРИ с мягкой твердостью отказалась от драгоценных камней и вместо этого вручила каждому из них самый ценный подарок, который только могла предложить, - маленькую одежду, в которую была одета нежная кожа ее младенца Сына. *"Каждому из вас я дарю эту одежду, сокровище, которое касалось кожи Младенца Бога"*, - сказала она. Один король изумился: *"Драгоценнее золота и серебра, эта одежда свяжет меня в служении Его королевской власти на все мои дни"*. Другой король предложил: *"Давайте предоставим вам имущество, в котором вы могли бы жить более достойно"*. Третий король возразил: *"А может, нам стоит построить жилище, достойное вашей святой семьи?"* МЭРИ тепло улыбнулась и ответила: *"Спасибо вам, добрые и щедрые люди, но наши нужды невелики и удовлетворяются Господом. Искать большего - значит бросать вызов Его мудрости. Ваши деяния не останутся незамеченными"*. Иосиф добавил: *"Жаль, что вы не можете остаться дольше: послезавтра мы должны представить ребенка в храме. Пусть ваш обратный путь будет безопасным, а ваши дороги - богато вознаграждены"*.

В ночь перед представлением младенца в храме МЭРИ стояла на коленях в горячей молитве. *"Господь мой, - шептала она, - завтрашний день будет праздничным для неба и земли. Ты дал мне Его как Бога, и я возвращаю Его Тебе как Бога и человека. Излей Свои милости на человечество - помилуй грешников, утешь страждущих, помоги нуждающимся, обогати бедных, помоги слабым, просвети слепых и обними заблудших. Я прошу об этом от имени Твоего Единородного, который по Твоей воле является и моим Сыном"*. Ореол света окружил молодую мать, когда она обратилась к Богу с просьбой от имени всего человечества.

На следующий день, когда Святое семейство и сонмы ангелов подошли к воротам храма, МЭРИ присоединилась к компании преданных женщин, а Иосиф шел с собравшимися мужчинами. К ним приближался Симеон, первосвященник, ведомый Святым Духом, и Анна, почитаемая учительница Марии. Они подошли к паре, и

МЭРИ бережно передала младенца Симеону. Подняв ребенка, Симеон возвел глаза к небу и провозгласил: *"Ныне, Господи, Ты приготовил и поставил перед всеми смертными Твой Божественный свет, чтобы он озарил мир, даруя руководство и спасение всем, кто ищет его. Это свет, явленный даже язычникам, во славу Твоего избранного народа, Израиля! Вот, этому Младенцу суждено как падение, так и воскресение среди многих в Израиле, и Его присутствие - знак, который будет встречен с противоречием. Более того, меч пронзит твою душу, МЭРИ, чтобы обнажились сердца многих"*.

В этот момент глаза Марии наполнились печалью, когда она увидела видения жизни своего сына - от младенчества до зрелого возраста, страдания и унижения. он будет и унижения, которые Он перенесет, и, в конце концов, Его смерть на кресте. Тихие слезы текли по ее щекам, но когда Симеон вернул ей младенца, ее лицо украсила слабая улыбка принятия. В глубине души младенец разговаривал с ней:

"Дорогая Мать, хотя ты должна много страдать за меня, прими сердце: моя любовь - любовь Бога к тебе - больше, чем сама Вселенная. Вместе мы искупим грехи человечества и вместе направим тех, кто ищет убежища, в распростертые объятия Отца нашего". После церемонии Анна, пророчица, обратилась к собравшейся толпе, заявив: *"Узрите Младенца, ибо Он - Свет мира, обещанный Мессия, пришедший исполнить Божье обещание о спасении"*.

Позже, в тишине пещеры, МЭРИ тихонько обратилась к Иосифу, который держал на руках Иисуса. *"Я хочу совершить в храме новену на следующие девять дней"*, - сказала она. Иосиф, всегда прагматичный, ответил: *"После этого мы должны вернуться в наш дом в Назарете"*. Интересно, моя святейшая супруга, научу ли я Его плотницкому ремеслу? Как такая драгоценная рука сможет удержать грубое дерево и острые инструменты?" МЭРИ нежно улыбнулась и ответила: *"Он научится, мой возлюбленный. Он будет знать грубую древесину, как и ты"*.

Утром пятого дня в храме МЭРИ, младенец и Анна были погружены в молитву. Внезапно на лице Марии появилось выражение страха.

"Что вас беспокоит?" спросила Анна. *"Мы не можем завершить этот пятый день нашей новены",* - прошептала Мэри. *"Мы должны немедленно уехать"*.

Анна утешила ее: *"Иди, возвращайся в свое жилище. Я приготовлю припасы для твоего путешествия. Мне не нужно спрашивать, куда и когда ты отправишься, ибо послание в твоих глазах ясно и очень тревожно"*. Прижимая к себе ребенка, МЭРИ поспешно покинула храм.

Когда МЭРИ спешила по тропинке с младенцем на руках, встревоженный Иосиф перехватил ее на полпути и сказал. *"Мы должны немедленно готовиться к отъезду, мне явился ангел с пугающей вестью: Ирод узнал о рождении Иисуса и, опасаясь за свое царствование, приказал зарезать всех детей мужского пола в возрасте до от двух лет"*. МЭРИ ответила, и в ее голосе прозвучала печаль: *"Я тоже получила эту весть. Сколько невинных погибнет! Они боятся Сына Божьего, не зная, что Он также Сын Человеческий"*.

Иосиф продолжал: *"Мы должны бежать в Египет и оставаться там, пока не станет безопасно возвращаться. Мы отправляемся сегодня вечером - это будет долгое путешествие, возлюбленный мой. Скажи, что я могу сделать, чтобы облегчить твое бремя?"*

МЭРИ со спокойной решимостью ответила: *"Наше путешествие не будет лишено утешения, Иосиф, ведь ты даешь столько утешения. С какими бы неудобствами мы ни столкнулись, мы примем их, поскольку разделяем горе матерей, которые много страдают"*.

Так, с тяжелыми, но решительными сердцами, они приготовились отправиться в долгое и неясное путешествие, уповая на руководство и защиту Божественного.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕГИПЕТ

Под слабым светом полумесяца на темном небе едва можно было различить фигуры Святого семейства, отправившегося в свой долгий путь. МЭРИ, нежно несущая младенца на руках верхом на муле, и Иосиф, упорно ведущий их прочь из укрытия пещеры. Их силуэты сливались с тихой ночью, когда они начинали предстоящий тяжелый путь.

После нескольких дней пути их путешествие привело их в окрестности Газы. Там, среди пыльных улиц и усталого шума дороги, МЭРИ заметила Иосифа, спотыкающегося от усталости. Мул тоже устал и упрямо отказывался идти дальше. МЭРИ мягко обратилась к нему: *"Иосиф, ты нуждаешься в отдыхе, а эта бедная ноша не выдержит и дня без того же внимания. Давай остановимся здесь, в Газе, на день или два. Нас примут в доме старой подружки моей кухни Элизабет, Мерты. Она одинока, поскольку ее муж остался вдовой; она ухаживает за больными в деревне, и я могла бы помочь ей, пока вы отдыхаете"*.

Временное пребывание привело их в скромное жилище Мерты, пожилой женщины, чьи добрые руки издавна заботились о больных. В одной из ее тесных комнат на узкой кровати лежали двое очень больных детей, их лица были смертельно бледными, а дыхание едва слышным. Мерта утешала расстроенных родителей, говоря: *"Больше ничего нельзя сделать. Успокойте их этой травой - она облегчит кашель и поможет дышать без боли"*. Пока Мерта говорила, МЭРИ опустилась на колени у кровати больных детей. Вытащив из пояса своего халата тряпочку, она опустила ее в стоящий рядом таз с

водой. С нежной заботой она вытерла губы и лоб каждого ребенка, затем взяла их маленькие ручки и нежно прижала их к своей щеке, бормоча тихие молитвы. Постепенно к их щекам стал возвращаться цвет, а неровное дыхание затихло. Среди облегчения отец в отчаянии воскликнул: *"Они больше не дышат!"*, а мать причитала: *"Дети мои, дети мои"*. МЭРИ тихонько успокаивала их: *"Нет, подойдите, посмотрите. Они не покинули вас. Они хорошо отреагировали на лекарство. Дети, откройте глаза - покажите своим обеспокоенным родителям, что вы чувствуете себя лучше"*. Затем, обращаясь к Мерте, она добавила: *"Давайте оставим этот счастливый момент, ведь нам предстоит еще многое увидеть"*. Мерта, выражая радость и замешательство, ответила: *"Да, нам еще есть на что посмотреть"*.

Засунув бутылочку с лекарством обратно в карман фартука, Мерта предложила: *"Возможно, вам это и не нужно. Пойдем, Мэри, у меня есть человек, который не может пошевелить конечностями, чтобы ходить. Ты могла бы натереть их мазью"*. И с этими словами пара отправилась продолжать дневные труды.

Вскоре Мэри и Мерта оказались в доме еще одной пациентки - женщины средних лет по имени Хелен, калеки от рождения, с иссохшими, бесполезными ногами. В маленькой, захлавленной и нечистой хижине Хелен лежала на изношенном коврике. Мерта предупредила: *"Смотри, не вздумай глубоко вздохнуть, а то я не знаю, какая болезнь здесь бродит. Я прихожу раз в неделю, чтобы убедиться, что у нее хотя бы чистая одежда"*.

Достав из ранца сверток со свежевystиранной одеждой, Мерта принялась помогать Хелен. Мэри присоединилась к ней. Из своего фартука Мэри достала маленькую бутылочку, сняла с нее крышку и налила отмеренное количество жидкости в зажатые в ладонях руки.

Нежными движениями она погладила лицо женщины, а затем вмассировала жидкость в исхудавшие ноги Хелен. Чудесным образом, словно тронутые божественной благодатью, конечности медленно обретали форму и силу. Ошеломленная, Мерта в изумлении упала на колени и воскликнула: *"Кто ты, благословенная женщина? Какими силами наделил тебя Господь!"* МЭРИ тихо ответила: *"Какой верой Он наделил тебя, чтобы тебе было позволено увидеть то, что скрыто".* Сохраняя спокойствие, дорогая Мерта, ибо моя семья здесь только на один день. Было бы неправильно распространять эти чудеса слишком широко".

Мерта пообещала: *"Я останусь и помогу этой девушке привести в порядок ее хижину. Теперь, когда она может ходить, она сможет помогать мне ухаживать за остальными. Ты же должна вернуться к своей семье".* С искренней благодарностью МЭРИ откланялась, а когда она уходила, исцеленная женщина опустилась на колени и несколько раз поцеловала руки Марии.

Вскоре после этого путешествие Марии привело ее к ступеням близлежащего храма. Снаружи, у разрушающейся стены, собралось несколько бездомных людей, отчаянно просящих еды. Не испугавшись их бедственного положения, МЭРИ оказалась в окружении нищих и голодных. Один умоляющий мужчина взмолился: *"Пожалуйста, мой ребенок уже два дня не ест - нет ли у вас чего-нибудь лишнего?"* К нему присоединился маленький, плачущий голосок: *"Еды, папа, еды".* Женщина неподалеку сетовала: *"Наши соседи - всего лишь крысы, которые подкарауливают бочки с зерном. Пожалуйста, выделите что-нибудь для малышей".*

Один из наблюдавших за ними мужчин предостерег: *"Будьте осторожны, они могут укусить вас за руку!"* Группа засмеялась, а маленький ребенок, не удержавшись, бросился вперед, чтобы обнять мужчину, но его оттолкнули дрожащей ногой. МЭРИ опустилась на колени рядом с ребенком, взяла его на руки и ласково утешила. Повернув ребенка к мужчинам, она заговорила мягким, но настойчивым тоном: *"Посмотрите в ее глаза - увидите там голод. Положите на нее руку, почувствуйте хрупкость ее маленького каркаса. Если бы ваш собственный сын был так голоден, а вы не могли бы его накормить, разве вы не стали бы молиться о чужой доброте?"*

Еды, которую вы отбрасываете каждый раз, больше, чем этот ребенок видел за целую неделю. Что удерживает ее от вашего стола? Я вижу сострадание в ваших глазах. Сейчас самое время, добрый господин, сейчас самое время". Под впечатлением от ее слов один из мужчин протянул несколько монет из своего мешочка, а другой обхватил обездоленных родителей, призывая их следовать за ним. С этими словами МЭРИ положила ребенка на землю, опустилась перед родителями на колени и благословила их руки в знак благодарности.

После нескольких дней исцеления и смиренного служения Святое семейство собралось в путь. В скромном доме Мерты МЭРИ снова села на мула, когда Иосиф передал ей младенца, и с благодарностью сказала. *"Еще раз спасибо тебе, Мерта, за твою доброту. Хотя последние несколько дней я в основном спала, я благодарна за то, что у моего возлюбленного был мудрый и заботливый спутник".*

Мерта тепло улыбнулась: *"О, это я очень благодарна. Теперь будьте в безопасности в пустыне."*

"Куда вы направляетесь, вы сказали?" МЭРИ ответила: *"Недалеко, Мерта, и Джозеф был прав: твоя мудрость была настоящим благословением во время этого короткого визита. Да пребудет с тобой Господь"*. Мерта ответила: *"И с тобой, мой благословенный друг"*, и на этом они расстались.

Святое семейство продвигалось вперед по огромным, непреклонным просторам пустыни Берсаба в Палестине. В воздухе висела февральская прохлада, а перед ними бесконечно простиралась пустыня - море бесплодных песков, не дающих ни убежища, ни утешения. Ветер завывал, как дикий зверь, его яростные порывы хлестали по пустоте, заглушая даже голоса Иосифа и Марии, пытавшихся заговорить. Шторм казался живым, его шепот нес в себе жуткую тяжесть пустоты. Затем сквозь клубящийся хаос вдали показалось небольшое предгорье - слабое обещание убежища. Голос Джозефа прорвался сквозь бурю, настоящий и решительный: *"Там! Вон там! Мы найдем укрытие!"*

Хриплые, но настойчивые крики младенца пронзали воздух, когда МЭРИ пыталась укрыть свое дитя от неумолимого жгучего ветра. Она сошла с мула, усталые шаги которого затихали под руководством Иосифа, и пошла вперед пешком. Одна ее рука обнимала новорожденного, а другая была вытянута вперед, пальцы когтями впивались в бурю, пытаясь унять ее ярость. Шаг за шагом они продвигались к склону холма, рев ветра становился все глуше по мере приближения к убежищу. Наконец они достигли подножия холма, и ярость бури стихла до рокота.

Мэри опустилась на землю, ее тело дрожало, но руки были тверды, когда она успокаивала ребенка. *"Тише, мой маленький"*, - прошептала она, и ее голос стал нежным бальзамом на фоне хаоса. Плач ребенка затих, сменившись тихими звуками кормления. Слабая улыбка тронула губы Марии, когда она взглянула на него. *"Как же ты был голоден, мой бедный ягненок"*, - прошептала она. Она повернулась к Иосифу, ее голос был нежным, но твердым. *"Спи, Иосиф. Я присмотрю за тобой"*.

Джозеф, у которого иссякли силы, слабо кивнул и опустился на склон холма. Его голова покоилась на их скудном скарбе, дыхание было медленным и тяжелым. МЭРИ некоторое время наблюдала за ним, а затем вернула взгляд к своему ребенку, мирно дремавшему сейчас. Ее сердце болело от тяжести их путешествия, но в то же время в нем теплилась тихая, непоколебимая надежда. Вокруг них простиралась бесконечная пустыня, но в этот момент в укрытии холма царил хрупкий покой. Углубляясь в путешествие в Египет, Святое семейство преодолело более ста изнурительных миль по безжалостной пустыне Берсаба. Каждый день тянулся бесконечно, солнце палило над головой, а ночи не давали передышки. МЭРИ и Иосиф добывали себе пропитание лишь одной скудной пищей, которую съедали поздно ночью после долгих часов изнурительного пути. Стихия не проявляла жалости, и однажды ночью на них с неослабевающей яростью обрушилась жестокая буря. Дождь хлестал ливнем, а ветер завывал, как мстительный дух, терзая их и без того измученный дух.

МЭРИ, хотя и была непоколебима в своей вере, не могла защитить своего ребенка от гнева бури, не призвав божественную силу. Дождь пропитал ее одежду, прилип к ее коже, словно второй ледяной слой. Ее руки дрожали, когда она обнимала младенца, его

крошечное тельце, завернутое в промокшую пеленальную ткань. Он неистово дрожал, его крики пронзали ночь, сначала резкие и отчаянные, а затем становились все слабее, словно его силы иссякали. Сердце Марии сжалось от ужаса, когда она почувствовала, как холод проникает в его хрупкую фигуру. Она взглянула на его бледное лицо, на котором смешивались с дождем ее собственные слезы, и в ней вспыхнуло яростное материнское неповиновение.

Подняв глаза к бушующим небесам, она возвысила свой голос над бурей, грубый и властный: *"Я повелеваю вам, ветер и дождь! Не причиняйте зла моему ребенку, Единородному Сыну Божьему! Если вам нужно выплеснуть свою ярость, обратите ее на меня, ибо я недостойна рядом с Ним!"* В ее словах звучала отчаянная мольба, овеянная властью материнской любви. Казалось, буря заколебалась, ее ярость на мгновение утихла, как будто сама стихия остановилась, чтобы прислушаться к ее мольбе. МЭРИ крепче прижала к себе ребенка, ее тело дрожало не от холода, а от тяжести ее жертвы. В этот момент она была одновременно уязвимой и непреклонной, маяком преданности перед лицом гнева природы. В ответ на ее мольбу светящийся шар света окружил ребенка на ее руках. Так тронутый любовью Своей Матери, Иисус попросил сопровождавшую их армию ангелов увеличить шар света, чтобы он охватил и Марию, и Иосифа. Это чудо помогло Святому семейству пережить множество испытаний во время долгого и коварного путешествия в Египет.

Наконец-то Святое семейство прибыло в Египет, и усталые шаги привели их в страну, покрытую мраком. Многие из ее жителей попали в ловушку, их души были скованы зловещей хваткой Люцифера и его злобных служителей. Однако, когда МЭРИ и Иосиф вошли в город, в их среде зашевелилась тихая, но глубокая сила.

Младенец Иисус, лежащий на руках Своей Матери, поднял Свои крошечные глазки и ручки к небу, Его взгляд был устремлен на Небесного Отца. Хотя с Его губ не слетало ни слова, Его безмолвная мольба звучала с божественной настоятельностью, призывая к милосердию, к избавлению, к спасению тех, кто оказался в ловушке отчаяния.

МЭРИ, всегда внимательная к священной миссии своего Сына, присоединилась к Нему в этой невысказанной молитве. Ее сердце, отягощенное состраданием, билось в унисон с Его сердцем, когда она возносила свои мольбы. Вместе их безмолвные крики, подобно световому маяку, пронзили завесу тьмы, нависшую над землей. В этот момент казалось, что сам воздух дрожит от тяжести их преданности, словно сами небеса склонились ближе, чтобы услышать их мольбу. Крошечные руки младенца, поднятые в невинности и силе, стали символом надежды, обещанием, что даже в самом мрачном месте свет спасения не может быть погашен. Темное египетское небо вскоре заволочло грозowymi тучами, сверкали молнии, а злые духи изгонялись из тел угнетенных. Идолы разбивались вдребезги, алтари рушились, а храмы превращались в руины, когда божественная сила проносилась по земле. Египетский народ, пораженный этими необъяснимыми событиями, начал отстраивать свои города. Среди хаоса на помощь пришли странники - Святое семейство.

Когда они трудились рядом с местными жителями, МЭРИ начала говорить о пророчествах Исаяи: *"Разве не было предсказано, что придет Мессия, Царь Иудейский, и что капища идолов будут разрушены? Есть только один истинный Бог, Творец всех тайн жизни. Посмотрите на своего сына - разве вы не удивляетесь его*

совершенству? Такой юный, но полный разума и силы. А вы, госпожа, когда стираете свою одежду в реке, разве не удивляетесь живительному потоку, который поддерживает вашу семью? Он, единственный и неповторимый Творец неба и земли, создал все с красотой и целью, из любви к вам всем".

Толпы людей собирались, чтобы послушать ее речи и увидеть чудеса - очищение от демонов идолов и одержимых тел, исцеление от тяжелых болезней, и все это благодаря горячим молитвам ее Сына. Наконец их трудное путешествие подошло к концу, когда семья поселилась в городе Гели полис. Они поселились в скромной трехкомнатной обители: одна комната стала святилищем для Младенца Иисуса под присмотром Марии, другая была отведена под спальную комнату Иосифа, а последняя служила ему скромной плотницкой мастерской.

В те тяжелые времена Иосиф не находил работы и часто сталкивался с отказами, а МЭРИ, одаренная как швея, собирала швейные работы из дома в дом. В их маленьком доме с рассвета до ночи МЭРИ трудилась не только для удовлетворения повседневных нужд, но и нежно ухаживала за Иисусом и поддерживала Иосифа. В тихие минуты в детской МЭРИ стояла на коленях в молитве, мягкий свет излучался из ее сердца и сердца ее Сына - священное общение, к которому вскоре присоединился третий свет свыше, когда Бог всего сущего заговорил с ними.

Так, среди трудностей и божественных чудес, продолжалось путешествие Святого семейства - свидетельство веры, стойкости и преображающей силы любви, которая навсегда изменит ход человеческой судьбы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

МАЛЬЧИК ИИСУС

В тихой рабочей комнате их дома на любящих руках Марии лежал младенец Иисус с нежной кожей оливкового оттенка, темными вьющимися волосами и глубокими карими глазами. Он впервые заговорил с Иосифом. В его маленьком, но чистом голосе звучала небесная цель, когда он обращался к своему земному отцу:

"Отец Мой, Я пришел с небес, чтобы стать светом миру и спасти его от тьмы. Я пришел, чтобы быть добрым Пастырем, научить их небесному пути и открыть его врата, которые были закрыты их грехами. Я желаю, чтобы ты стал ребенком Света, который так близок тебе".

Ошеломленный божественными словами и мягкой властью своего сына, Иосиф упал на колени, и его сердце взлетело от смирения, превосходящего всякую меру. С трепетом он ответил: *"То, что Ты, мой Господь и Спаситель, назвал меня Своим смиренным слугой, поднимает мое сердце на такую высоту, что слова срываются с языка, чтобы выразить мои самые искренние чувства".*

Позже, в безмятежном святилище детской комнаты, Иисус позвал Свою мать. МЭРИ, стоя на коленях в тихой молитве, почувствовала мягкое прикосновение Его маленькой руки, нежно погладившей ее лицо. Нежным, но решительным тоном Он сказал:

"Мать Моя, войди в Меня и всегда оставайся со Мной, чтобы подражать Мне во всех Моих делах. Я желаю, чтобы ты воплощала и демонстрировала высокое совершенство, которое Я желаю всем душам. Я избрал тебя вместилищем всех совершенств и дарую тебе

сокровища Моей правой руки - сокровища, которые остальное человечество утратило или которыми злоупотребляет".

При этих священных словах МЭРИ, исполненная глубокой любви и благоговения, нежно поцеловала руку своего ребенка - жест, скрепивший интимную связь между ними и подтвердивший ее роль избранного сосуда божественной благодати.

На берегу извилистой реки полуденное солнце отбрасывало теплые золотистые отблески на журчащую воду и мягкий земляной берег. Там, среди журчания текущей воды и отдаленных разговоров деревни, собралась небольшая группа детей разного возраста, которые игриво переговаривались между собой. Их смех смешивался с ритмичным перестуком матерей, занятых работой: они стирали одежду в прохладной прозрачной воде, их руки двигались в практичном танце, который говорил о традициях и заботе.

Среди этих детей трехлетний Иисус выделялся неприметной тишиной. В самый разгар их веселья, когда брызги и радостные крики наполняли воздух, Он внезапно прервал Свою игру. С невозмутимым спокойствием человека, которому далеко за пределами Его нежных лет, Он подошел к

Он опустился на гладкий, нагретый солнцем камень у кромки воды и сел. Один за другим остальные дети оставили свои игры и сгруппировались вокруг Него, устроившись в кругу у Его ног. Их яркие глаза светились любопытством и восхищением, когда они внимательно слушали мягкие, нежные слова, которые лились из уст их маленького учителя.

Иисус говорил простыми словами, но с искренностью, которая не соответствовала Его возрасту, - послание надежды, любви и чуда, которое нашло глубокий отклик в сердцах Его юных слушателей. Он простым, но глубоким языком рассказывал о красоте окружающего их мира, о силе доброты и о том, как делиться радостью даже в самых незначительных жестах. Его слова, нежные и искренние, соткали гобелен понимания, который дошел до каждого жаждущего уха, захватив воображение Его друзей и вдохновив их мечтать о светлом завтра. С небольшого расстояния МЭРИ наблюдала за разворачивающейся сценой. Прислонившись к ближайшему дереву, ее глаза были полны любви, а лицо украшала понимающая улыбка. В этот тихий момент она ощущала неопишемую смесь радости и благоговения, глубокую материнскую гордость за нежную мудрость, которой светился ее ребенок. Когда она наблюдала за простотой и чистотой Его общения с другими детьми, сердце Марии раздувалось от благодарности. Она узнала в Нем искру божественного света, который обещал однажды осветить самые темные уголки мира.

Нежное журчание реки и тихий шелест листвы над головой служили безмятежным фоном для этой интимной сцены детского чуда. В этом спокойном пространстве время, казалось, замедлилось, и каждая деталь - блеск в глазах детей, нежный каданс слов Иисуса и сострадательная улыбка на лице Марии - способствовала моменту совершенной гармонии. Это было простое собрание на берегу реки, но оно несло в себе груз обещаний и надежд, намекая на глубокую судьбу, которая ожидает Богомладенца.

Эта сцена будет повторяться много раз в течение следующих лет, когда МЭРИ будет брать одежду семьи, чтобы постирать ее на реке, а также во время постоянных ритуалов молитвы в их доме.

В тишине их дома воздух был наполнен печалью и священным ожиданием. В маленькой, освещенной солнцем комнате пятилетний Иисус лежал на полу в позе, напоминающей о символизме Креста. Его крошечное тело было бледным, а с чела по лицу медленно стекали бисеринки крови - зрелище, наполнившее комнату глубокой, невыразимой скорбью. Рядом с Ним МЭРИ, сияющая даже в своей скорби, пребывала в состоянии молитвенного экстаза. Подавленная видением боли своего ребенка, она упала на колени и нежно вытерла красные полосы с Его лба. Слезы беззвучно текли по ее щекам, когда она сдерживала раздирающую боль в своем сердце, ее любовь к Нему была нежным бальзамом против зарождающейся печали.

На следующий год шестилетний Иисус пришел к Иосифу в его рабочую комнату. С видом спокойной решимости Иисус сжимал небольшой инструмент, а Иосиф, всегда терпеливый и любящий, направлял его руки, пока они вместе работали над куском дерева. Ритмичный звук их работы сливался с мягкими словами наставления и ободрения, создавая момент интимной связи между отцом и сыном, безмолвный урок ремесла, заботы и красоты творения.

В другой части скромного жилища МЭРИ занималась на кухне. С изящной внимательностью она расставляла тарелки с едой для их полуденной трапезы. Каждый ее жест был пронизан глубоким чувством долга и привязанности, постоянное, заботливое присутствие говорило о любви и преданности, связывающих семью воедино.

С наступлением вечера семья вышла в прохладные сумерки. Выйдя на оживленную улицу, они вместе направились к храму, их смех смешивался со звуками повседневной жизни. Радость от того,

что они вместе, была ощутима, и они шли по улице с легким сердцем и надеждой, как желанная отсрочка от трудностей каждого дня.

В маленькой, простой комнате Иисуса, которому уже исполнилось семь лет, было передано божественное послание. МЭРИ и маленький Иисус внимательно слушали, как нежный, невидимый голос сообщал, что семье пора возвращаться в Назарет. В воздухе витала торжественная решимость: они готовились к следующему этапу своего путешествия, к возвращению домой, которое перекликалось с судьбой и обещанием.

Той ночью, в тихом одиночестве комнаты Джозефа, он тоже получил священное послание. В видении, развернувшемся перед его глазами, он увидел, как его семья собирает свои немногочисленные пожитки и садится на мулов, чтобы однажды снова отправиться в пустыню. Видение, пронизанное божественным смыслом, вскоре стало реальностью, и Святое семейство прибыло в свой дом в Назарете. Там их радушно встретила дорогая двоюродная сестра Марфа, которая взяла на себя управление старым домом, принадлежавшим когда-то родителям Марии.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАЗАРЕТ

Внутри отреставрированного дома распахнулись ставни, и потоки света хлынули внутрь, наполняя жилище теплом и радушием. Марта встретила их с искренней радостью. *"Добро пожаловать домой, дорогие кузины, и посмотрите, ваш сын, Иосиф, я слышала от Элизабет, что его зовут Иисус. Такое милое личико, и если он похож на своего отца, то и характер у него тоже милый!"*

Мэри с благодарностью ответила: *"Большое спасибо тебе, Марта, за то, что ты так хорошо заботишься о бывшем доме моих родителей"*.

Джозеф негромко добавил: *"Да, наша благодарность глубоко прочувствована"*.

В трогательном проявлении юношеской щедрости юный Иисус осторожно развернул небольшой сверток, который нес с собой. Из него он достал двух изящно вырезанных деревянных птиц. С застенчивой улыбкой и дрожащими руками он протянул их Марфе. *"Это тебе, спасибо за заботу о доме моих родителей"*, - сказал Он. Марта изумилась и воскликнула: *"Посмотрите на это! Иосиф, ты стал очень искусным. Это же голуби"*. Иосиф, сверкнув глазами, ответил: *"Они вырезаны не этими руками, а вот этими"*. В этот момент Иосиф шагнул к Иисусу и обхватил его руками, взяв маленькие ручки мальчика в свои и протянув их к Марфе. Тронутый до глубины души этим любящим жестом, Иисус прислонился спиной к Иосифу, и его глаза засияли чистыми, несказанными узами

семьи и веры. В мягком сиянии позднего вечера Иосиф и юный Иисус занялись наведением порядка в деревянном сарае за их скромным домом. Вместе они открыли скрипучие двери и заглянули внутрь, чтобы посмотреть на смесь старых, хорошо изношенных инструментов и новых орудий труда, привезенных из Египта.

С терпеливой заботой они расправили разбросанную утварь и собрали все необходимое для следующего задания - кровати, на которой должен был спать Иисус. Работая бок о бок, отец и сын сделали кровать с простой, любовной точностью. Закончив работу, они попытались занести ее в дом. Под их общий смех кровать оказалась громоздкой и неудобной - она застряла в дверном проеме, и, пока они пытались ее сдвинуть, к их смеху присоединился нежный смех Марии. Когда, наконец, кровать была занесена, Пресвятая Мать попыталась обустроить комнату для Иисуса".

В маленькой комнате Иисуса МЭРИ с тихой преданностью занялась расстановкой мебели. Она поставила маленький столик, табуретку и аккуратно сложенное постельное белье на только что сооруженную кровать. Когда она вышла ненадолго и затем вернулась, то с горьким смехом обнаружила, что все, кроме самой кровати, было случайно оставлено за дверью. Царь царей не торопился испытывать смирение и дискомфорт, свойственные многим детям Божьим.

Позже, светлым утром, Иосиф и Иисус вместе отправились по шумным улицам своей деревни. Толкая крепкую тележку, нагруженную ярмом и тазом, они добрались до дома доброго человека, который восемь лет назад одолжил Иосифу мула. Человек сидел на скрипучем крыльце и приветствовал их добродушной шуткой. *"Ну, я буду! Джозеф, наконец-то ты заплатишь за*

старого мула. Готов поспорить, она умерла быстрее, чем потребовалось для изготовления этих прекрасных изделий из дерева", - поддразнил он. Джозеф с теплой улыбкой ответил: *"Напротив, мой отзывчивый друг, эта скотина прожила почти четыре года"*. Мужчина захихикал, а затем поинтересовался мальчиком, который был рядом с ним. *"И кто же этот прекрасный молодой человек?"*

Иисус, с искренней вежливостью ребенка, в котором уже есть намеки на мудрость, протянул руку и сказал: *"Меня зовут Иисус, я сын этого хорошего плотника. Спасибо, господин, что позволил нам с мамой покататься на твоём муле. Мы проехали много-много лиг, и я даже помог моему отцу сделать этот бассейн. Позвольте мне наполнить его для вас"*. Послушно мальчик побежал к ближайшему колодцу и стал наливать воду в таз.

Добрый человек, наблюдая за работой Иисуса, вздохнул: *"Вам повезло с таким сыном. Мой собственный ребенок очень болен, с каждым днем ему становится все хуже, и, похоже, ничто не может его вылечить"*. Остановившись в своем деле, Иисус поднял голову и со знающим видом подставил руку под струю колодца, чтобы прохладная вода потекла по ней и наполнила таз. Осторожно поднеся таз к порогу дома, он сказал: *"Позволь мне занести это в дом. Вода приятная и холодная, ее можно пить"*. Мужчина ответил с ноткой мягкого юмора: *"Если хочешь, моя жена ухаживает за моим сыном. Ты будешь радовать ее печальные глаза"*.

Внутри дома на раскладушке слабо лежал подросток, а мать бдила у его постели. Иисус отставил таз, заметил на столе деревянную чашку и наполнил ее водой. Опустившись на колени рядом с мальчиком, Он поднес чашку к его губам. После нескольких

глотков мальчик схватил Иисуса за руку, открыл глаза и улыбнулся - хрупкий знак надежды, так как цвет медленно возвращался на его бледное лицо. Иисус нежно поцеловал руку подростка и ушел.

Он вернулся к Иосифу и отцу мальчика, и когда они собрались уходить, мужчина спросил: *"Моя жена приклонила тебе слух? Она рассказала тебе о нашем бедном сыне. Я говорил твоему отцу, что его страдания закончатся не скоро"*. Иисус просто ответил: *"Он выглядел хорошо, когда я предложил ему воды. Он выпил почти целую чашу"*. С этими словами мужчина, все еще немного смущенный, поспешил вернуться в дом, а Иисус улыбнулся его отцу, и они вдвоем зашагали по улице в сторону дома.

Дома, когда годы ткали свой нежный гобелен роста и обучения, Иисус, которому уже исполнилось десять лет, терпеливо сидел, пока МЭРИ с любовью подбирала ему новую пару тканевых покрывал для ног. Она надевала их, снимала, а затем тщательно поправляла, следя за тем, чтобы ее любимый сын не остался бродить босиком по твердой, пыльной земле. *"Сын мой и Господь мой, - мягко, но ласково укоряла МЭРИ, - у Матери твоей не хватит духу позволить тебе ходить босиком по земле в столь юном возрасте; позволь мне, любовь моя, обеспечить их каким-нибудь покрытием"*. Со спокойной мудростью юности Иисус ответил: *"Матушка, я разрешаю лишь слегка прикрыть мои ноги, пока не придет время моей публичной проповеди, а для этого я должен ходить босиком"*. Затем, застенчиво улыбнувшись и с любовью поцеловав ее в щеку, он принял обувь - маленький символ защиты и скромного пути, по которому ему суждено было пройти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ

ПРОПОВЕДЬ В ХРАМЕ

Иисусу уже шел двенадцатый год, и он не был типичным долговязым юношей. Несмотря на свой рост, он был крепким и сильным, несомненно, благодаря ежедневной работе с отцом. Семья присоединилась к оживленной процессии на дороге. Иисус сопровождал свою семью и многочисленных друзей, нагруженных узлами и запряженных телегами, которые направлялись в Иерусалим на праздник Пасхи. Среди праздничных разговоров и бурлящей энергии толпы Иисус спросил: *"Отец, разрешат ли мне в этом году быть с людьми?"* Иосиф ответил со знающей ухмылкой: *"Я бы сказал, что это вполне возможно. А что скажет твоя добрая матушка?"* С озорным блеском в глазах Иисус ответил: *"О, она всегда говорит, что все, что ты скажешь, будет лучше".* Сзади МЭРИ, шедшая с группой женщин, остановилась и ненадолго присоединилась к своей семье.

"Вы оба ходите быстрее, чем все женщины вместе взятые, - мягко поддразнила она, - и поэтому не стоит ли нам выбрать место для встречи после окончания праздника, на случай если мы не покинем город вместе? Разумеется, мой дорогой сын, ты будешь либо с отцом, либо со мной, да?" Иосиф согласился: *"Хорошая идея! Примерно в дне пути за городом есть большое дерево, справа от него - скопление камней. Я укажу его, когда мы подойдем. Там мы и встретимся".*

Когда они продолжили свой путь, на следующий день МЭРИ, прогуливаясь среди других женщин, увидела назначенное место

встречи и помахала Иосифу рукой. Тем временем Иисус, гулявший с группой других детей, обернулся и с восторгом указал на дерево и камень, молчаливо подтверждая планы семьи и радость совместных путешествий.

Перед ними раскинулся город Иерусалим - захватывающая дух панорама древнего величия и священной преданности. Золотистый свет заходящего солнца освещал его возвышающиеся стены и узкие переулки, отбрасывая длинные благоговейные тени на оживленные улицы. Каждый камень, казалось, шептал истории о пророках и королях, а каждый дверной проем гудел отзвуками горячих молитв.

С наступлением сумерек город наполнился жизнью. Величественные фасады храмов светились в сумерках, их возвышающиеся колонны целовали последние уголки дневного света. В одних храмах толпились торжественные бородатые мужчины, их голоса взлетали и падали в ритмичных песнопениях, в других - группы завуалированных женщин, их шепот молитв струился в священном воздухе, как тихая мелодия.

Ближе к вечеру город превратился в пиршество чувств. Теплый, дрожжевой аромат свежеиспеченного пресного хлеба смешивался с богатым, земляным запахом специй и благовонных масел, разносясь по шумным дворам. Семьи собирались под открытым небом, их смех и песни выплескивались на улицы, когда начинался грандиозный праздник-торжество веры и свободы, растянувшееся на семь ночей благоговения, рассказов и радостного веселья.

Из скромных деревень Назарета в самые отдаленные уголки Иудеи приходили паломники, их сердца были охвачены духом преданности и праздника, они танцевали под звездами, когда

священный фестиваль объединял их в нерушимые узы веры и традиций.

В последний день праздника, когда забрезжил первый утренний свет и семьи начали свой путь домой, некогда переполненные улицы постепенно опустели. В редющей толпе глаза Иосифа обшарили знакомое скопление камней и большое дерево, которое было их условленным местом встречи. Он с тревогой оглядывался в поисках Марии и их сына, Иисуса. Вдруг встретился встревоженный взгляд Марии, но она была одна, а Иисуса нигде не было видно. В порыве беспокойства они двинулись среди оставшейся толпы, спрашивая у каждого прохожего, не видел ли он их сына.

"Ты видела Иисуса?" с нежностью спросила МЭРИ у стоящей рядом женщины.

"Да, он очень красив, Мэри. Понравился ли ему праздник?" - тепло ответила женщина.

"Да, я уверена, что он это сделал. С тех пор как мы уехали, видели ли вы или ваши семьи его?" спросила Мэри.

Женщина покачала головой: *"Нет, с недавних пор"*.

Иосиф переходил от одной группы к другой, его взгляд метался по редющей толпе, а затем направился к знакомому дереву, отчаянно надеясь, что мальчик вдруг появится. В конце концов он заметил Марию, которая стояла у дерева с обеспокоенным лицом. Бросившись к ней, он воскликнул: *"Его нигде нет. Я думал, он с вами. Простите меня, я действительно думал, что он с вами"*.

МЭРИ тихо ответила: *"А я думала, что он с тобой. Мы должны немедленно вернуться в Иерусалим"*. С тяжелыми сердцами, но

полные решимости, они поспешно пробирались сквозь уходящую толпу к городу.

Тем временем в Иерусалиме Иисус просил милостыню на людных улицах. Он подошел к сострадательной женщине, которая, тронутая его скромным видом, предложила ему небольшую часть того, что у нее было. Осторожно положив скромный дар в свой ранец, он продолжил путь, обратившись за помощью к нескольким другим людям. Однако он не ел и не украшал себя ничем из предложенного. Когда день перешел в вечер, мальчик направился в ту часть города, где собирались бездомные, чтобы найти приют. Там он со спокойным достоинством опустошил собранную милостыню и щедро разделил ее между нуждающимися.

Позже, когда сумерки превратились в мрачную ночь, Иосиф и МЭРИ вернулись в город, и каждого из них охватило беспокойство. Они решили разделиться, отчаянно пытаясь найти своего пропавшего сына. В момент тихого отчаяния МЭРИ упала на колени в укромном уголке и подняла лицо к небу. *"Почему он скрыт от моего сердца? До этого момента я всегда видела его, даже когда он не был в поле моего зрения. Небесные спутники ведут меня к нему. Укажи мне путь, чтобы я могла бежать к нему и избавиться от этой печали"*, - горячо молилась она. Хотя в ту ночь ей не пришлось видение, боль в ее глазах была такой же ясной, как звезды над головой. С дрожащим вздохом она поднялась с колен и начала быстро двигаться в том направлении, куда подсказывала ей интуиция.

На рассвете следующего утра, когда первые лучи солнца начали прогонять тьму, Иосиф и МЭРИ возобновили свои неистовые поиски. На людных улицах МЭРИ остановила женщину и рассказала о своем пропавшем сыне, та быстро ответила. *"Да, вчера ко мне подошел ребенок с такими глазами и попросил милостыню, -*

тихо добавила она. *Я дала ему немного: ребенок, столь милосердный в своей нужде, трогает мое сердце".*

Когда Иосиф и МЭРИ продолжали свои поиски, люди подтвердили, что многие видели Иисуса. Его снова видели просящим у людей, собирающим то немного, что Он получал, и со спокойной решимостью отдающим это. Днем его заметили в скромной больнице для неимущих, где он ходил среди больных, возлагая свои маленькие руки на страждущих, утешая их и, совершая едва заметные чудеса, вызывая исцеления и легкие выздоровления.

Три долгих дня Иосиф и МЭРИ без отдыха рыскали по городу, не ели и не спали. МЭРИ в своих страданиях в какой-то момент подумала, что Иисус укрылся в пещере Рождества, но ангелы заверили ее, что Он недалеко. Она даже подумала, не странствует ли он вместе с Иоанном в пустыне, но небесные посланники снова опровергли эту мысль. Все это время святая Царица страдала, как и подобает матери - слезы текли свободно, но она никогда не позволяла гневу или горечи омрачить ее дух.

Затем, на третий день, в огромных и гулких залах великого храма развернулась удивительная сцена. Иисус стоял среди ученых мужей, обсуждавших пророчества о грядущем Мессии. Со спокойной уверенностью Он шагнул вперед и присоединился к их кругу. Один за другим ученые мужи, а также многочисленные родители, собравшиеся помочь в поисках, обратили к Нему свои внимательные лица. В благоговении они уселись вокруг него, внимательно слушая проницательность и мягкие аргументы этого юного мудреца. МЭРИ и Иосиф, наконец обнаружив собравшихся, вошли в храм и наблюдали за его последней беседой со

старейшинами. В середине собрания МЭРИ вышла вперед, ее голос был наполнен одновременно печалью и любовью, и сказала: *"Сын, почему Ты так поступил с нами? Мы с твоим отцом искали Тебя с тяжелым сердцем"*.

Иисус, спокойный, но твердый, ответил: *"Зачем ты искал Меня? Разве ты не знаешь, что Я должен делать дело Своего Отца?"*

МЭРИ говорила тихо, ее сердце было тяжелым от переживаний. *"Позволь мне выразить свою скорбь, сын мой, чтобы мое сердце не разорвалось от боли, пока у меня еще есть цель служить Тебе"*. Иисус с глубокой любовью смотрел на Свою мать, давая ей утешение Своим присутствием. Пока не пришло время для Его более великой миссии, Он оставался рядом с ней, направляя и сопровождая ее.

Соединив свои сердца, Святое семейство отправилось в Назарет. Юный Иисус, исполненный смирения и послушания, почитал Своих родителей так, что даже ангелы дивились этому. МЭРИ, благословенная сверх меры, была настолько чиста и добродетельна, что Сын Божий охотно отдал Себя под ее опеку. Под руководством Иосифа она взрастила и воспитала Его как своего собственного, ведя за собой с мудростью и любовью. Стремясь всегда отражать Его доброту, ее глубокая святость коснулась сердца Христа, связав их неразрывной любовью.

Таким образом, посреди древнего великолепия Иерусалима, где вера и праздник наполняли воздух, Святое семейство пережило и радость, и печаль, пройдя путь, отмеченный надеждами, потерями и божественной мудростью. Их история, запечатленная на священных стенах храма, будет жить в сердцах всех, кто однажды услышит ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ИИСУС ОТ ПОДРОСТКА ДО ЧЕЛОВЕКА

В скромном городке Назарете время текло в мягком, безошибочном ритме, отмеченном ростом Иисуса и тихим преображением Его избранных родителей. В те ранние годы в мастерской раздавались звуки пилы и молотка, когда Иисус и Иосиф бок о бок работали над различными плотницкими проектами. Под чутким руководством Иосифа Иисус постигал искусство обработки дерева, его руки становились уверенными и твердыми, когда он вместе с отцом мастерил простые предметы домашнего обихода. Бывали дни, когда Иисус носил большие и тяжелые емкости с водой из общественных фонтанов обратно в их скромный дом - задача, которая не только укрепляла его силы, но и прививала ему дисциплину служения и достоинство тяжелой работы.

Каждый вечер, когда солнце опускалось ниже, МЭРИ и Иисус часто прогуливались по берегу близлежащей реки. В мягком сиянии заката вода переливалась, как жидкое золото, и они разговаривали тихим шепотом - тихое, интимное общение, которое, казалось, проходило между ними так же, как и через мягкую игру света. Дома семья собиралась за трапезой, и скромный стол был местом, где любовь и беседа смешивались со смехом и тихой благодарностью. В более спокойные моменты, когда слов было мало, между Марией и ее сыном возникало едва уловимое сияние - мягкий, мерцающий свет, говорящий о божественном общении, безмолвной передаче надежды и понимания.

В тишине своего личного пространства и Иисус, и МЭРИ искали утешения в молитве. В своей комнате юный Иисус иногда ложился на пол, его тело располагалось в позе, напоминающей крест. В параллельном посвящении МЭРИ тоже опускалась на колени в своей комнате, ее безмолвные мольбы были наполнены материнской любовью и непоколебимой верой в раскрывающуюся тайну жизни.

С годами Иисус превратился в молодого человека, и его детские черты заострились, приобретя спокойную силу зрелого возраста. Его кожа оливкового цвета, загоревшая под иудейским солнцем, носила отпечаток дней, проведенных в трудах, а темные волнистые волосы обрамляли лицо, одновременно нежное и решительное. Его глаза, глубокие и знающие, обладали спокойной силой и отражали мудрость, намного превосходящую его годы.

Каждый день его мозолистые, но крепкие руки умело и целенаправленно обрабатывали древесину, выпоченную ремеслом его земного отца. В его руках была не просто сила, а выносливость, естественный результат работы, требующей терпения и точности. Хотя он двигался со спокойной уверенностью ремесленника, в нем было что-то невысказанное, но неоспоримое: присутствие, которое притягивало других, спокойная уверенность, намекающая на большую цель.

С каждым сезоном на него оседал груз божественной мудрости, проявляясь не в грандиозных жестах, а в мягкой грации его действий и глубине его мыслей. Он трудился, учился, размышлял, и его дух становился все сильнее, готовясь к предстоящему пути.

Тем временем Джозеф начал проявлять неизбежные признаки возраста. Некогда энергичный и неутомимый, он теперь с трудом справлялся с задачами, которые давно стали для него привычными.

Однажды днем, когда он попытался поднять особенно громоздкий кусок дерева, его руки задрожали от усталости. Увидев, что отец оступился, Иисус тут же вмешался, облегчил бремя, сняв тяжесть с ослабевших рук Иосифа и направив его к стоящему рядом табурету. И хотя Иосиф все еще иногда присоединялся к сыну в плотницкой работе, которая определила его жизнь, чаще он сидел и смотрел, его глаза сияли от гордости, когда он видел в Иисусе продолжение священного ремесла и наследие любви.

Время неуклонно шло, пока Иисус не достиг двадцати пяти лет - молодой человек, который теперь носил на себе отпечаток зрелости, как в физическом облике, так и в задумчивых глубинах своего духа. Иосиф, непоколебимый столп семьи, напротив, был близок к смерти; его некогда крепкая фигура была хрупкой и уменьшенной, годы наложили на него свой тихий отпечаток. МЭРИ, которой был сорок один год, оставалась лучезарным сердцем семьи. С момента своего расцвета в тридцать три года она несла в себе неизменную красоту и грацию, которые казались почти вечными, - светлое свидетельство силы и любви матери.

Таким образом, в тихом ритме повседневной жизни Назарета, от гула мастерской и тихого журчания реки до искренних молитв в уединении, течение времени соткало гобелен роста, упорства и тихой трансформации. Дни Святого семейства, наполненные трудом, любовью и потерями, стали свидетельством наследия, которое однажды выйдет далеко за пределы узких улочек их маленького городка, возвещая о возможности искупления и непреходящей силе веры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СМЕРТЬ ИОСИФА

В тихой тишине спальни комнаты Иосифа, когда сумерки сгустились в торжественную ночь, МЭРИ и Иисус стояли вместе в момент, наполненный предчувствием и нежной скорбью. Взгляд Марии, исполненный одновременно печали и непоколебимой веры, упал на ее любимого мужа и земного отца Иосифа, чья жизнь приближалась к своему последнему часу. Голосом, дрожащим от любви и смирения, она тихо обратилась к Иисусу:

"Я вижу, что время кончины Иосифа близко, как Ты и планировал для Своего слуги. Пусть его смерть будет для Тебя так же дорога, как и его жизнь, ведь он был моим мужем и земным отцом, которого Ты решил чтить".

В тихие минуты надвигающейся утраты Иисус ответил с мягкой уверенностью: *"Я помогу ему и назначу ему место среди князей Моего народа, настолько возвышенное, что он станет предметом восхищения ангелов и заставит всех людей вознестись в высшей хвале"*. Его слова, спокойные и в то же время исполненные божественного обещания, словно преодолели пропасть между смертной скорбью и небесной надеждой.

В течение нескольких долгих, полных горечи дней МЭРИ и Иисус оставались рядом с ним, нежно заботясь о нем. В палате, тускло освещенной единственной мерцающей свечой, слышались шепот молитв и тихий шепот прощания. Иосиф, хрупкий, но полный достоинства, нашел в себе силы произнести последние слова.

"Благословенна Ты среди всех женщин и избрана из всех творений. Пусть ангелы и люди из всех поколений приходят, чтобы прославить и возвеличить Твое достоинство. Я надеюсь увидеть славный лик Твой в небесном отечестве".

МЭРИ, со слезами на глазах, нежно взяла его руку и поцеловала ее, словно скрепляя их связь на всю жизнь. Затем, отступив назад с печалью и решимостью, она позволила Иисусу приблизиться. С глубоким чувством любви и сыновнего долга Иисус заключил ослабевшего отца в свои объятия. Когда Иосиф откинул голову, их глаза встретились, и между ними завязался безмолвный разговор о благодарности, надежде и прощении.

Голос Джозефа был слабым, но каждое слово было наполнено глубоким благоговением. *"Прости и благослови раба Твоего, дело рук Твоих. Я воздаю Тебе хвалу и вечную благодарность за то, что Ты избрал меня мужем Твоей Матери. Пусть Твое величие и слава будут моей вечной благодарностью".*

Его голос, пронизанный тихим экстазом, казалось, отдавался эхом в маленькой комнате, когда он отдавался неизбежному.

Иисус, потрясенный до глубины души, говорил с ясностью, которая находила отклик и в смертной любви.

и божественной власти: *"Отец мой, покойся в мире и милости нашего вечного Отца и Меня; а пророкам и святым, ожидающим тебя в лимбе, принеси радостную весть о приближении их искупления".* При этих священных словах все существо Джозефа внезапно охватил великолепный, сияющий свет. Его лицо, некогда испещренное чертами земного труда и нежной любви, теперь сияло экстазом, превосходящим смертную скорбь. В этом ослепительном великолепии дух Иосифа покинул его, оставив после себя тишину,

столь же глубокую, сколь и прекрасную. Иисус с нежной заботой закрыл глаза отца и прижался к его губам мягким поцелуем, а слезы - тихие и непрекращающиеся - свободно текли из глаз Марии и его самого.

И вот, в тихой святости их маленькой палаты в Назарете, наследие Иосифа было оплакано и возвеличено. Его земной уход был не концом, но прелюдией к новой главе - главе, в которой память о нем, подобно нежной путеводной звезде, будет вечно освещать путь веры его любимой семье. МЭРИ, сияющая печалью и благодатью, и Иисус, теперь уже человек, полностью осознающий свою судьбу, продолжали чтить наследие Иосифа каждым актом любви, каждым словом молитвы и каждым смиренным трудом в дни, которые тянулись в вечность.

Так прошла земная жизнь Иосифа, и в последующие годы в Назарете произошли глубокие и преобразующие перемены. Оставшиеся шесть лет МЭРИ и Иисус продолжали жить в спокойном ритме повседневной жизни, каждый день - молитва, каждый миг - акт воспоминания. Их дом, хотя и был тронут горем утраты, сиял неизменным светом веры и тонкой уверенностью в божественном обетовании.

Позже в скромной палате Иисус преклонил колени в искренней молитве перед Марией. Протянув руки в крестном знамении, Он возвысил голос в искренней мольбе:

"О благословенный Крест! Когда же твои руки обнимут меня? Когда я буду покоиться на тебе, мои руки, утыканные гвоздями, будут открыты, чтобы обнять всех грешников? Придите, дети Адама, ибо Я зову вас всех. Я есть путь, истина и жизнь, и Я не отвергну никого, кто ищет Меня. Отец мой вечный, это дела рук

Твоих; не отвергни их. Я принесу Себя в жертву на Кресте, чтобы вернуть им справедливость и свободу. Если они захотят, я приведу их в Твое Небесное Царство, где будет прославлено Твое имя".

Пока Иисус молился, МЭРИ наблюдала за ним с гордостью и болью в сердце. На Его лице снова начали появляться бисеринки крови - напоминание о жертве и печали. На этот раз МЭРИ не стала утирать слезы.

Вместо этого она заговорила мягким, умоляющим голосом, в котором слышалась грусть материнского сердца:

"Дети человеческие, разве вы не видите, как глубоко Господь ценит Свой образ в вас? Если бы я только мог соединить ваши сердца со своими, чтобы вы любили и слушались Его! Блаженны те, кто остается верным своему Отцу и почитается Его десницей. О Вечный Бог, как могут смертные отвернуться от столь совершенной любви? Если бы я только мог отдать свою жизнь, чтобы спасти их от слепоты! Пусть они обращают на меня свою жестокость, оскорбляют и страдают, как хотят, но отдайте моему возлюбленному Господу то, что принадлежит Ему по праву".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

В тихом уединении дровяного сарая Иисус в одиночестве сидел за верстаком, отшлифованным годами честного труда. Внутри помещения витали знакомые запахи свежесрубленного дерева и звон металла от его хорошо отработанных инструментов. Пылинки плясали в косых лучах солнечного света, проникавшего через маленькое окошко. Его руки, твердые и целеустремленные, вырезали на древесине кедра замысловатые узоры, ведя молчаливый разговор с ремеслом и своей собственной зарождающейся судьбой.

В этот момент тяжелую тишину сосредоточенной работы нарушил тихий скрип двери сарая. Вошла Мэри, ее лицо сияло одновременно материнской любовью и тихой гордостью. В руке она держала один-единственный, идеально спелый плод - яркое яблоко, которое в приглушенном свете сияло как драгоценный камень. С нежной улыбкой она подошла к сыну и аккуратно положила фрукт на потертый верстак рядом с ним. *"Ешь, сын мой"*, - прошептала она, ее голос был теплым и нежным, как угасающий солнечный свет. На мгновение он замер, глядя в заботливые глаза матери, и между ними произошел молчаливый обмен любовью, прежде чем он протянул руку и принял подношение.

День медленно переходил в золотистые оттенки позднего вечера, и теперь Иисус в одиночестве шел по берегу тихо текущей реки. Его шаги следовали по мягкой, извилистой тропинке рядом с мерцающим течением. Погруженный в раздумья, он медленно шел, каждый шаг был размеренным, словно размышляя о тайнах жизни. В конце концов он наткнулся на почтенное старое дерево, стоящее в

тихом одиночестве. Прислонившись к его шершавой коре, позволил себе немного поразмыслить. Тихое журчание воды и шепот листьев создавали мирную симфонию, и в этой спокойной паузе, закрыв глаза, он погрузился в свой внутренний мир, размышляя о надежде, о долге и о судьбе, которая ждет его впереди.

Позже, в гостеприимных объятиях своего скромного дома, МЭРИ и Иисус собрались за простым деревянным столом. Комната была мягко освещена мягким светом масляных ламп, их свет плясал на потертых поверхностях и отбрасывал длинные, успокаивающие тени. Скромная трапеза была приготовлена с особой тщательностью: скромное ассорти из хлеба, свежих овощей и небольшого блюда с тушеной чечевицей. Пока они делили еду, в их разговоре чувствовалась тихая интимность. МЭРИ с нежностью слушала, как ее сын пересказывает мысли, которые приходили ему в голову на берегу реки; его слова, наполненные удивлением и тонким ощущением божественного замысла, смешивались с ее собственным тихим шепотом ободрения и размышлений.

В перерывах между укусами и общими улыбками между ними возникала тихая, светящаяся связь, негласное общение, говорящее о любви, обучении и раскрытии высшего замысла.

Повествование об их днях продолжало выходить за пределы их дома. В маленькой, переполненной людьми комнате деревенской клиники МЭРИ и Иисус вновь предстали вместе, на этот раз в служении другим. Они тихо двигались среди больных, предлагая нежную заботу и сострадательные слова. МЭРИ своим исцеляющим прикосновением и теплым присутствием успокаивала страждущих, а Иисус, Его глаза светились сочувствием и спокойным авторитетом, помогал заживлять и перевязывать раны и утешать больных. Их совместные усилия наполнили скромное помещение надеждой, и соседи, и незнакомцы находили утешение в их доброте.

Тихий шелест их молитв и нежное служение свидетельствовали о неизменном духе любви и служения, который всегда определял их жизнь.

Таким образом, от уединенной работы по резьбе в дровяном сарае до задумчивых прогулок вдоль реки, от разделения простой трапезы до ухода за больными в деревне - течение времени в Назарете было отмечено моментами тихой благодати и глубокой значимости.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЖЕРТВА МАТЕРИ

В тихом уединении своей личной комнаты МЭРИ стояла на коленях в искренней молитве, ее лицо освещалось мягким светом единственной свечи. В комнате царила тишина, и только ровное биение ее сердца и легкий шелест одежды были слышны. Внезапно в самый разгар молитвы в воздухе раздался голос, ясный и властный, как сам рассвет:

"МЭРИ, Дочь Моя и Супруга, настало время принести Мне в жертву Сына Твоего Единородного".

В этот момент глаза Марии расширились от внезапной, сильной боли - не просто плотской, а глубокой, душераздирающей скорби. В одно мгновение ее захлестнули воспоминания и видения: она увидела, как будто перед ее глазами, торжественное представление ее новорожденного в храме, вид священника Симеона, поднимающего ее драгоценное дитя, и преследующее ее видение сына на кресте. Эти образы, одновременно прекрасные и мучительные, сошлись в ее сердце.

Дрожащим голосом и с глазами, полными слез, МЭРИ ответила: *"Что я могу предложить Тебе, Всевышний, что уже не принадлежит Тебе? Я признаю, мой Царь, что Ты сформировал Его в моем чреве и оказал мне честь принести Его в мир, кормить и защищать от суровости жизни. От Него я получила неизмеримые благословения, Он - сила моей силы, суть моей души, сама радость моего существования.*

Отдать Моего Сына в угоду жестоким врагам - величайшая жертва, скорбь, не поддающаяся описанию. Но пусть это будет не

моя воля, а Твоя. Пусть человечество будет искуплено, пусть Твоя безграничная любовь будет явлена, и пусть Твое имя будет прославлено среди всего творения. Прежде всего, я отдаю Его в Твои руки, чтобы Он заплатил долг, сделанный не Им самим, а детьми Адама, и чтобы в Своей смерти Он исполнил все, что предсказали святые пророки, вдохновленные Тобой".

Наступила глубокая тишина, как будто сам воздух ожидал ответа Бога. Затем вновь зазвучал голос, мягкий и в то же время властный:

"Твоя жертва - самая великая и самая приемлемая из всех, что были принесены и приняты с момента сотворения мира; и никакая другая, кроме жертвы Нашего Сына, не будет известна до конца времен. За это, Возлюбленный Мой, ты будешь вознагражден".

В тот же миг, словно в ответ на божественное провозглашение, перед убитой горем Марией возник огромный шар мерцающего света. Сияние росло, окутывая ее своим теплом и ясностью, и внутри него развернулось видение, взгляд в будущее, столь далекое, но столь определенное. Перед ее глазами предстала обновленная Земля, отвоеванная и преображенная по велению Бога: кристально чистые воды текли свободно, а земля не была заселена горем. Животные бродили в радостном изобилии, а птицы парили в безоблачном и голубом небе. По мере приближения видения МЭРИ увидела тысячи и тысячи детей - всех форм, размеров и цветов - одетых в светлые, бледные одеяния различных оттенков. Среди них двигались взрослые, молодые и старые, объединенные своим счастьем. Нежный смех детей наполнил воздух, когда они окружили фигуру, облаченную в блестящие белые одежды, само присутствие которой излучало мерцающий, трансцендентный свет. Образуя большой круг жизни и единства, они олицетворяли мир и любовь. Затем, словно признавая ее взгляд, центральная фигура подняла

голову, посмотрела прямо на Марию и улыбнулась - улыбкой, в которой безошибочно угадывалась нежная, любящая улыбка ее драгоценного сына, Иисуса.

Видение, хотя и было кратким, глубоко тронуло сердце Марии, смягчив ее всепоглощающую скорбь и подарив ей божественный покой. Ее израненная поза слегка выпрямилась, и она надолго закрыла глаза, впитывая обещание искупления и будущей радости.

День становился все более мрачным, приближалось время прощания. В тусклом свете раннего вечера Иисус, теперь уже человек с мягкой решимостью, стоял перед Марией. Его глаза, полные спокойной решимости и сострадания, встретились с ее глазами. Он мягко произнес:

"Наше время отдыха закончилось. Я должен покинуть твое любящее присутствие и начать работу по искуплению человека - миссию, которую ты впервые начал. Хотя теперь я иду по этому пути один, я всегда буду полагаться на тебя как на своего спутника и помощника в подготовке к моим страстям и смерти на кресте. Мое благословение, моя любовь и моя защита останутся с тобой до моего возвращения".

Произнеся эти торжественные слова, Иисус шагнул вперед и обнял Свою Мать. МЭРИ, переполненная горем и гордостью, упала перед Ним на колени. Ее голос, дрожащий, но решительный, нарушил тишину:

"Господь мой, Ты воистину мой Сын. Я бы счел свою собственную жизнь ничтожной, если бы она могла спасти Твою, я бы снова и снова отдавал ее за Тебя. И все же я с готовностью приношу своего Сына в жертву ради исполнения Твоей воли. С

радостным и скорбным сердцем я прошу Тебя позволить мне разделить с Тобой труд и бремя Твоего Креста".

В этот знаменательный момент МЭРИ подала Ему ранец, который она с любовью приготовила. Но Иисус, сделав нежный, но решительный жест, покачал головой и не взял его. Перед Ним лежал Его путь, и хотя Он дорожил присутствием Своей матери, Он знал, что пришло время уходить. Обнявшись напоследок, Иисус вышел из дома. Когда за Ним тихо закрылась дверь, МЭРИ прислонилась к ней, ее лицо выражало искреннюю печаль, а по щекам беззвучно текли слезы. В тихой святости комнаты Марии , где божественное встретилось с человеческим горем, жертва матери была принесена одновременно с горем и непоколебимой верой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

КРЕЩЕНИЕ ИИСУСА

На сверкающих берегах реки Иордан свет раннего утра плясал на нежной ряби, когда Иоанн Креститель совершал священный обряд крещения. Облаченный в грубую одежду и излучающий горячую, дикую благодать, Иоанн погрузил руки в прохладную, текущую воду и осторожно помазал Иисуса торжественным благословением. Шум воды смешался с тихим шелестом молитвы, и когда ритуал достиг своей глубокой кульминации, произошло нечто чудесное.

В этот тихий, священный момент с небес спустилась яркая полоса света. Сияющий луч принял изящную форму голубя, безмятежно парящего над головой Иисуса, божественного символа мира и Святого Духа. Сияние голубя омывало сцену неземным великолепием, являясь безошибочным знаком Божьей благосклонности и исполнением древнего пророчества. Каждый зритель должен был ощутить благоговейный трепет этого момента, ведь сама природа свидетельствовала о святости этого события.

За много миль отсюда, на знакомых, омытых солнцем улицах Назарета, МЭРИ погрузилась в задумчивость. В этот самый момент перед ее мысленным взором возник яркий образ того божественного явления, светлой полосы, изящного голубя, спускающегося над ее Сыном. В ее сердце, словно распутившийся цветок, вспыхнула радость. Широкая улыбка расплылась по ее лицу, смягчая каждую черту лучезарной материнской гордостью. Глубокий, удовлетворенный вздох вырвался из ее уст, словно вся тяжесть мира была снята уверенностью в присутствии Бога. Ее шаг стал легким и бодрым, когда она шла по пыльной тропинке, держа в руках кувшин с водой из деревенского фонтана - простое, но заветное напоминание о необходимой благодати жизни.

В этот миг мир Назарета словно преобразился: священная красота крещения на реке Иордан и нежная, радостная реакция матери сплелись в единый, неподвластный времени миг. Внутреннее видение Марии, наполненное надеждой и

божественным утверждением, резонировало с простым, непризносимым языком любви и веры. Словно в этот момент сами небеса улыбнулись ей и благословили ее путешествие, заверив, что свет Божий всегда будет сопровождать и ее, и ее Сына.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ИСКУШЕНИЕ ИИСУСА

Под палящим солнцем, в бесконечной, безлюдной пустыне, Иисус шел один, Его силуэт выделялся на фоне золотых песков. Каждый шаг вдавливался в землю со спокойной решимостью, на Его плечах лежала тяжесть Его миссии. Пустыня простиралась бесконечно во все стороны, ее безмолвие было огромным и непреклонным, окутывая Его, как торжественная завеса. Лишь слабый хруст пересыпающихся зерен под ногами да тихое дыхание ветра нарушали тишину.

Неумолимое солнце бросало яростный отблеск на Его лицо, подчеркивая спокойную силу в Его глазах, огонь не страдания, а непоколебимой цели. Хотя голод грыз Его тело, Его дух был непоколебим. Здесь, в уединении пустыни, где земля встречалась с небесами в сыром, бескрайнем пространстве, Он готовился к грядущим испытаниям, принимая и тишину, и борьбу с верой, которая не дрогнет.

Тем временем в прохладное святилище оратории Марии, маленькую скромную комнату, наполненную ароматом ладана и тихим шелестом молитвы, Она вошла с тем же благоговением и торжественностью, которые всегда отличали ее преданность. Когда она ступила на истертый каменный пол, ее глаза встретились с глазами ее Сына, и они вместе приняли молитвенную позу, двигаясь в гармоничном единстве, словно ведомые единым божественным духом. Снаружи небо пустыни свидетельствовало о течении времени: солнце восходило и заходило тридцать пять раз, и каждый цикл был молчаливым свидетельством их совместного бдения.

Затем, внезапно и резко контрастируя с безмятежной дисциплиной их поста, небеса потемнели от зловещего присутствия. С бескрайних просторов перед Христом предстал Люцифер в облике человека, темная, соблазнительная фигура, которая несла с собой обещание земных наслаждений. С издевательской ухмылкой Люцифер насмехался: *"Если Ты Сын Божий, то вели этим камням*

сделаться хлебами". В его голосе звучало презрение, когда он предлагал еду и питье, искушая Иисуса отказаться от духовного голода.

Иисус, непоколебимый в Своей решимости, спокойно ответил: *"Не хлебом единым жив человек..."* Его слова оборвались, и в тишине оратории Марии ее нежный голос завершил мысль с благоговением, которое резонировало в священном пространстве: *"...но всяким словом, исходящим из уст Божиих"*. В этот момент Мать и Сын подтвердили свою приверженность Божественной истине, их единые голоса противостояли тьме.

Прошло время, и Марии было дано мощное видение, предвещающее следующую битву между ее Сыном и силами зла. В нем она увидела, как Иисус позволил Люциферу и его демонам перенести Себя в Иерусалим. Там они поместили Его на самое высокое место в храме, положив начало великому духовному противостоянию.

Среди суматохи голоса Иисуса и Марии возвысились в единстве: *"Отец, я встречаюсь с врагом, чтобы сломить его силу и смирить его гордыню ради душ, которые я люблю"*. Их слова, исполненные силы и любви, прозвучали как священный гимн, возвещая о предстоящей битве.

В суровом свете пустыни, так же стремительно, как и в храме, Иисус был перенесен Люцифером и его демонами на вершину высокой горы. Борьба была ощутимой - силы тьмы пытались утвердить свое господство, но среди всего этого шума Люцифер прорычал: *"Все эти земли я отдам тебе, если ты падешь ниц и поклонись мне"*. В этот момент раздался твердый голос Марии, ясный и непреклонный: *"Вы не можете отдать то, что создал один Бог"*. Звук ее воззвания поразил Люцифера, пробившись сквозь шум злобных сил.

С властью и ясностью Иисус провозгласил: *"Отойди, сатана, ибо написано..."* И тут же МЭРИ и Иисус в унисон провозгласили: *"Господу Богу поклоняйтесь и только Ему служите!"* Их голоса, решительные и победоносные, разнеслись по бесплодной вершине горы. В тот миг сила их веры оказалась непреодолимой. Люцифер и

его демоны были низвергнуты в глубочайшую бездну Ада, их темные формы были раздавлены и погребены в неподатливых пещерах, оставаясь неподвижными в течение трех долгих безмолвных дней.

Когда пыль битвы осела, сцена перетекла в теплый, мирный свет оратории Марии. Там, в тишине после победы, МЭРИ начала слагать гимны хвалы и славы, ее перо танцевало по пергаменту, когда она записывала триумф своего Сына над силами тьмы. В соседнем святилище Иисус вместе со множеством ангелов пел триумфальные песни, мелодии надежды и освобождения, которые возносились к небесам, повторяя вечное обещание, которое могло дать только божество.

Так, в суровом одиночестве пустыни и священной близости молитвы, была разыграна и выиграна битва между светом и тьмой. В единстве своих сердец и силе своей веры МЭРИ и Иисус продемонстрировали, что никакая сила не может одолеть непреходящую любовь Бога, и эта истина будет звучать в вечности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

УЧЕНИКИ ХРИСТА

Сбор учеников начался светлым утром у реки Иордан, куда вернулся Иисус и был встречен Иоанном Крестителем. Стоя у кромки воды, Иоанн крестил толпу верующих душ, когда его глаза поднялись, и вдалеке он увидел приближающегося Иисуса. С благоговением и пылом Иоанн провозгласил: *"Вот Агнец Божий; вот Тот, Кто берет на Себя грехи мира"*. Когда Иисус приблизился и прошел мимо, небольшая группа людей, привлеченная магнетизмом Его присутствия, начала следовать за Ним, идя в тихом, решительном строю позади и рядом со своим новым Учителем.

Началось все с Иоанна и его брата Андрея, затем последовали Петр и Филипп, а потом Натаниэль и другие. Эти первые последователи, исполненные глубокой тоски, умоляли Господа о чести встретиться с Его Матерью. В своем сердце Пресвятая Мать, уже зная об этой судьбоносной встрече, начала готовить Свой дом к приходу гостей, обустривая пространство и собирая то небольшое, что могла предложить в качестве гостеприимства.

В скромном интерьере своего дома МЭРИ занялась приготовлениями. Она с нежностью готовила еду и устраивала простые кровати для гостей, которые должны были вскоре прибыть. Когда группа наконец подошла, МЭРИ открыла дверь с нежной улыбкой и спокойным достоинством. Когда мужчины вошли внутрь, их голоса были низкими от благоговения, МЭРИ упала на колени перед Иисусом и поцеловала Его руку - жест глубокого смирения и любви. Иисус, в свою очередь, взял ее за руку и помог подняться, как бы напоминая ей, что даже в своем служении она была Его постоянной спутницей и силой. Ведь когда смиренная и благословенная Царица служила Своему Сыну, Она проявляла величайшее благоговение, наставляя собравшихся апостолов в

величии их Учителя и Искупителя и обучая их великим доктринам христианской веры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ПУБЛИЧНЫЕ ЧУДЕСА ХРИСТА

Публичные чудеса, предназначенные для этого, должны были стать гибелью нашего возлюбленного Христа. Именно это привлекло внимание тех, кто призывал к его смерти.

Свадьба в Кане была радостным событием, праздником любви и единства, на котором присутствовали семья, друзья и жители деревни. Среди гостей были Иисус, Его мать МЭРИ и ученики.

Во время праздника возникла проблема, которая грозила обернуться конфузом для хозяев: закончилось вино. Заметив затруднительное положение, МЭРИ подошла к Иисусу с тихой, но настоятельной просьбой: *"У них нет больше вина"*. Иисус ответил: *"Женщина, зачем ты влечешь Меня? Мой час еще не настал"*. Но МЭРИ, непоколебимо веря в своего Сына, обратилась к слугам и велела им: *"Делайте все, что Он скажет вам"*.

Затем Иисус велел слугам наполнить водой шесть каменных кувшинов, каждый из которых мог вместить от двадцати до тридцати галлонов. Когда они это сделали, Он сказал им: *"Теперь вычерпайте немного и отнесите хозяину пира"*. Слуги повиновались, и когда хозяин пира попробовал набранное, он был поражен. Вода превратилась в прекрасное вино.

Не подозревая о только что произошедшем чуде, хозяин пира позвал жениха и заметил: *"Все сначала выносят отборное вино, а потом, когда гости перепьют, - более дешевое, но ты поберег лучшее до сих пор"*.

Свадьба в Кане свидетельствует об обильной благодати и обеспечении Христа, демонстрируя, что Он превращает обычное в необыкновенное благодаря Своему Божественному присутствию.

Однажды, когда Иисус шел из города, за Ним устремилась большая толпа. Они видели, как Он исцеляет больных, слышали Его слова истины и благодати, и хотели услышать больше. Жажда Его

учения привела их в отдаленное место у Галилейского моря. Когда солнце начало садиться, более пяти тысяч мужчин, женщин и детей поняли, что им нечего есть.

Видя это, Иисус, исполненный сострадания, обратился к Своему ученику Филиппу и спросил: *"Где нам купить хлеба для этих людей?"* Филипп, глядя на огромную толпу, был ошеломлен. *"Даже восьмимесячного жалованья не хватит, чтобы у каждого было понемногу"*, - ответил он. Тогда Андрей, другой ученик, нерешительно произнес. *"Здесь есть мальчик с пятью ячменными хлебами и двумя маленькими рыбками, но что это для стольких людей?"*

Иисус улыбнулся и сказал: *"Пусть люди сядут"*. Ученики усадили народ на травянистом склоне холма. Затем Иисус взял пять хлебов и две рыбы, поднял глаза к небу и поблагодарил. Он разломил хлеб и рыбу и раздал их ученикам.

Когда еду передавали от одного человека к другому, происходило чудо: хлеб и рыба никогда не кончались. Сколько бы рук ни протягивали, всегда находилось, что дать. Люди ели до тех пор, пока не насытились. Когда все закончили, Иисус сказал Своим ученикам: *"Соберите остатки так, чтобы ничего не пропало даром"*. Они собрали двенадцать корзин с остатками хлеба и рыбы.

Толпа была поражена и перешептывалась между собой: *"Конечно, это Пророк, которому было обещано прийти!"*

Это чудо не просто накормило голодных, оно стало знаком силы Иисуса обеспечивать, умножать и поддерживать. Он взял небольшую жертву и превратил ее в обильный пир, как впоследствии Он предложит Себя в качестве Хлеба жизни для всех, кто верит в Него. Накормление пяти тысяч человек показало безграничную щедрость Бога, Который питает и тело, и душу.

Город Вифания тихо лежал в лучах полуденного солнца, его жители не подозревали, что вскоре должно произойти великое чудо. Лазарь, брат Марии и Марфы, был мертв уже четыре дня, замурованный в гробнице тяжелым камнем. Сестры послали весть

Иисусу, надеясь, что Он придет вовремя и спасет его, но Иисус ждал еще два дня, прежде чем начать Свой путь.

Его ученики были озадачены задержкой. *"Господи, если Он болен, разве мы не должны пойти к Нему?"* - спросили они.

Иисус ответил: *"Эта болезнь не закончится смертью, но прославит Бога. Лазарь уснул, и Я должен разбудить его"*.

Не понимая, ученики колебались, пока Иисус не сказал им прямо: *"Лазарь умер. И ради вас я рад, что меня там не было, чтобы вы поверили. Пойдемте к нему"*.

К тому времени, когда они добрались до Вифании, город был в трауре. Друзья и родственники собрались, чтобы утешить убитых горем Марию и Марфу. Когда Марфа услышала, что пришел Иисус, она выбежала навстречу Ему, и слезы текли по ее лицу.

"Господи, если бы Ты был здесь, мой брат не умер бы. Но даже сейчас я знаю, что Бог исполнит любую Твою просьбу".

Иисус смотрел на нее с глубоким состраданием. *"Твой брат воскреснет"*.

Марта, подумав, что Он имеет в виду воскресение в конце времен, кивнула. *"Я знаю, что Он воскреснет в воскресении"*.

Затем Иисус произнес слова, которые эхом пронеслись сквозь время: *"Я есмь воскресение и жизнь. Верующий в Меня будет жить, хотя и умрет. Верите ли вы в это?"*

Огорченная Марфа сказала: *"Да, Господи, я верю, что Ты - Христос, Сын Божий"*.

Вскоре к Иисусу подошла ее сестра МЭРИ и припала к Его ногам. Ее голос дрожал от горя. *"Господи, если бы Ты был здесь, мой брат не умер бы"*.

Видя скорбь Марии и окружающих ее людей, Иисус заплакал.

Он подошел к гробнице Лазаря, где в воздухе висела тяжесть момента. *"Отвалите камень"*, - приказал Он.

Марта заколебалась. *"Господи, он мертв уже четыре дня. Запах будет сильным".*

Иисус мягко напомнил ей: *"Не говорил ли Я тебе, что если будешь веровать, то увидишь славу Божию?"*

По Его слову камень был отвален. Толпа стояла молча, их сердца колотились в предвкушении. Иисус поднял глаза к небу.

"Отец, я благодарю Тебя за то, что Ты услышал Меня. Я говорю это, чтобы стоящие здесь поверили, что Ты послал Меня".

Затем, голосом божественной власти, Он воскликнул: *"Лазарь, выйди!"*

В толпе воцарилась тишина. Затем из темноты гробницы появился Лазарь, все еще завернутый в погребальные пелены, но живой.

По толпе пронеслись возгласы и крики изумления. Некоторые падали на колени, другие шептали в благоговении.

Иисус обратился к ним и сказал: *"Развяжите его и отпустите".*

МЭРИ и Марфа бросились вперед, обнимая брата в слезливой радости. Шепот удивления перешел в крики хвалы, ведь они стали свидетелями чуда, не похожего ни на одно другое. Но не все радовались. Весть о случившемся быстро дошла до фарисеев и религиозных лидеров. Их благоговение переросло в страх, и с этого момента они стали замышлять лишить Иисуса жизни, не зная, что Он властен даже над самой смертью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

РАСТУЩЕЕ СЛУЖЕНИЕ

По мере того, как Иисус продолжал Свои учения, толпы людей становились все больше. Многие шли за Ним не только ради Его чудес, но и ради истины и благодати в Его словах. Среди них были женщины, исцеленные от болезней и освобожденные от бесовской одержимости, которые стояли в благоговении перед Иисусом и Его Матерью.

Однажды вечером МЭРИ в сопровождении Петра и Иоанна несла тяжелые сосуды к городскому колодцу. Позже, когда они разделили простую трапезу, МЭРИ заговорила тихо, ее слова были наполнены мудростью. Ученики внимательно слушали ее наставления. Все, кроме одного, обратились за советом к Царице и Ее Сыну.

Да, один из них боролся. Хотя Иуда последовал за Иисусом, его гордость противилась благодати. Несмотря на особую доброту Марии и ее

Сын, он ворчал и пытался поставить себя выше других.

Однажды ночью МЭРИ подошла к Иуде, осторожно взяла его руки в свои и нежно поцеловала их. Ее голос был мягким и наполненным любовью. *"Подумай хорошенько о своих намерениях, мой дорогой. Ты будешь колебаться, но Мой Сын всегда предложит тебе милость, если ты готов ее принять"*.

Но сердце Иуды ожесточилось. Позже, разочаровавшись, он обратился за заверением к Иисусу, преклонив перед Ним колени. Иисус посмотрел на него с печальным пониманием. *"Знаешь ли ты,*

чего ищешь? Не гонись за почестями, которые могут привести тебя к гибели".

Иуда настаивал: *"Учитель, я хочу служить Тебе, ибо я более пригоден, чем другие"*. И на этом его судьба была предрешена, ибо в то время, как многие приняли свет, его сердце обратилось к предательству.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Перед Своими страстями Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна на высокую гору. Когда они достигли вершины, воздух стал неподвижным. Перед их глазами возникли две великие фигуры - Моисей и Илия.

Затем произошло нечто еще более необычное. Сама МЭРИ была перенесена ангелами на вершину горы, влекомая небесным зовом.

В захватывающем видении МЭРИ увидела, как ее Сын преобразился на ее глазах. Его лицо сияло как солнце, одежды стали ослепительно белыми, а все Его существо излучало божественную славу. Это был проблеск Его истинной природы, откровение о том, что Он не просто человек, но Сам Бог.

Ученики упали на землю в благоговейном страхе, не в силах смотреть на сияние, стоявшее перед ними. И как только этот момент угас, голос с небес провозгласил:

"Это Мой возлюбленный Сын. Слушайте Его".

МЭРИ наблюдала за происходящим, и сердце ее разрывалось от радости и печали. Она знала, что этот проблеск Его Божественной славы был предвестием, ведь прежде чем одержать окончательную победу, Ему предстоит пройти путь страданий.

Время приближалось. Дни тихих учений и маленьких чудес угасали. Скоро мир станет свидетелем величайшей жертвы из всех.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ОДНА

ПОСЛЕДНИЙ УЖИН

Ранним утром в скромный интерьер их жилища в Назарете проникло нежное сияние восхода солнца, которое было в четверг утром, в день Тайной вечери. Иисус и МЭРИ сидели наедине, охваченные торжественной близостью, которая была одновременно радостной и душераздирающей. Когда МЭРИ, охваченная эмоциями, начала падать на колени перед Сыном, Иисус мягко остановил ее и поднял на ноги. Мягким, нежным тоном Он сказал: *"Мать, пришел час, назначенный Моим Отцом. Он послал Меня на страдания, чтобы Я мог спасти погибших детей Адама. Теперь ты должна добровольно принести Меня в жертву, ибо именно этого Я прошу от тебя. Благослови Меня на страдания и смерть"*.

Горе Марии было ощутимым: слезы текли по ее лицу, а ее поза говорила о глубоком, ноющем желании упасть к ногам Сына. Однако Его твердая и сострадательная поддержка поддерживала ее в вертикальном положении. Дрожащим от горя и любви голосом она ответила: *"Господи, Боже мой и Создатель всех, хотя Ты Сын моего чрева, я Твоя смиренная служанка. Самая большая жертва, которую я несу, - это то, что я не могу умереть вместе с Тобой. Мое единственное утешение - знать, что Твои страдания принесут спасение человечеству. Я прошу лишь об одном: позволь мне быть Твоим учеником и спутником, разделяя Твои страсти и Крест, чтобы вечный Отец мог принять жертву Твоей Матери наряду с Твоей"*.

Поэтому, по Ее просьбе и милостивому согласию Господа, Царица Небесная стала Со искупительницей во имя спасения

человечества. И с этими священными словами момент был запечатлен.

В тот вечер в одной из комнат Иерусалима Иисус сидел в центре среди Своих апостолов. Он поставил перед Собой потир и тарелку. Затем Он призвал пресный хлеб и вино и с торжественным благоговением налил вино в потир.

Христос взял в Свои преподобные руки хлеб и потир. Он внутренне просил разрешения и содействия Вечного Отца, чтобы Он присутствовал в обоих в виде Своего Тела и Крови.

Во время этой священной церемонии слева от Христа появились духи Еноха и Илии, и их присутствие свидетельствовало о божественном значении момента. Позади Иисуса стоял ангел Гавриил, его облик сиял небесным светом. Справа от Сына присутствовала МЭРИ, окруженная своими ангелами, на ее лице отражалась скорбь и глубокое понимание.

Иисус поднял руки, высоко держа хлеб и потир, Его глаза были подняты к небу с выражением божественного величия. Лучезарный свет окружил хлеб и потир, преображая их силой Его благословения. Он опустил дары и глубоко преклонил колени, вознося благодарность Богу за Его благосклонность.

МЭРИ и другие патриархи понимали, что в хлебе было Его тело, а в вине - Его кровь. Благодаря соединению Его души с Его телом и кровью, живой Христос действительно присутствовал. В этот момент Отец, Сын и Святой Дух соединились, и Святая Евхаристия вместила в себя совершенное человечество Господа вместе с присутствием трех Божественных Лиц Божества.

Иисус отломил кусок хлеба и съел его, а затем выпил из потира. Отломив еще один кусок, он передал его Гавриилу, который вручил его Пресвятой Матери. МЭРИ приняла его с благоговением, и он был положен ей на грудь, над сердцем, где и останется до воскресения. Затем Иисус причастил Еноха и Илию, которые склонились перед Ним, прежде чем испариться в небытие, их лица были полны удивления и благодарности. Когда причастие было передано апостолам и другим ученикам, Иисус произнес священные слова:

"Примите и ешьте; сие есть Тело Мое, которое за вас предается. Сие творите в воспоминание обо Мне".

Затем, взяв потир, Он сказал,

"Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя, Кровь нового и вечного завета, за многих изливаемая во оставление грехов".

Один за другим апостолы и ученики принимали Святую Евхаристию, их сердца были наполнены благоговением и удивлением. Они причастились первого таинства нового завета, хотя еще не до конца понимали его значение.

На исходе вечера Иисус и Его последователи встали и начали торжественную прогулку в Гефсиманский сад, где должна была начаться ночь скорби.

В это время Иуда покинул Иисуса и апостолов и неосознанно встретился с Люцифером. Люцифер превратился в человека, знакомого Иуде, и его голос был наполнен странным беспокойством. *"Иуда, - сказал он почти умоляющим тоном, - я еще раз говорю, что, по-моему, Его деяния не так уж злы, как о них*

говорят. Ты ведь не можешь так сильно хотеть получить монету?"

Лицо Иуды ожесточилось, голос стал горьким. *"Ты говоришь это сейчас, ты, который все это время донимал меня. Значит, смерть не подходит Ему?"*

Выражение лица Люцифера стало озабоченным. *"Он может освободить Себя, когда закован в цепи. Мы с тобой оба видели Его чудеса! Что же тогда будет с тобой, который Его сковал?"*

Иуда оттолкнул его, его решимость была непоколебима. *"А ты нет?"* - ответил он, продолжая идти к дому священника. Люцифер, явившийся в своем истинном облике, исчез, его страх стал осязаемым.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГОРЕ МЭРИ

В кувуклии собрались МЭРИ и святые женщины, которые следовали за Иисусом почти три года, включая Марию Магдалину, Марфу и ее сестру Марию. В тот момент, когда Христос был перевернут, МЭРИ открыла им свое горе. *"Душа моя скорбит, - сказала она дрожащим голосом, - потому что Сыну моему возлюбленному предстоит страдать и умереть, а мне не позволено страдать и умереть от Его мук. Молитесь, друзья мои, чтобы вас не одолело искушение"*.

МЭРИ покидала их на короткие промежутки времени, удаляясь в свои личные покои. Там она плакала в одиночестве, страдая так сильно, что на ее лбу выступили бисеринки крови. К ней явился архангел Гавриил, и его присутствие утешило ее. *"Успокойся, моя королева, - мягко сказал он. "Твой верный слуга Михаил рядом с твоим возлюбленным Сыном, когда Он молится в одиночестве в саду"*.

МЭРИ кивнула, ее голос был наполнен печалью. *"Я вижу это, Гавриил. Как и то, что скоро мой возлюбленный будет отдан через поцелуй"*.

В доме первосвященника Анны Иисус был крепко связан, на Его руки сзади надели цепи. Его окружили солдаты, а также Люцифер и его демоны, принявшие человеческий облик, чтобы провоцировать и подстрекать толпу. Они наносили Ему множество ударов, их жестокость была неослабевающей. Звуки Его приглушенных криков эхом разносились по комнате.

В кувуклии МЭРИ лежала, распростершись на земле, и открыто плакала, обращаясь к своему Вечному Отцу. *"Любезный и милостивый Господь, хотя я не могу отдать свою жизнь вместо Него, я принимаю Твою волю. Но как Его возлюбленная Мать, я прошу Тебя о милости. Позволь мне разделить Его страдания и почувствовать боль, которую причиняют Его священному телу. Пока Ты на Небесах и не можешь быть с Ним, позволь мне быть рядом с Ним в эти ближайшие часы. Не дай нашему Сыну страдать в одиночестве"*.

И поскольку Он не мог от Него отречься, хрупкое тело Пресвятой Девы Марии начало испытывать муки Страстей. Она не приняла смерть, но Всемогущий Бог позволил, чтобы Ее тело, сердце и душа испытывали все то, что испытывал Христос. Поэтому они оба, Мать и Сын, добровольно страдали за грехи человечества и его искупление.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДОРОГА НА ГОЛГОФУ

По дороге на Голгофу, где Иисус готовился нести Свой Крест, МЭРИ и остальные ждали, их сердца разрывались, когда они наблюдали за Его страданиями. Ведь пришло время Сыну Божьему нести Свой любимый Крест. Его чистое и совершенное тело подверглось 5 115 ударам. Каждая частичка Его тела была изранена, кровоточила и оголялась. И все же, когда Он взирал на Крест, присутствующие, кроме Марии, не могли постичь выражение любви и тоски на Его лице. Люцифер и его последователи были особенно смущены и все больше напуганы поведением Иисуса.

Ведь на дороге, ведущей на Голгофу, также стоял Люцифер и сотни его приспешников, которые подстрекали толпу, их голоса были полны злобы. Те, кого не тронули демоны, с мукой смотрели на происходящее, их сердца были тяжелы от скорби по невинному человеку, стоящему перед ними. МЭРИ с закрытым лицом молча наблюдала за происходящим. Голос Бога заговорил с ней, мягко, но властно. *"Возлюбленная моя, в этот величайший момент скорби призови свою силу. Пришло время, чтобы величайший враг детей Адама познал твою силу"*.

МЭРИ остановилась и мысленно увидела Люцифера и его служителей, освещенных сияющим красным светом. Она заговорила властно, ее голос эхом отдавался в их сознании. *"Я повелеваю вам оставаться на своих местах, существа, сеющие зло в сердцах детей Божьих. Вы останетесь и будете идти рядом с Ним, пока Он несет Крест. Вы станете свидетелями того, как к нему прибывают Его изломанное тело. Вы услышите, как трещат Его кости, увидите Его жажду и услышите Его слова о милосердии и прощении. Затем, данной мне властью, я брошу тебя в самые глубины бездны"*. Демоны застыли на месте, их страх стал ощутимым, когда слова Марии прозвучали с божественной силой, и тяжесть ее приказа застыла в воздухе.

По приказу Марии существа из ада, словно осужденные узники, направились к распятию Христа. Они стояли, привязанные невидимой веревкой к подножию креста, где

Иисус висел, Его тело было изломано и кровоточило. Он поднял глаза к небу, и Его голос дрожал, когда Он произносил Свои последние слова:

"Отче, прости им, ибо не знают, что делают".

Христос и МЭРИ услышали слова Бога.

"Истинно говорю вам: ныне же будете со Мною в раю. Женищина, узри сына своего. Сын, узри мать твою".

В человеческом гневe Иисус воскликнул. *"Боже Мой, Боже Мой, почему Ты оставил Меня? Я жажду. Все кончено. Отче, в руки Твои предаю дух Мой".*

Затем, с последним вздохом, Его голова опустилась на грудь. Его последователи разразились горестными криками, и их скорбь слилась с раскатами грома, когда молния пронзила небо. Тьма охватила землю, и она задрожала, раскалываясь под ними. Как и было предсказано, Люцифера и его демонов утащили в глубины земли, и их крики угасли в бездне.

Небо оставалось темным, солнце отсутствовало, но на его фоне силуэтом вырисовывались крест и тело Христа. У подножия креста стояла МЭРИ, ее тело содрогалось в агонии, а рука тянулась вверх, чтобы коснуться ног Сына. Вокруг нее стояли ее спутники, как смертные, так и небесные, их лица были полны скорби и благоговения. В воздухе витала тяжесть момента.

Позже в доме в Назарете собрались апостолы Петр, Иоанн и другие, их лица были тяжелы от скорби. МЭРИ медленно передвигалась по комнате, Ее тело, сердце и душа болели, но Она должна была подготовиться к погребению Сына. Иоанн подошел к ней, его голос был полон беспокойства.

"Матушка, - нежно сказал он, целуя ее руки, - вам нужно питаться. Пожалуйста, позвольте нам сделать это для вас в

данный момент. Вы не ели уже несколько дней. Я не могу смириться с тем, что ты покинешь нас".

МЭРИ смотрела на него, ее глаза были наполнены тихой силой. *"Моим покоем и утешением будет видеть моего Сына и Господа, воскресшего из мертвых. Мои дорогие друзья, оставайтесь и утешайте друг друга, пока я удалюсь наедине с моим Сыном".*

МЭРИ удалилась в свою обитель, легла на койку и закрыла глаза. Перед ней возник мир Лимба. Она увидела своих любимых родителей, Анну и Иоахима, а также Иосифа, пророков Еноха и Илию, Моисея и тысячи душ, ожидающих освобождения. Их лица были полны надежды, их долгое ожидание стало возможным благодаря ее величайшему горю. Затем ее лицо озарилось радостью, когда она увидела своего Сына. Иисус приветствовал тех, кто так долго ждал, и они упали на колени в знак благодарности.

По повелению Марии ангелы восстановили разбитое тело ее Сына до совершенства. Затем Сын Бога и Марии воскрес в том же великолепном свете, в котором Он появился на свет. Он предстал перед ними в виде полупрозрачного существа, а плащаница на теле все еще светилась от божественного преображения, произошедшего в ней.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ВОСКРЕШЕНИЕ

В своей келье МЭРИ поднялась с постели, ее лицо сияло от радости. Перед ней возникло полупрозрачное видение ее Сына. Она упала перед Ним ниц, но Он поднял ее, притянув к Себе. Свет Его Божественности струился из Него в нее, вознося ее ввысь.

"Возлюбленные мои, - сказал Иисус, Его голос был наполнен любовью, - поднимайтесь выше!"

Три дня спустя, на рассвете воскресенья. Иоанн заглянул к Марии и увидел, что она стоит на коленях в молитве, а ее лицо сияет божественным светом. Она улыбнулась ему, и по его выражению лица было видно, что он знает, что Христос воскрес. Он закрыл дверь, оставив Марию одну. Послышались голоса Бога, Святого Духа и Иисуса, их слова были наполнены благоговением и любовью.

"Это Царица всего творения, на небе и на земле", - провозглашали они. "Она - Покровительница Церкви, Владычица всех творений, Мать милосердия, Заступница грешников и Ходатаица за верных. Она - Мать любви и святой надежды, хранящая в себе тайны Нашей силы для спасения человечества. Все, о чем бы Она ни попросила Нас, будет исполнено, и те, кто ищет Ее заступничества, найдут путь к вечной жизни".

Пока они говорили, ангелы подняли Марию над землей, и ее облик окутался небесным светом. Она оставалась обещанием своего вечного заступничества и надеждой на спасение для всех, кто искал ее помощи.

В зале, где проходила Тайная вечеря, собрались МЭРИ, одиннадцать апостолов, три Марии, Марфа, Лазарь, другие ученики и благочестивые женщины - всего сто двадцать душ. Христос, озаренный божественным светом, стоял перед ними, и Его голос был мягким и в то же время властным.

"Мои самые милые дети, я собираюсь вознестись к Отцу, из лона Которого я сошел, чтобы спасти и спасти людей. Вместо Себя Я оставляю с вами Мою Мать. В Ней те, кто ищет Меня, всегда найдут Меня. Петр, тебя Я оставляю верховным главой Церкви. Повинуйтесь ему как Моему Наместнику, первосвященнику. Иоанн, ты должен занимать место сына Моей Матери, как Я назначил тебя на Кресте. Итак, идите со Мной, Мои преданные ученики; идите со Мной к месту Моего Вознесения".

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТА

Небо над горой оживёт пылало небесным блеском, золотой свет простирался за горизонт, словно само творение радовалось этому моменту. На вершине горы в величественной неподвижности стоял Христос, Его руки были сложены на груди, а лицо сияло божественным сиянием. Казалось, само Его присутствие властвует над землей и небом, являясь мостом между земным миром и вечным Царством за его пределами.

Когда Он начал подниматься, Его следы оставались на земле - священный отпечаток Его пребывания среди людей, безмолвное, но сильное свидетельство того, что Он действительно ходил среди них. Воздух мерцал от присутствия небесных существ, их формы светились небесным светом, когда Он призывал их подняться вместе с Ним. Симфония ангелов взмыла ввысь, их голоса вознеслись в хоре хвалы, который эхом разнесся по всему необъятному пространству.

Даже когда Он вознесся, Его сердце оставалось с Его Матерью, говоря с ней на языке, недоступном для слов, - последнее послание любви и заверения перед тем, как Он полностью перейдет в Свою вечную славу.

"Матушка, - сказал Он, Его голос был полон любви, - Я хочу, чтобы ты была рядом, когда Я вознесусь к Своему Отцу".

Дух Марии покинул ее земное тело, не замеченный теми, кто стоял и наблюдал за Вознесением. Когда ее дух вознесся вместе с Христом, голос Бога прозвучал в небесах. *"Вознесись выше, возлюбленный, верни Мне Моего Сына".*

Они поднялись в Эмпирей кие небеса, где их ждали три великолепных трона. На самом дальнем троне слева восседал Бог, Творец всего сущего. За Ним стояли тысячи святых отцов и святых, пребывавших в Лимбе, их лица были исполнены радости. Сверкали лучи сияющих цветов, ликовали ангелы, звучали трубы. Христос занял место на среднем троне и протянул правую руку, указывая на трон рядом с Ним.

"Мать, - сказал Он, Его голос был полон благоговения, - встань и займи место, которым Я обязан Тебе за то, что Ты следовала за Мной и подражала Мне".

МЭРИ подошла к трону и села, ее форма светилась божественным светом. Бог заговорил, Его голос был наполнен любовью. *"Супруга Моя и Возлюбленная, приди в Мои вечные объятия. Ибо это твое место - сидеть по правую руку от Сына Моего, который сидит по правую руку от Меня. Оно принадлежит вам навеки. Ты можешь выбрать это сейчас или когда пожелаешь".*

МЭРИ огляделась вокруг, ее взгляд остановился на Сыне, после чего она встала и преклонила колени перед Богом. *"Вечный и всемогущий Бог, - сказала она, ее голос дрожал от смирения, - Принятие этой награды сейчас принесло бы мне покой, но я должна вернуться в мир и продолжить свой труд ради детей Адама и верных Церкви. Господь и Владыка моей души, прими эту жертву, и пусть Твоя Божественная сила поддержит меня в возложенной на меня миссии. Я еще раз приношу себя в жертву, посвящая все, что я есть, Твоей славе и спасению душ, пока я в силах".*

Бог посмотрел на Христа и кивнул головой. Христос заговорил, и голос Его был наполнен одновременно печалью и восхищением. *"Я принимаю Твою жертву, Мать, но прошу, чтобы Ты ненадолго осталась рядом со мной, ибо я буду страдать от отсутствия Твоего присутствия".*

Перед возвращением Божьей Матери на землю Ей было сказано о времени и дате ожидаемого земного визита Святого Духа, Который наставит всех в учениях Господа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ПЕНТАКОСТ

Ранним утром в Кана клее воздух был наполнен молитвенным пылом. МЭРИ, апостолы и собрание учеников, мужчин и женщин, числом сто двадцать человек.

- были едины в преданности. В комнате царила тишина, лишь шепот мольбы и хвалы возносился к небесам. Внезапно раскат грома разорвал тишину, и в воздухе пронесся сильный ветер. Снаружи небо словно раскололось, и яркий огонь, подобно молнии, обрушился на дом, окутав его сияющим светом, который лился через крышу.

Жители деревни вдалеке остановились, с благоговением глядя на жилище, сияющее божественным блеском. Внутри собравшиеся верующие ощущали присутствие чего-то необычного. Над головой каждого человека появилось пламя, мерцающее с большой интенсивностью. Пламя апостолов горело ярче, чем у остальных, причем у Иоанна и Петра оно было самым ярким из всех. Но над Марией пламя было самым сильным, свидетельствуя о ее уникальной благодати. На несколько секунд комната наполнилась звуком . ангельских хоров, их голоса сливались в небесной хвале.

Затем заговорил голос - глубокий, звучный и безошибочно божественный. Это был Святой Дух, обратившийся ко всем. *"Я наделяю вас привычки . . . семь даров: Мудрость, Понимание, Наука, Благодетельство, совет, стойкость и страх"*. Обратившись к апостолам и Марии, голос

продолжил: *"В вас Я вливаю Свою благодать в изобилии для вашего служения, которое вы будете нести в святой Церкви"*.

Когда свет померк, сцена переместилась на шумные улицы Иерусалима. Тысячи людей заполнили город, и апостолы двигались среди них, каждый из них обращался к большим толпам. Удивительно, но когда апостолы говорили, их слова понимали все, независимо от языка. Лица озарялись изумлением, одна молодая красивая девушка в толпе удивленно смотрела на них. Тем временем другие святые мужчины и женщины ухаживали за больными и умирающим, совершая чудесные исцеления и изгоняли бесов из одержимых.

На следующий день на берегу реки собрались тысячи людей, чтобы принять крещение, их сердца были преображены силой божественного Слова. Вернувшись в капище, МЭРИ наблюдала за разворачивающимся видением, и на ее губах играла нежная улыбка.

Прошло время, и апостолы разошлись по Иерусалиму, Палестине, Лидде и Яффе. Кто-то путешествовал парами, кто-то в одиночку, но все были едины в своей миссии: проповедовать, исцелять и развивать новую Церковь Христову. Однако их работа не была лишена противодействия. Люцифер, общий враг всех, пытался помешать их усилиям на каждом шагу. Он посылал своих приспешников искушать, оскорблять и нападать на апостолов, отчаянно пытаясь помешать распространению Божественного Слова.

Но МЭРИ, бдительно следящая за ними с небес, была их защитницей. Когда ей не удавалось вмешаться самой, она посылала армии ангелов, чтобы защитить своих любимых апостолов. Это

разгневало Люцифера, и он обратил свою злобу на слабых и беззащитных, его жажда душ была неуголима.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

БИТВА ДОБРА И ЗЛА

Солнце зашло за город Иерусалим, отбрасывая длинные тени на его узкие улицы. Красивая молодая девушка, одна из многих обращенных в первые дни Пятидесятницы, шла одна, ее сердце все еще пылало от слов любви и прощения, которые она услышала от апостолов. Но когда она бродила, из темноты возникла фигура старухи, сгорбленной и хрупкой, с острыми и расчетливыми глазами. Это был переодетый Люцифер. Старуха подошла к девушке, и в ее голосе прозвучала фальшивая забота. *"Я видела тебя с теми людьми в мантиях на днях. Что*

что они сказали тебе, было ложью", - шипела она.

Девушка заколебалась, ее вера на мгновение пошатнулась. *"То, что они говорили, было прекрасно. Они говорили о любви и прощении. Они сказали, что если мы будем слушаться Бога, то, когда умрем, будем жить с Ним вечно".*

Старуха насмехалась. *"Подчиняться? Почему ты должна кому-то подчиняться? По-моему, ты умная девочка. Ты должна делать то, что хочешь. Разве тебе не хочется смеха и мужских удовольствий?"*

Голос девушки дрогнул. *"Да, но... Я видела, что они делали. Они исцелили многих больных. Люди понимали их слова на всех языках, когда они говорили".*

Старуха наклонилась ближе, ее тон стал более настойчивым. *"Отрекись от них, и я пообещаю тебе спокойную и сытую жизнь".* Девушка снова заколебалась, ее разум затуманился сомнениями. *"А*

как же та нежная женщина, которая была с ними? Ее слова были добрыми и любящими, больше, чем у всех остальных".

Лицо старухи исказилось в презрении. *"Эта хуже их всех. Избегай ее. Уходите из ее ловушек".*

Прежде чем девушка успела ответить, форма старухи изменилась и исказилась, явив истинный, ужасающий облик Люцифера. В одно мгновение он вошел в ее тело, оставив ее дрожащей и разбитой.

Несколько дней спустя в спальном комнате девочки она лежала тяжело больная, вокруг нее собрались родные, их лица были озабочены. МЭРИ, находящаяся в капище, видела страдания девочки и послала двух ангелов помочь ей. Но ни один из них не смог избавить девочку от духа Люцифера. Она корчилась в агонии, ее тело и душа были измучены. По шумным улицам Иерусалима МЭРИ шла одна, а ангелы окружали ее молчаливым бдением. Ее шаги были быстрыми, а сердце тянулось к тому, кто отчаянно нуждался в ее помощи. *"Почему вы не даете мне дойти до нее?"* - спросила она, ее голос был полон отчаяния. Один из ангелов ответил: *"Тебе незачем идти через город, когда мы можем перенести тебя туда с большей легкостью".*

В тот же миг Марию подняли ангелы и без труда понесли по воздуху. В одно мгновение она появилась в комнате девочки, ее присутствие было сияющим и неоспоримым. Злые духи рассеялись, как вспышки бегущего света, и в страхе исчезли при виде Святой Матери.

Мэри подошла к девушке, ее голос был мягким, но твердым. *"Что тебе сказали?"*

Девушка, слабая и дрожащая, прошептала: *"Они убедили меня поверить, что ученики Иисуса обманывают меня".*

Глаза Мэри наполнились состраданием. *"Посмотри, что эти убеждения сделали с твоим юным телом. Ты очень близок к смерти. Во что ты хочешь верить?"*

Голос девушки был едва слышен. *"Что меня любят. Что у меня будет мир".*

Мэри наклонилась ближе, и ее слова стали бальзамом на растревоженную душу девушки. *"Ты сможешь, если прогонишь мысли, посеянные в твоём разуме тем, кто хотел лишь обмануть тебя. Верь моему слову, дитя. Иисус ждет тебя, если ты поверишь моим словам".*

Затем МЭРИ взяла девочку на руки. Последние слова девочки были шепотом веры: *"Я люблю Бога, а Иисус отдал Свою жизнь за мои грехи. Прости меня, Господи".* С этими словами она мирно умерла в объятиях Марии.

Ни одна душа не была неважной для Царицы любви и милосердия. Она сдержала свое обещание спасти души, даже когда ее любимые апостолы начали страдать от рук Люцифера.

Несмотря на защиту ангелов, гонения на апостолов становились все более ожесточенными. Первым был схвачен Стефан, его потащили и бросили в темницу.

Прикованный к холодной каменной стене, Стивен поднял взгляд, и перед ним предстала МЭРИ, сияющая и торжественная. Ее голос был одновременно нежным и властным.

"Стефан, ты будешь первенцем мучеников, избранным Моим Сыном, чтобы идти по пути Его собственной жертвы".

Голос Стефана был непоколебим, его сердце - твердым. *"Я буду следовать за Ним, как привилегированный ученик, идущий по Его стопам"*.

Слова Марии несли в себе и утешение, и цель. *"Ты будешь стоять как бесстрашный солдат, возглавляя армию грядущих мучеников, несущих знамя Креста"*.

Стефана вывели из камеры в центр двора. Его руки были связаны, а обвинители окружили его. Полетел первый камень, затем еще один, и еще. Каждый удар обрушивался с сокрушительной силой, но Стивен не дрогнул. Вместо этого он упал на колени, и его лицо осветилось, когда перед ним открылись небеса. *"Вот, я вижу отверстия небеса и славу их, и в них вижу Иисуса, стоящего по правую сторону..."*

Рука Господа!" - воскликнул он.

Его палачи, разъяренные, закрыли уши, не желая слушать то, что они называли богохульством. Толпа бросилась вперед, с силой волоча его по земле, а камни продолжали падать.

В капище МЭРИ в печали наблюдала за последними минутами жизни Стефана, и сердце ее разрывалось. Обратившись к одному из своих ангелов, она приказала: *"Останься с ним до конца, а потом отнеси его душу Моему Сыну"*.

Когда Стефан испустил последний вздох, его дух вознесся на небо, и первый мученик был принят в вечную славу. Но даже когда небеса ликовали, сердце Марии болело, зная, что это только начало грядущих испытаний.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ВЕРОУЧЕНИЕ АПОСТОЛОВ

Прошло несколько месяцев с того рокового дня, и в тихой, освященной комнате, где когда-то проходила Тайная вечеря, МЭРИ собрала оставшихся апостолов. Зал, наполненный одновременно печалью и надеждой, казалось, затаил дыхание, когда Петр поднялся, чтобы заговорить. В его голосе звучала решимость:

"Нам повезло больше, чем нашему брату Стефану: мы избежали гнева первосвященника, когда распространяли слово Христово в близлежащих городах. Однако, по Его повелению, мы должны вскоре отправиться на проповедь по всему миру. Теперь Он будет направлять нас Своим Божественным Духом, помогая нам понять и утвердить, во имя Его и по неизменному указу, истины, которые станут основой Его святой Церкви, той, что будет существовать до конца времен".

Глаза Марии светились одновременно материнской любовью и твердой целью, когда она обращалась к собравшимся апостолам. "В это время я наставляю всех вас слушать внутренние слова моего Сына,

ибо Он просветит сердца ваши, чтобы говорить и определять тайны".

Затем Петр со спокойной властью начал священную декларацию, и один за другим его соратники-апостолы присоединились к кредо. "Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли, и в Иисуса Христа, Сына Его Единородного, Господа нашего, Который был зачат силою Святого Духа и рожден от Девы Марии. Он пострадал при Понтии Пилате, был распят, умер и был

погребен. Он сошел в смерть и воскрес из мертвых на третий день. Он вознесся на небо и восседает по правую руку Бога, Отца Всемогущего, откуда Он придет судить живых и мертвых. Я верю в Святого Духа. В единую католическую апостольскую церковь, причастие святых, прощение грехов, воскресение тела и жизнь вечную. Аминь."

Твердо провозгласив свою веру, апостолы вскоре отправились в путь. В скромном доме в Назарете каждому из них выдали тунику, напоминающую ту, что носил Иисус, - тканое одеяние коричневого и пепельно-серых оттенков. МЭРИ также сшила для каждого из них

Крест, тщательно подогнанный под их рост, и она вложила им в руки маленькую драгоценную посылку. Глядя на них с нежной решимостью, она сказала: *"Я даю вам это, чтобы вы несли это до конца ваших дней. Я посылаю вас без еды, ибо вы будете зависеть от доброты незнакомцев. Каждому из вас я вручаю реликвию моего Сына, более ценную для меня, чем все сокровища земли. Знайте, сыновья Мои, что вы идете не одни. Призовите меня хоть раз, и либо один из моих ангелов, либо я сам окажусь рядом"*.

Пока апостолы отправлялись на свою божественную миссию, события разворачивались в других местах. В большом зале первосвященника человек по имени Савл, снедаемый рвением и ведомый темным влиянием, просил разрешения преследовать растущих последователей Христа.

С высокомерием и решимостью он обратился к верховному жрецу. *"Комиссар, окажи мне честь восстановить порядок в твоём городе. Эти еретики распространяют свои богохульства по всей земле. Позвольте мне схватить их для вас или, за чуть большую награду, убить их на месте"*.

Первосвященник с холодным и расчетливым взглядом молча кивнул в знак одобрения, пренебрежительно махнув рукой. Савл поклонился, затем резко повернулся на пятках и направился в сторону Дамаска с несколькими сотнями вооруженных людей, не подозревая, что его путешествие вскоре изменит ход истории. Вернувшись в свое священное пространство, МЭРИ с тяжелым сердцем наблюдала, как армия двинулась вперед, чтобы заглушить голоса евангелистов. В тишине своей обители она вознесла голос в молитве, умоляя Сына: *"Посмотри на того, Савл; он избран Тобой, чтобы быть одним из величайших Твоих. Умоляю тебя, поторопись с планом его обращения, ибо Люцифер послал его с великой миссией"*. Ее слова, пронизанные божественным намерением, летели на невидимых крыльях, пока не достигли ушей Христа. Из царства света раздался голос: *"Матерь Моя, избранная среди всех созданий, да исполнится воля Твоя без промедления!"*

Когда Саул со своим войском продвигался по пыльной дороге, на него обрушился внезапный и ошеломляющий блеск. Свет вспыхнул с такой силой, что сбросил его с коня и лишил зрения. В этот момент среди хаоса раздался властный голос: *"Савл, Савл, за что ты гонишь Меня?"* Трепеща, Савл воскликнул: *"Кто Ты?"*. Сияющий голос ответил: *"Я - Иисус, Которого ты гонишь; трудно противиться поясу Моего всемогущества"*. Ошеломленный, но жаждущий наставлений, Савл просил: *"Господи, что Ты повелеваешь и хочешь сделать со мной?"*

Из тьмы он вырос в великий свет, и МЭРИ дала ему имя Павел. Его образ из демона превратился в образ самого высокого и пламенного серафима. Солдаты, ставшие свидетелями этого события, замерли в благоговении перед голосом Христа и чудом

обращения Савла. Благодаря заступничеству Марии вражеские силы в тот день уменьшились на несколько сотен душ.

Со временем учение апостолов распространилось по дальним странам, и число их последователей росло. Однако вместе с этим ростом пришли и великие испытания. МЭРИ позже вспоминала, что в авангарде этих гонений стоял Ирод, сын правителя, который когда-то приказал убить младенцев во время рождения Иисуса."

Наша Пресвятая Мать неусыпно следила за апостолами. Благодаря божественным дарам, дарованным ей Богом, она всегда знала, когда кто-то из них страдает в своем путешествии, распространяя весть о Сыне. Даже на расстоянии Ее сердце оставалось с ними, направляя их в их миссии с годами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СМЕРТЬ ДЖЕЙМСА

В мрачные покои двора Ирода ввели несколько мужчин и женщин, закованных в цепи, каждому из которых грозила быстрая смерть, предписанная холодным приказом правителя. Среди них был и апостол Иаков, которому на шею накинута веревка. Без тени милосердия Ирод приказал: *"Снимите с него голову. Отрежь ему язык, чтобы он и после смерти не произносил таких мерзостей"*. Когда Иаков стоял на коленях перед палачом, перед его наполненными слезами глазами внезапно возникло видение Марии, окруженной сонмом ангелов, Ее присутствие излучало божественную благодать. Его сердце забилося от благоговения, и он открыл рот, чтобы заговорить, но не успел он произнести ни слова, как ангел шагнул вперед и настоятельно прошептал,

"Джеймс, храни эти священные чувства в своем сердце. Не открывая присутствия нашей королевы этим нечестивцам. Они не достойны и не способны познать ее, и их ожесточенные сердца только усугубят ненависть".

В этот последний, священный момент Джеймс закрыл глаза и с непоколебимой преданностью предложил свою душу:

"Мать Господа моего Иисуса Христа, моя Владычица и Покровительница, принеси жертву моей жизни Твоему Сыну, Икупителю мира. В Твои руки, а через них в руки моего Создателя, я предаю свой дух".

С этими последними словами клинок опустилсся, и Джеймс был обезглавлен.

Верная своему обещанию, МЭРИ была рядом, ее присутствие было нежным и сияющим, когда она направляла его душу в любящие объятия своего Сына, приветствуя его в вечном Царстве.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЕТРА

В тусклой, холодной темнице Петр лежал, закованный в тяжелые цепи, ожидая своей участи. Вдали, в укромной камерке Марии, она плакала кровавыми слезами. Рухнув на пол, она осенила себя крестным знамением. В этот священный момент комнату наполнил яркий, великолепный свет, и появился Христос. Он опустился рядом с ней на колени, бережно поднял ее на руки и произнес голосом, в котором звучала божественная власть.

"Матушка, облегчи свою печаль и проси все, что пожелаешь, ибо Я все исполню, и ты всегда будешь благосклонна в Моих глазах".

Голос Марии дрожал от решимости и скорби, когда она ответила: *"Даруй мне знание и силу, чтобы спасти Церковь Твою".*

Воодушевленная Его словами, МЭРИ твердо заявила: *"Поскольку Ты укрепил меня и подтвердил власть, которую Ты мне дал, я приказываю Люциферу и всем его злым слугам спуститься в бездну и хранить молчание до тех пор, пока Твоя Божественная воля не позволит им вернуться".*

За стенами Иерусалима в небе вспыхнул яркий свет, оттеснив тьму, и огромная тень опустилась в глубины земли. Воздух задрожал от силы, когда МЭРИ продолжила,

"Итак, Сын Мой, если есть на то Твоя воля, пусть один из присутствующих небесных духов пойдет и освободит Петра из темницы".

В камере Питера, когда он лежал в состоянии глубокого сна, у его постели появился нежный, сияющий ангел. Небесное существо

тихо прошептало ему, после чего молча провело его мимо дремлющих стражников, направляя к свободе.

Позже, с тяжелой печалью в сердце, голос Марии звучал с мукой и состраданием, когда она задавалась вопросом о пути, лежащем перед ней. *"И теперь, Господь мой, с глубочайшей скорбью я спрашиваю, должна ли я также выносить приговор существу, созданному по Твоему образу и подобию? С самого начала я никогда не мстила им; напротив, мое сердце жаждет спасения даже самых нечестивых".*

Христос ответил со сдержанной серьезностью: *"Ирод - один из тех, кто известен, и в своем ожесточенном сердце он не поддается никаким наставлениям. Он не будет искать наставлений или принимать благодать спасения, как бы Ты ни старался. Твоя милость должна быть припасена для тех, кто готов принять ее и обратиться к Твоему могущественному заступничеству".*

Слезы смешались с решимостью, когда МЭРИ продолжила: *"Много раз я готова была принять смерть, чтобы спасти эту душу Ирода, но, по воле справедливого Бога, я обрекаю его на смерть, которую он заслужил, чтобы он не подвергся еще большим мучениям, исполнив задуманное зло".* В мрачных покоях Ирода свершилось неизбежное. Смерть наступила внезапно,

Ирод заболел и умер.

Смерть Ирода наполнила царицу глубокой скорбью, ибо она знала, что никто и никогда больше не будет призван произнести подобный приговор.

После этого Христос отошел от Матери, оставив Ее оплакивать тяжесть своих поступков и тяготы божественного суда.

Прошло время, и в тихом святилище оратории в Эфесе МЭРИ сидела с Иоанном, когда он читал вслух письмо от Петра. Мягкий шелест пергамента и шепот молитв наполняли пространство, пока он читал: *"Марии, Деве Марии, Матери Божьей, Среди верующих возникли некоторые сомнения и разногласия относительно учения Твоего Сына, а также относительно того, следует ли наряду с Его учением соблюдать древний закон Моисея. Они обращаются к нам за советом, чтобы мы могли заявить о том, что слышали непосредственно от Самого Божественного Учителя. Сейчас я направляюсь в Иерусалим, как и другие, прибывшие из разных городов. С Твоей помощью мы установим, что лучше для святой веры и совершенствования закона благодати. Ваш слуга во Христе, Петр"*.

Глаза Марии светились решимостью, когда она тихо ответила: *"Будет правильно, если мы организуем отъезд на эту встречу. Также правильно и подобает повиноваться главе Церкви"*.

Позже, в зале Тайной Вечери. Царица и другие преданные женщины трудились над уборкой и украшением священного помещения, готовясь к ожидаемой мессе. Алтарь был тщательно убран, и МЭРИ сама полировала священный потир, пока он не засиял святым светом. Когда апостолы и верующие начали собираться, комната наполнилась чувством благоговения и предвкушения. Петр подошел к Марии и застал ее стоящей на коленях в тихой преданности.

С искренним сердцем МЭРИ сказала: *"Твое благословение на мне, викарий Церкви моего Сына"*.

Петр совершил над ней крестное знамение и осторожно помог ей встать. *"Мое сердце радуется, видя тебя, Мать. Надеюсь, ты, как*

и я, искала совета со своим Сыном. Давайте отпразднуем во имя Его святого имени так, как Он учил нас. Вместе мы будем молиться о том, чтобы божественная мудрость Троицы вдохновила нас Своей вечной благодатью".

Во время совершения мессы присутствие Святого Духа стало явным. Величественный свет наполнил сердце Марии, и в этом божественном озарении Она почувствовала подтверждение своих прошений и молитв - молитв, которые Она так горячо возносила за Церковь. В этот момент казалось, что исполняются сами постановления Божественной воли, гарантирующие, что вера Евангелия и весь Его святой закон будут утверждены в мире.

Ангелы и апостолы, пораженные благоговейным трепетом перед сиянием, присоединили свои голоса к возвышенным возгласам. *"Свят, свят, свят и могуч Ты, Господи, Бог силы и могущества. Небо и земля полны славы Твоей!"* провозгласили они в унисон, и их ликующие возгласы эхом разнеслись по всему залу.

Так, среди чередования скорби и божественного милосердия, суда и искупления, разворачивался небесный план, каждый миг свидетельствуя о непоколебимой силе и тайне веры.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

ЕВАНГЕЛИЯ

В тихом святилище Марии, еще до того, как собрались остальные апостолы, МЭРИ обратилась к Петру со спокойной властью. *"Как первосвященник и глава Церкви, ты должен назначить четверых для записи дел и учений Спасителя мира"*. В этот момент вошли остальные апостолы, на их лицах отражались одновременно благоговение и решимость. Затем Петр объявил: *"Матфей, возлюбленный брат наш, должен немедленно приступить к написанию своего Евангелия во имя Отца, Сына и Святого Духа. Марк напишет второе, а Лука - третье. Наш возлюбленный брат Иоанн будет четвертым и последним, кто напишет тайны нашего Спасителя и Учителя"*.

Некоторое время спустя в скромной комнате, где трудился Матфей, апостол обнаружил, что борется со своими мыслями. Он поднялся со своего места и в беспокойстве зашагал по комнате, но в конце концов снова сел и громко вздохнул. Его работа застопорилась, и в момент отчаяния перед ним появилась МЭРИ. С серьезными глазами Мэтью поднял голову и сказал,

"Вы услышали мои молитвы, Пресвятая Мать. Я ищу у Тебя мудрости, как мне написать о Тебе. Я молюсь о руководстве Святого Духа, но не написал ни слова".

Голос Мэри был нежным, когда она давала свои наставления.

"Хорошо, что вы ищете мудрости у Того, Кто наиболее достоин ее дать. Однако в отношении меня вы должны писать только то, что необходимо для раскрытия Воплощения, тайн Слова, ставшего плотью, и основания Его Церкви. Как только эта вера утвердится, Всемогуший изберет других в Свое время, чтобы

открыть верным чудеса и благословения, которые Он сотворил во мне."

Таким образом, в 42 году нашей эры Евангелие от Матфея было написано на иврите, сохранив истину о Христе для последующих поколений.

На пологом холме в Палестине сидел апостол Марк, поглощенный своим писанием. В процессе работы он размышлял над тем, что написать о Пресвятой Богородице, как вдруг его озарил великий свет, и он инстинктивно преклонил колени, его лицо засияло от радости. В это время ему были даны указания о Ее самой значительной роли. Марк согласился и написал свое Евангелие на иврите, находясь в Палестине, а позже составил более короткую версию на латыни для евангелизации Рима. Прошло четыре года после работы Матфея, и через два года Марк завершил свою работу, на дворе стоял 48 год нашей эры, а сама Дева МЭРИ достигла шестьдесят третьего года своей естественной жизни.

В тихой комнате апостол Лука прервал свое письмо и впал в благоговейную прострацию. В этот торжественный момент ему явилась МЭРИ. *"Дева, Матерь Господа моего, - смиренно попросил Лука, - услышав твои наставления относительно упоминания Тебя в моих трудах, я прошу разрешения говорить более свободно, описать способ Воплощения и Твою роль как Матери Христа"*.

С мягкой, но твердой мудростью МЭРИ ответила: *"Используй слова, которые остаются верными цели твоего Евангелия. Если Святой Дух вдохновит тебя писать с особым изяществом, то следуй Его руководству, сын мой"*.

Лука, писавший на греческом языке, сохранил в своем Евангелии образ Небесной Матери - видение красоты, которое продолжало вдохновлять его даже тогда, когда он позже жил в Ахайе.

Позже, в знакомых стенах своей обители, МЭРИ обратилась к Иоанну, которому Христос поручил остаться с ней после Его

смерти. Она говорила с почтением и уважением: *"Сегодня годовщина Страстей Господних, и я прошу твоего согласия на соблюдение их с четверга - времени Его Тайной Вечери с нами - до воскресенья, когда Он воскрес из мертвых"*. Иоанн ответил со спокойной решимостью: *"Я позабочусь о том, чтобы вас не беспокоили в это время, матушка"*. Удалившись в свою отдельную комнату, МЭРИ погрузилась в воспоминания, переживая каждое движение, каждый поступок, каждое страдание своего Божественного Сына по мере того, как Страсти разворачивались в ее сердце. Когда наступил момент Вознесения, хоры ангелов окружили ее, их славные хвалебные гимны вторили великолепию этого священного прощания.

На второй день МЭРИ стояла на полу своего скромного жилища и усердно шила богато украшенные одеяния для апостолов и священников - одежду, не похожую на ту, что они носили в повседневной жизни. Ритмичный звук ее иголки и нитки наполнял тихую комнату. Когда Иоанн вошел, он изумился: *"Это великолепно. Для какого царя вы их создаете?"* МЭРИ ответила с нежной улыбкой: *"Это будут облачения, в которых ты и другие священники будете совершать жертвоприношение во время мессы"*.

МЭРИ трудилась над этими облачениями своими руками, отказавшись даже от помощи ангелов в этом священном деле. Она купила материалы из собранной милостыни, богатое постельное белье и шелка, и работала без устали, оставаясь на коленях в знак почтения к святому долгу. Закончив работу, она поцеловала каждое облачение в знак последнего благословения.

Десять лет спустя Иоанн завершит священное задание - написать святую историю о своем Искупителе и Царе и Его Матери. Он написал свое Евангелие на греческом языке и закончил его в 58 году н. э., проживая в Малой Азии, после смерти и Успения Марии.

Униженный и побежденный этими священными истинами, Люцифер вскоре развязал ересь, чтобы исказить Слово Божье. В ответ на это Евангелие от Иоанна стало мощной защитой, его слова

были направлены против заблуждений, которые пытался распространить дьявол.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

СМЕРТЬ НАШЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

В отдельной комнате Мэри лежала в молитве, погрузившись в тишину своих преданий. Внезапно в воздухе зазвучали знакомые звуки ангельской музыки, заставившие ее в благоговении опуститься на колени. В этот сияющий миг перед ней появился Гавриил, его прекрасный лик был столь же поразителен, как и в момент ее собственного зачатия. Его голос, пронизанный небесным авторитетом, провозгласил,

"Наша Императрица и Госпожа, Всемогущий и Святая Святых посылает нас со Своего небесного двора, чтобы объявить Тебе от Своего имени о самом счастливом конце твоего паломничества и изгнания на земле в земной жизни. Ровно через три года от этой даты ты воссоединишься со своим драгоценным Сыном, нашим Господом, который жаждет твоего присутствия".

Сердце Марии заколотилось от радости и покорности, когда она ответила,

"Я - служанка Господа; да будет по слову Твоему".

При этих словах сонм ангелов окружил ее. Их светящиеся формы мягко подняли ее с земли и закружили в грациозном танце, пока ее душа ликовала от обещания воссоединения с любимым Сыном.

Три года спустя, в тихом уединении сада у своего дома, МЭРИ была замечена одна среди цветущих цветов. Святая Мать никогда не прекращала своей священной работы, ухаживая за больными и умирающими, давая им утешение и успокоение и горячо молясь за души, пытающиеся найти путь к Ее Сыну. Когда ее земной путь подошел к концу, МЭРИ начала посылать через ангелов послания своим любимым апостолам, рассеянными по дальним странам.

За неделю до смерти МЭРИ вознесла молитву глубокой благодарности:

"Всемогущий Отец, я признаю Тебя единственным истинным Творцом и Создателем всего сущего. Из благ этого мира мне нечего оставить, ибо я никогда не обладал и не любил ничего, кроме Тебя. Я благодарю небеса, звезды, планеты и все творение, ибо они поддерживают меня сверх моих собственных заслуг. Я молюсь, чтобы они продолжали служить и прославлять Тебя, как они были созданы для этого, и чтобы человечество берегло их с той же заботой и любовью, что и я.

Заслуги и сокровища, которые я приобрел по Твоей милости, своими трудами и стараниями, я оставляю Твоей святой Церкви. С Твоим благословением я предлагаю их, надеясь, что они будут умножены. Я посвящаю их апостолам и всем священникам, как нынешним, так и грядущим поколениям, дабы с их помощью они стали истинными служителями, достойными своего призвания, исполненными мудрости, добродетели и святости, чтобы направлять и освящать души, искупленные Твоей Кровью.

Это, мой Господь, моя последняя жертва, хотя я всегда подчиняюсь Твоей Божественной воле".

Мягкий, властный голос ответил на ее молитву:

"Пусть будет так, как ты пожелаешь и распорядишься".

Утром в день ее кончины апостолы собрались в ее комнате. Они прибыли накануне вечером: Иоанн приветствовал их первым, Лука прибыл под сопровождением ангела, а Петр прибыл из дальних стран. В этом священном месте МЭРИ преклонила колени перед каждым из них. Один за другим они благословляли ее, наклоняясь, чтобы поцеловать ее руки, в то время как слезы печали и благоговения свободно падали. Голосом, полным нежности и законченности, МЭРИ обратилась к ним:

"Мои дорогие дети и возлюбленные мастера, вы всегда были в моей душе и написаны на моем сердце. Я полюбил вас нежной любовью и милосердием, дарованными мне моим Божественным Сыном, ибо в вас, Его избранных друзьях, я видел Его.

Дети мои любят Церковь и любят друг друга теми же узами милосердия, которые вложил в вас ваш Учитель.

Тебе, Петр, святой понтифик, я поручаю своего сына Иоанна и всех остальных".

В этот момент хор ангелов запел слаженными голосами: *"Радуйся, МЭРИ, полная благодати, благословенно имя Твое"*. МЭРИ легла на свою кровать, сложив руки вместе и крепко прижав их к сердцу. Когда она это сделала, лучезарный, сияющий свет охватил все ее существо. Оратория наполнилась небесной симфонией - звуками более величественными, чем могли бы постичь смертные уши. Вокруг нее апостолы открыто плакали, их лица выражали удивление, печаль и восторженное благоговение.

Снаружи дом залило тем же ярким светом, а музыка ангелов достигла экстатического крещендо. МЭРИ медленно открыла глаза, и перед ней возникло нежное, любящее лицо ее Сына. Его голос, мягкий и манящий, произнес:

"Встань, возлюбленная моя, голубка моя, красавица моя, приди, зима прошла".

С безмятежным согласием МЭРИ ответила,

"В руки Твои, Господи, предаю дух мой".

С этими последними словами МЭРИ навсегда закрыла глаза. Ее душа вознеслась из тела к светящемуся лику Сына, и шары света устремились ввысь, оставив комнату в состоянии трансцендентного великолепия. Ее земная форма, теперь охраняемая тысячей ангелов, оставалась маяком озаренной славы.

Затем Питер вывел собравшихся из комнаты. Вскоре в соседнем помещении и в саду люди заметили, что над домом по-прежнему сияет священный свет. Посоветовавшись с Иоанном, Петр подошел к двум святым женщинам, двум МЭРИм, которые преданно служили рядом с Пресвятой Матерью все последние годы ее жизни. Он сказал им.

"Вы должны помазать и подготовить Ее к погребению. Используйте эти благоговения, те же самые, что использовала наша Царица для Своего Сына, нашего Господа".

Он передал им бутылки и маленькие баночки, а Джон предложил намотанные простыни. Джон добавил,

"Используйте их, чтобы обернуть чистое и священное тело нашей Матери. Будьте очень осторожны и относитесь к Ней с величайшей скромностью".

Женщины приняли священные предметы и вернулись в капище Марии. Комната все еще сияла божественным светом, когда они медленно двинулись к центру, протягивая руки в поисках кровати. Однако сияние оказалось непреодолимым - настолько, что их руки потерялись в его сиянии, и, переговариваясь испуганным шепотом, они быстро покинули комнату.

Бросившись к Петру и Иоанну в соседнюю комнату, МЭРИ Магдалина упала на колени и в отчаянии схватила Петра за руку. *"Петр, мы не можем найти тело нашей Госпожи. Свет в комнате ослепляет. Мы даже не смогли нащупать дорогу к койке, чтобы приготовить Ее тело, как ты просил".*

Петр обменялся взглядом с Иоанном, прежде чем помочь Марии Магдалине подняться на ноги. *"Иоанн, пойдем со мной",* - сказал он, когда они подошли к двери кенакла. Все присутствующие в зале в молчаливом ожидании смотрели, как Иоанн медленно открывает дверь, открывая ослепительный свет, который заставил всех задохнуться от удивления. Войдя внутрь, мужчины закрыли за собой дверь и принялись за поиски, но тело оставалось неуловимым в лучезарном сиянии.

В отчаянии Петр воззвал к Богу,

"Отче мой, яви нам тело Возлюбленного Твоего, чтобы мы могли должным образом омыть его елеем и обернуть маслом, использованным для Сына Твоего, Господа нашего".

Пришел божественный ответ, мягкий, но твердый:

"Петр, Иоанн, не открывайте и не прикасайтесь к священному телу. И не смотрите на него".

В этот священный момент мягкое сияние над кроватью приобрело нежный розовый оттенок, наполнив комнату небесным теплом. На Петра и Иоанна опустилась тишина, и они шагнули вперед, втянувшись в мягкое сияние, окружавшее едва различимую в свете фигуру Марии. С нежным благоговением они протянули руки, дрожащие от преданности, и подняли ее за уголки туники. Ее тело было невесомым, словно его нес невидимый небесный ветерок, не тронутый тяжестью мира. С величайшей осторожностью они уложили ее на одр, и ее присутствие по-прежнему было окутано потусторонней безмятежностью.

С торжественной грацией они накрыли ее простыней, их жесты были исполнены скорби и благоговения. В этот момент, момент глубокой скорби и неизреченной благодати, земные останки Пресвятой Матери были завуалированы божественной тайной, что стало последним свидетельством ее святости и вечного света, который будет вечно озарять Церковь.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

ВОЗНЕСЕНИЕ МАРИИ

Улицы Иерусалима лежали в тишине под вечерним небом, последние следы дневного света исчезали в сгущающихся сумерках. Затем один за другим стали загораться крошечные огоньки, мерцающие из окон скромных домов, словно далекие звезды.

В одном маленьком жилище мать прижимала к себе испуганного ребенка, ее лицо было омрачено тревогой. Рядом с ней мальчик сжимал в руках свечу, пламя которой трепетало в прохладном ночном воздухе. Со спокойной решимостью они вышли на улицу, и теплый отблеск свечи озарил их фигуры мягким светом.

Они были не одни. Из дверей и переулков появлялись другие, кто-то калека, кто-то слепой, каждый нес хрупкое пламя, их мерцающие огоньки пробивались сквозь тьму, как светлячки. Их молчаливая процессия росла, река тихой веры текла по древним улицам, их мягкие шаги шептали о булыжники.

Хотя они шли в страданиях, они шли в надежде, их свечи были молитвой, их путь - свидетельством веры, которая вела их вперед.

В другом доме женщина потянула мужа за руку, призывая его присоединиться к растущей толпе. Он сопротивлялся, его лицо было омрачено сомнениями. *"Почему я должен идти? Какая от этого польза?"* - бормотал он. Но решимость его жены была непоколебима. *"Пожалуйста, - умоляла она, - просто пойдём со мной"*. Нехотя он последовал за ней, скептически озираясь по сторонам.

Улицы заполнились людьми, их свечи отбрасывали теплый золотистый свет. В ночи зазвучал гимн, нежная мелодия которого, казалось, уносила их молитвы в небеса. Процессия росла, направляясь к дому Марии. Когда они добрались до дома, из него вышли апостолы, с благоговением неся ее тело. Они начали свой торжественный путь в долину Иосафата, а толпа следовала за ними в тихой преданности.

Когда они проходили через город, происходили чудеса. Больные исцелялись, слепые вновь обретали зрение, а страждущие - покой. Больницы и тюрьмы, казалось, дрожали от божественной энергии, когда тела, умы и духи обретали целостность. В воздухе витали благоговение и благодарность - свидетельство силы веры.

У гробницы в Иосафате Петр и Иоанн бережно положили тело Марии. Ангелы, невидимые большинству, помогали скорбящим апостолам, и их присутствие утешало их среди печали. Толпа медленно расходилась, оставляя апостолов наедине со своими мыслями. Петр обратился к Иоанну, его голос был тяжелым от эмоций. *"Давай останемся с Ней на некоторое время. Я не могу больше оставаться без Нее"*.

Джон кивнул, в его глазах блеснули слезы. *"Я не знал большего друга и советчика, чем Ее собственный Сын. Ее улыбка выгравирована в моем сердце; ее нежное прикосновение к моей руке не сходит с лица земли"*. Апостолы открыто плакали, их горе было глубоким. Три дня они оставались у гробницы, отказываясь от еды и питья, их сердца были слишком тяжелы, чтобы думать о пропитании.

Ранним утром третьего дня произошло нечто необычное. Несколько человек спали, но Иоанн, Петр и Лука испуганно

вскочили на ноги, когда небо над ними словно раскололось. Спустились клубящиеся облака, и голос, глубокий, звучный и безошибочно божественный, заговорил. Это был Христос.

"Моя Матерь была зачата без греха, чтобы из Ее девственного чрева Я мог облечь Себя в человечество. Она сотрудничала со Мной в делах искупления, поэтому Я должен воскресить Ее, как и Я воскрес из мертвых, в то же время и час. Ибо Я хочу, чтобы Она во всем уподобилась Мне".

Облака достигли гробницы, пробив камень. Великолепный свет вспыхнул, озарив ночь. Апостолы упали на колени, их лица наполнились благоговением. Изнутри гробницы появилась Пресвятая Дева МЭРИ, сияющая и великолепная, держащая за руку Христа. Их тела излучали свет, сияние, казалось, коснулось каждого уголка земли. Вместе они вознеслись в небо, и голос Бога-Отца эхом разнесся по небесам.

"Поднимись выше, Мой возлюбленный. Вознесись и вернись ко Мне".

Апостолы наблюдали, как Христос провожал Свою Мать к Ее небесному престолу, и сердца их разрывались от радости и печали. Там Он возложил на Ее голову венец - венец непревзойденного великолепия, драгоценные камни и острия которого излучали лучи света. Иисус заговорил, Его голос был полон любви и власти.

"Моей истинной и естественной Матери принадлежат все творения, которые были созданы и искуплены Мной. И из всего, над чем Я Царь, Она же будет законной и верховной Царицей навеки".

Голос Бога зазвучал снова. *"Возлюбленный, Царство Твое. Да воцарится мир Твой".*

Небеса разразились музыкой, симфонией, заполнившей всю Вселенную. С земли открывался захватывающий вид на небеса, напоминающий о божественной любви, которая коснулась их жизни.

Пресвятая Дева, Царица-Мать всех, наша Царица Мира, умерла 13 августа в 54 году Господа нашего. Ее смерть не остановила и никогда не остановит Ее любовь к Своим детям на земле. Она будет посещать нас в трудные времена, защищая нас, как может только мать. Она продолжит собирать души для своего Господа. Она будет нашим величайшим воином в битве с Люцифером.

В последнем веке первой тысячи лет он в последний раз вернется на землю, чтобы собрать души. Он выбрал это время, зная, что человечество будет умственно и технически развитым, но при этом полным самолюбия. Он вернется, но, не зная об этом, собирать души будет и та, что могущественнее его - избранная с самого начала, чтобы сокрушить голову змея, та, что известна как МЭРИ. Благословенно имя Ее.

ЗАМЕТКИ АВТОРА

Первое явление нашей Возлюбленной Матери было зафиксировано в 40 году нашей эры Иакову, когда он благовествовал в окрестностях Сарагосы, Испания. Прошло семь лет после смерти Христа, но он был напуган и чувствовал себя недостойным и неспособным сделать то, о чем его просили. Он воззвал к Спасителю, умоляя Его вернуться, что Он нужен ему, но тут явилась МЭРИ, чтобы утешить его. Ибо, как было сказано им, когда Христос возносился, именно наша Возлюбленная Мать будет заступаться за нуждающихся, как равная ему. Я не знал этого и никогда бы не узнал, если бы не произошло следующее.

В апреле 1998 года я заканчивал свой первый год обучения в Школе искусств Тиш при Нью-Йоркском университете на программе Graduate Writing Musical Theater Program. Для своего *дипломного* проекта, *одобренного факультетом*, я начал адаптировать сценическую драму *о своей жизни* под названием "Sing A Song of Sixpence". Однако все изменилось в мае, когда я бежала по пляжу, читая четки. Я услышала громкий, властный голос такой реальный, что мне показалось, будто кто-то стоит за мной. Я обернулась, но была одна. Приказ был следующим: *"Ты должна написать о Марианских явлениях"*.

Голос преследовал меня днем и ночью. Я начал исследовать, но после нескольких попыток следовать этому странному повелению я был подавлен. Чувствуя себя злой, недостойной и разочарованной, я выбежала из кабинета и отправилась на очередную пробежку, на этот раз без четков.

Вернувшись домой, я открыл дверь в свою комнату для письма и замер в недоумении - комната была наполнена безошибочным ароматом роз. Я сразу же подошел к компьютеру, чтобы найти значение этого слова, и когда оно появилось на экране, я был поражен. Я поднял глаза к небу и сказал нашей Возлюбленной Матери: "Хорошо, я сделаю это, но не оставляй меня, потому что я не знаю, что делаю". И вот я начал.

Осенью 1998 года я представила самый первый черновик своего *нового и одобренного факультетом дипломного* проекта, который так и назывался - *"Богоматерь"*. Я сказал "да" нашей возлюбленной Матери. И да, н а д о мной смеялись, многие закатывали глаза, но я продолжал. Я включил пять из тысяч записанных явлений Марианны.

События, произошедшие в 1917 году в небольшом районе Португалии, известном как Фатима, были одним из них. К январю история Фатимы осталась единственной.

Модель нашей королевы

Теперь, вникая в повествование, я задаюсь вопросом: отказался бы я от рая, чтобы трудиться ради спасения душ? Именно так поступила наша Царица ради всего человечества - Она отказалась от Небес. Я вспомнил о своей двадцатипятилетней работе и изучении событий 1917 года в Фатиме, результатом которой стал мюзикл для сцены. Я подумал о маленькой Хасинте Марто (ныне Святая Хасинта) и о том, что она сделала через два года после того, как 13 мая 1917 года Богородица впервые явилась ей, ее брату

Франциско и кузине Лусии. В следующем году она и Франциско тяжело заболели испанским гриппом и проболели больше года.

В 1919 году на смертном одре Франциско в их комнате появилась Небесная Прекрасная Дама. Она пришла, чтобы унести на руках своего дорогого Франциско на небеса. Она с любовью улыбнулась Хасинте, сказав тяжелобольному ребенку: *"Ты тоже можешь идти"*.

Хасинта торжественно спросила: *"Но если я останусь, будут ли для меня новые страдания?"* Божья Матерь, как Богоматерь Фатимская, кивнула утвердительно, а затем подробно рассказала ребенку о том, с чем ей придется столкнуться, если она останется на земле.

"Да, дитя мое. Тебе придется покинуть семью для лечения легкого, тебе потребуется операция, от которой не будет средства, уменьшающего боль, и ты умрешь в одиночестве."

Это драгоценное дитя покачало головой, сказав: *"Тогда я останусь, потому что это означает, что еще много душ смогут попасть на небеса"*.

Все слова, сказанные Джасинте в тот день, сбылись. Через десять месяцев у нее образовался абсцесс на легком, и потребовалась операция. Ее отправили в сиротский приют в Лиссабоне - он находился в шестидесяти милях от ее дома, но рядом с больницей. Из-за последствий войны анестезию сохранили для мужчин, служивших в армии, поэтому абсцесс удалили без нее - очень болезненная процедура.

Хасинта отказалась от рая, чтобы души других людей могли обрести дар вечной жизни раньше, чем она. Хасинте Марто было

девять лет. Смогла бы я быть такой храброй, такой самоотверженной? А вы смогли бы? В столь нежном возрасте она стала образцом нашей Королевы, совершив акт самоотверженной любви к человечеству. Как жалко, что я не справляюсь с этой задачей.

В заключение я хочу поделиться со всеми, кто будет читать или слушать о путешествии нашей Возлюбленной по этой земле: вам не нужно бояться - Она с вами - всегда. Вы не одиноки, Ее руки широко раскрыты, чтобы принять вас... всех вас. Ее любовь к нам безгранична. Взывайте к Ней, и Она защитит и направит вас к Своему Сыну. Она сдержит свое обещание, которое было так задумано Богом, когда Он создавал ее. Это то самое обещание, которое Она дала детям Фатимы во время своего визита 13 июля 1917 года: *"В конце концов Мое непорочное сердце восторжествует!"*

Copyright 2025 by Barbara Oleynick

Другие работы Барбары Олейник можно найти на нашем сайте: www.themotherofgod.org.

Сердечное спасибо всем женщинам, которые присоединились ко мне в этой миссии, чтобы принести мир в наш мир.

Марта Машкевич - полька

Аманда да Кошта Фейтоза - португальский

Елена Мпуку - русская

Ранджита Бермудес - тагальский язык

Клаудия Гонсалес - испанский

Mary Treschitta которая снова сказала "да", чтобы служить нашему возлюбленному.

Благословенно Имя Её — это священное пересказывание жизни Пресвятой Богородицы, основанное на божественных откровениях, полученных сестрой Марией Иисуса из Агреды. Вдохновлённый английским переводом 1912 года Мистического Города Божия, этот роман представляет собой яркое повествование о Непорочном Зачатии Марии, её святом детстве, божественном материнстве и Вознесении — всё это через призму благодати, послушания и любви. Написанная с глубокой преданностью, Благословенно Имя Её приглашает читателей идти рядом с Марией на её пути ко Христу, быть свидетелями триумфа света над тьмой через Ту, что была избрана нести в мир Спасителя. Теперь доступна на шести языках и адаптирована в виде многоязычной аудиокниги, эта вечная история обращается к сердцам по всему миру, принося мир, утешение и вдохновение.

Обложка разработана Мэри Трешиттой, подругой, коллегой и соратницей Барбары Олейник на протяжении 25 лет, во имя Матери Марии. Мэри была приглашена взять интервью у провидцев в Меджугорье, городе в Боснии и Герцеговине, чтобы создать образ Богородицы, которая с 1981 года ежедневно появляется шести детям. Явление происходит каждый день в 17:40, и Матерь Божья передаёт Своё послание провидцам, ныне взрослым. Словами самой Пресвятой Девы, Царицы Мира:

“ Я пришла сказать миру, что Бог существует. Он — полнота жизни, и чтобы насладиться этой полнотой и миром, вы должны вернуться к Богу

